

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А.З. Бейсенов, А.Н. Марьяшев

**ПЕТРОГЛИФЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ЖЕТЫСУ**

Алматы 2014

УДК 930.27
ББК 63.3
Б 41

Издание выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан №0332 ГФ по теме «Истоки степной цивилизации: комплексные исследования памятников эпохи камня, бронзы и раннего железного века Казахстана». Руководитель проекта – А.З. Бейсенов.

Б 41

Петроглифы раннего железного века Жетысу. А.З. Бейсенов, А.Н. Марьяшев – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 156 с. + 46 с. цв. ил., с аннотацией на казахском и английском языках.

ISBN 978-601-7312-49-7

В монографии рассматриваются вопросы в области изучения наскальных изображений раннего железного века Жетысу, вводятся в научный оборот новые данные. Для сравнения привлекаются материалы Южного Казахстана и других регионов.

Книга знакомит с репертуаром наскальных изображений раннего железного века Жетысу, ставит ряд вопросов, актуальных в исследовании проблем культуры сакской эпохи. Наскальные рисунки – свидетельства художественной культуры, которые необходимо рассматривать комплексно, с привлечением объемного корпуса археологических данных. В том числе материалы раннего железного века должны привлекаться в качестве одного из важнейших источников в евразийской скифологии.

Данная монография будет полезна как специалистам, так и всем, кому интересны страницы по истории древнего искусства казахских степей и сопредельных территорий.

Ответственный редактор – З. Самашев, доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент DAI, г. Берлин (г. Астана, РК)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор С.Ж. Жолдасбаев (г. Туркестан, РК)
доктор исторических наук, профессор А.И. Мартынов (г. Кемерово, РФ)
доктор исторических наук, профессор С.Е. Ажигали (г. Алматы, РК)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана
Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

УДК 930.27
ББК 63.3

ISBN 978-601-7312-49-7

© А.З. Бейсенов, А.Н. Марьяшев, 2014
© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благодатная земля Жетысу издревле привлекала людей своим природным богатством, мягким климатом, неописуемой красотой. Издавна казахи говорят: «Жер жаннаты Жетісу», тем самым сравнивая эту землю с райским уголком, определяя ее как «рай на земле». Удивительное и удачное выражение: краткое и очень ёмкое!

Мы не знаем как называли свою землю саки Жетысу, но имеющиеся археологические источники, накопленные благодаря многолетним исследованиям не одного поколения ученых, свидетельствуют о том, что в раннем железном веке регион был густо заселен. Количество и особенности распространения курганных могильников, поселений, культовых мест, святилищ доказывают, что Жетысу относится к зоне особой концентрации ярких памятников.

На территории Жетысу находятся тысячи курганов саков. Открытые и исследованные К.А. Акишевым великолепные пирамиды Бесшатыра на реке Или, «Золотой человек» в кургане «Иссык» уже тогда доказали, наряду с другими материалами, особое место региона Жетысу среди скифо-сакских культур Евразии [Акишев, 1959; 1978; 1994].

Концентрация так называемых «царских курганов», достигающих в высоту 18–20 м, является еще одним аргументом выделения Жетысу в системе культур ранних кочевников, а также высокого уровня их социального развития.

По собранным к середине 1990-х годов данным К.А. Акишева на пространстве площадью примерно 1200 x 300 км, простирающемся от южных и западных пределов Жетысу до Тарбагатай, зафиксированы не менее 35 могильников и местонахождений, в которых имеется около 350 царских курганов [Акишев, 2013, с. 47–48]. Эти данные сейчас увеличиваются. То же самое следует сказать и о поселениях раннего железного века. В 1960–1970-х гг. у археологов в распоряжении были единичные открытые поселения, в том числе интересные данные были получены К.А. Акишевым на поселении Актас [1969]. К настоящему моменту специалистами из Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством К.М. Байпакова открыты многие

десятки поселенческих памятников, нижняя дата которых относится к VIII–VI вв. до н. э. [Байпаков, 2008; Байпаков, Марьяшев, 2001; Байпаков, Чанг, 2000]. Это, по современному определению, период существования раннесакской культуры.

Следует отметить, что в результате новейших исследований специалистами получены обновленные даты курганов Бесшатыра. Радиоуглеродными и дендрохронологическими исследованиями установлено, что эти памятники также относятся к раннесакскому периоду – к VIII–VI вв. до н. э. [Панюшкина, Григорьев, Лейндж, 2015]. К раннесакскому же этапу отнесены и уникальные высокохудожественные предметы из Жалаулы [Тасмагамбетов, 2003; Самашев, Григорьев, Джумабекова, 2005; Самашев, Джумабекова, Базарбаева, Онгар, 2007].

Исследования специалистов показали, что многочисленные клады бронзовых изделий в Жетысу, в особенности, котлы, тоже связаны с тем обстоятельством, что регион в древности являлся политическим, сакральным центром сакских племен [Джумабекова, Базарбаева, 2013].

В настоящее время археология раннего железного века Жетысу пополняется не только новыми памятниками, но и новейшими результатами их исследования. Важным является использование естественнонаучных методов, всего комплекса мультидисциплинарных исследований.

Одним из важных источников при изучении культуры саков Жетысу являются наскальные рисунки, обнаруженные повсеместно, в разных уголках региона. Петроглифы Жетысу во многом обнаруживают близость рисункам Южного, Восточного Казахстана, Саяно-Алтая, Монголии. На фоне окружающих степных зон протянута цепь гор и хребтов – от Каратау через вершины Жетысу и Тарбагатай до Саяно-Алтая. С началом эпохи раннего железа эта линия культурного развития и коммуникаций приобретает особое значение.

К.А. Акишев, А.К. Акишев на основе анализа ряда факторов, в числе которых природно-климатический и ландшафтный, культурно-хозяйственный тип, виды погребальных сооружений и материальной культуры, антропологический тип населения и их принципиальное сходство и др., пришли к выводу о близости сакских культур «полосы гор», включающей Жетысу, Восточный Казахстан, Алтай, Тыву, Минусинскую котловину, Прииссыккулье. Учеными «Полоса гор» выделена как особая географическая, экологическая и этнокультурная область, которая имела тесные связи с Приаралем, другими регионами Центральной Азии [Акишев К.А., Акишев А.К., 1997].

Это очень важное мнение двух видных исследователей Жетысу сейчас подкреплено многими археологическими фактами, среди которых стоит особо отметить близость таких уникальных находок раннесакского времени, как Жалаулы в Жетысу, Шиликты в Восточном Казахстане, Аржан-2 в Тыве.

В этом отношении материалы наскального искусства Жетысу раннего железного века явно усиливает правомочность выделения «полосы гор» как особой этнокультурной области.

Становление казахской школы петроглифоведения как научной отрасли связано с именем видного исследователя Мира Касымовича Кадырбаева. В настоящее время она успешно развивается благодаря деятельности двух его учеников – А.Н. Марьяшева и З. Самашева, которые воспитали уже своих последователей.

В локализации петроглифов раннего железного века Жетысу имеются пункты, где представлены значительные скопления этого времени с яркими изображениями. Они расположены в зоне высокогорья, входящей в систему вертикального кочевания. По-видимому, эти скопления оставлены на пути следования на жайлау: на вершинах гор или же на склонах хребтов, вдоль которых проходила кочевая тропа. В дальнейших исследованиях это положение будет уточняться, но в целом материалы распространения петроглифов подтверждают ранее сделанные выводы К.А. Акишева [1972] о вертикальном способе кочевания саков Жетысу.

Важное место в петроглифоведении в Казахстане занимает вопрос синхронизации наскальных изображений и археологических комплексов, находящихся в непосредственной близости. Эта задача решается специалистами на целом ряде памятников. Причем, отмечается, что раскопки поселений и могильников нужны и важны не только для синхронизации их с петроглифами, но и для исследования и решения целого комплекса аспектов, этнокультурных, хозяйственных и др. [подробнее см.: Самашев, 2012, с. 26–46].

В хронологии петроглифов Жетысу выделяются рисунки финальной бронзы-переходного времени, раннесакского этапа и середины I тыс. до н. э. Для более дробного деления, как это пытаются представить некоторые исследователи, нужны более веские аргументы, основанные на критериях и возможностях работы с наскальными рисунками.

В настоящей монографии предлагается общая характеристика петроглифов Жетысу, выявляются принципы их локализации в хронологическом аспекте, выделяется пласт наскальных рисунков аржано-майэмирского периода.

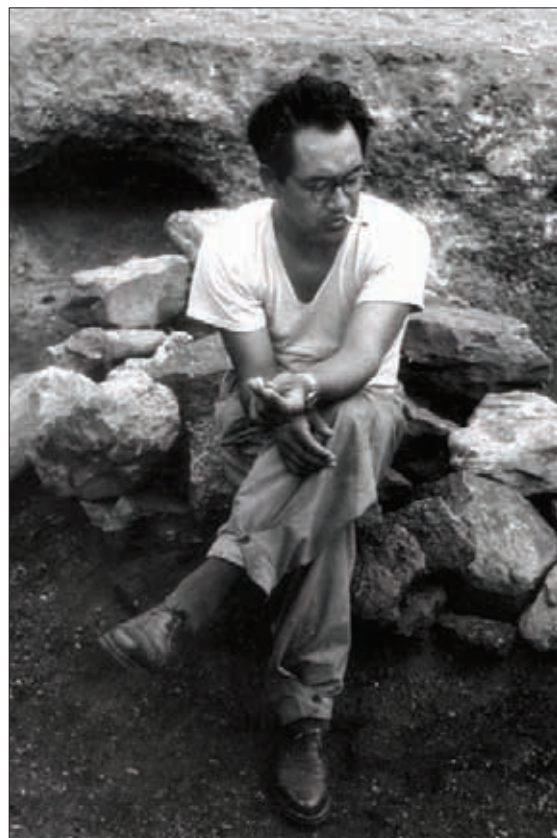

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ЖЕТЫСУ

Удивительные памятники истории и культуры – петроглифы – открыты во многих регионах Казахстана и изучение их представляет собой особое направление в археологии. У истоков научного петроглифведения в Казахстане стояли представители старшего поколения ученых – К.И. Сатпаев, А.Х. Маргулан, С.С. Черников, Х.А. Алпысбаев, А.Г. Максимова, А.Г. Медоев, А. Аманжолов, П.И. Мариковский и др.

Становление науки петроглифведения в Казахстане напрямую связано с именем видного ученого, археолога, одного из основоположников археологической науки нашей страны Мира Касымовича Кадырбаева. Он был одним из первых ученых Казахстана, положивших начало системному подходу к петроглифам как особой категории источников.

В начале 1970-х годов, после открытия Тасмолы и перед выездом на поселение металлургов Атасу, М.К. Кадырбаев проводил исследования на петроглифах Каратау совместно с А.Н. Марьяшевым. Именно эта работа на Каратау стала основой для совместной монографии двух исследователей – первой книги о петроглифах в Казахстане, переизданной позднее [Кадырбаев, Марьяшев, 1977; 2007]. В монографии была разработана периодизация и хронология петроглифов Южного Казахстана и выделено несколько периодов наскального

М.К. Кадырбаев, 1961 г.

искусства. Как справедливо отметил один из известных исследователей наскального искусства в Казахстане З. Самашев, авторы разработали классификацию для визуального определения степени патинизации петроглифов, интересным и новым явлением было привлечение для интерпретации наскальных изображений древних индоиранских и индоарийских мифологических текстов [Самашев, 2007, с. 4].

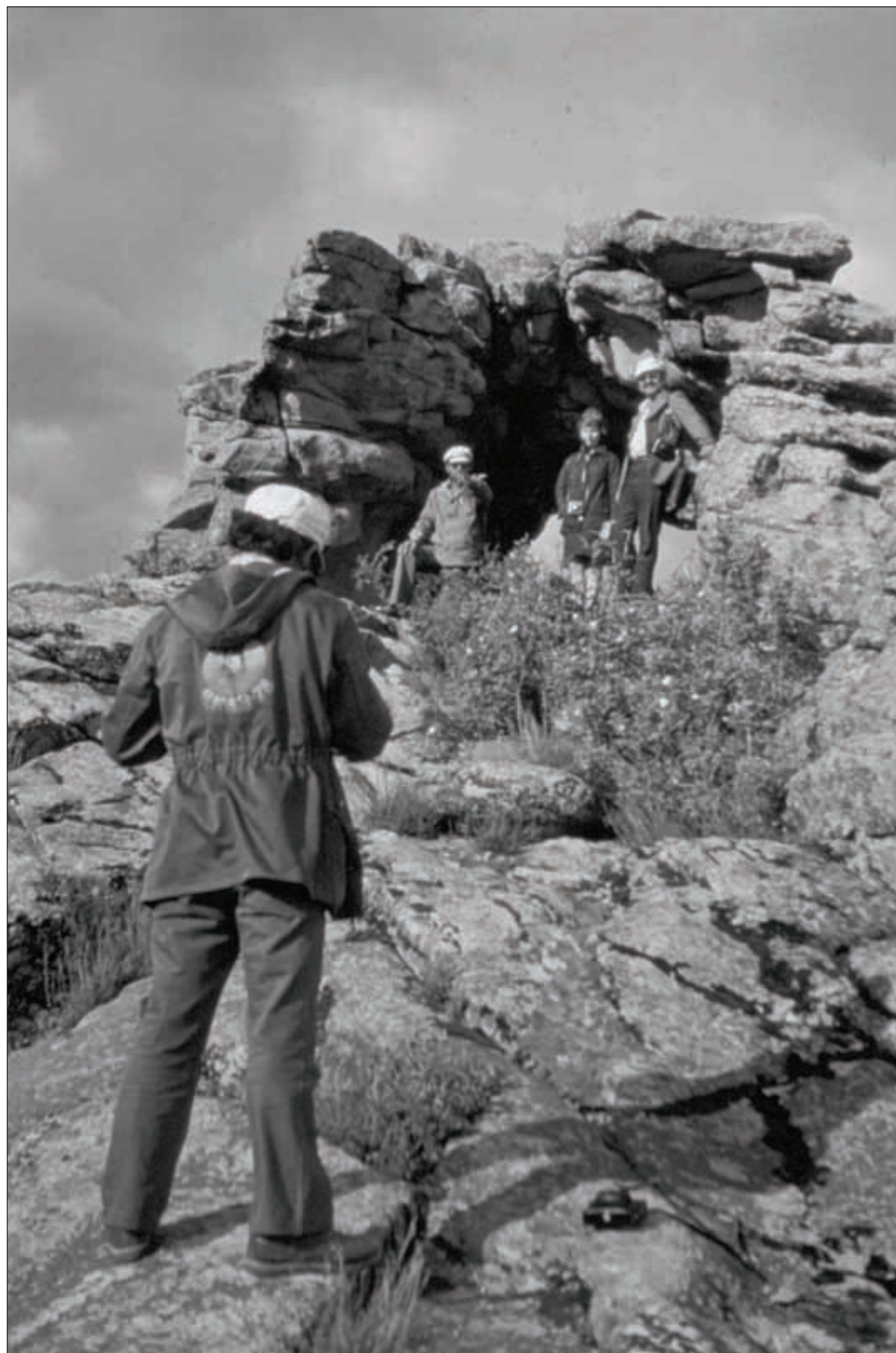
С этого времени ведет свои исследования А.Н. Марьяшев, после работ на Каратау подготовивший и защитивший кандидатскую диссертацию под научным руководством М.К. Кадырбаева. Начиная с 1980-х годов в его группе работали археологи А.Е. Рогожинский, А.А. Горячев, А.М. Досымбаева, Ю.А. Мотов, Б.А. Железняков, С.А. Потапов и др., которые и ныне плодотворно изучают древние памятники Казахстана, в том числе продолжают свои изыскания по петроглифоведению. Основные положения работ этих исследователей, учеников А.Н. Марьяшева, отражены в целом ряде публикаций.

С этого же времени проводятся исследования петроглифов другим учеником М.К. Кадырбаева – З. Самашевым. Еще в те годы важным событием были сбор и введение в научный оборот большого количества данных по Верхнему Прииртышью. Итогом его работ 1980-х годов стала монография «Наскальные изображения Верхнего Прииртышья», изданная на русском, а затем и на английском языках [Самашев, 1992; Samashev, 1993]. В дальнейшем во многих регионах Казахстана проводились исследования ученого, обратившего в своих публикациях внимание на целый ряд методических положений и теоретических аспектов. Эта работа успешно продолжается и ныне [Самашев, 2006; 2009; 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2012].

Со второй половины 1980-х гг. работы в данном направлении результативно проводит В.А. Новоженев, исследовавший ряд памятников наскального искусства в Казахстане и за его пределами [1987; 1989; 1990; 1994; 2002].

Д.А. Байтилеу в своей кандидатской диссертации показал основные этапы истории изучения петроглифов Казахстана, выделив научно-теоретические аспекты и направления [Байтилеу, 2007]. И.Н. Швец успешно занимается проблемами изучения древних антропоморфных изображений. Интересны ее выводы о том, что антропоморфный персонаж, имевший свой расцвет в наскальном искусстве эпохи бронзы, исчезает в раннем железном веке [Швец, 1999; 2012].

Ж.М. Жетибаев, работая в отделе первобытной археологии, затем в группе по изучению памятников раннего железного века и древнего искусства Института археологии им. А.Х. Маргулана, внес существенный вклад в дело изучения петроглифов Казахстана. Жумаш Мукашулы был неизменным и незаменимым участником практически всех экспедиций, организованных его учителем З. Самашевым – от Тамгалы до Теректы Аулие, Береля и Дыкылтаса на Мангыстау. Активно участвуя в полевых исследованиях самых различных памятников,

*Грот Тесиктас, 1979 г. Слева направо: А.С. Загородний, Н.С. Гецова и М.К. Кадырбаев.
На переднем плане – В.М. Кадырбаев. Фото А.С. Ермолаевой*

в том числе и по выявлению, фиксации петроглифов разных эпох, он продолжал заниматься своей темой, посвященной наскальным рисункам казахов. Материалы рано ушедшего из жизни талантливое исследователя были посвящены разным компонентам казахской традиционной культуры: видам вооружения, образу всадника, камшы (плеть), поясу казахов, кошкартасам как разновидности наземных погребальных сооружений и др. Эти данные имеют немалое значение в исследовании проблем культуры ранних кочевников степной Евразии [Жетибаев, 1993; 1994; Жетибаев, Самашев, 1995; Жетибаев, Швец, 2002; Самашев, Жетибаев, 2005].

В настоящее время, в начале XXI века, казахская школа петроглифоведения успешно развивается. Помимо многочисленных статей, сообщений и книг разного уровня, опубликованных казахскими исследователями, следует отметить две докторские диссертации, посвященные разработкам проблем изучения петроглифов Казахстана и Центральной Азии. Диссертация А.Н. Марьяшева по теме «Наскальные изображения Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья» была подготовлена в начале 1990-х гг. и успешно защищена в 1995 г. в Новосибирске [Марьяшев, 1995].

В 2010 г. была защищена докторская диссертация З. Самашева по теме «Наскальные изображения Казахстана как исторический источник» [Самашев, 2010]. Это была первая работа по наскальному искусству, обобщившая многочисленные материалы от позднего каменного века до этнографических рисунков по всей территории Казахстана. Исследователь дает такое определение петроглифам: «наскальные изображения – специфический продукт изобразительной деятельности человека, обладающий повышенными информационными свойствами и использующийся в универсальных разработках по археологии, истории культуры, искусствоведению, семиотике, культурологии, языкознанию, этнологии» [Самашев, 2010, с. 9]. На территории Казахстана исследователем выделены пять условных зон распространения наскального искусства: 1. Урало-Каспийский регион; 2. Казахский мелкосопочник; 3. Казахский Алтай; 4. Жетысу; 5. Южный Казахстан.

О многочисленных наскальных изображениях эпохи раннего железа в Казахстане было известно давно. В конце сороковых годов XX века С.С. Черниковым были выявлены петроглифы в верховьях реки Иртыш [1947]. Предварительная периодизация, построенная им, была основана на материалах из Восточного Казахстана и явилась результатом исследований в Калбинском и Нарымском хребтах. Х.А. Алпысбаев выявил разновременные группы петроглифов и обратил внимание на сакские рисунки, основываясь на их стилистических особенностях [Алпысбаев, 1956].

Значительным событием стало открытие в конце 1950-х гг. А.Г. Максимовой святилища в Тамгалы с рисунками эпохи бронзы [Максимова, 1958; Максимова,

Ермолаева, Марьяшев, 1985]. В дальнейшем изучением памятников Тамгалы занималась большая группа ученых: А.Н. Марьяшев, А.Г. Максимова, А.Г. Медоев, З. Самашев, А.Е. Рогожинский, А.С. Ермолаева, А.Ю. Мотов, А.А. Горячев, Ж.М. Жетибаев, Г.С. Джумабекова и др., а также специалисты по геологии, палеоботанике, топографии, искусствоведению, консервации и реставрации. Много труда вложил в изучение и сохранение Тамгалы А.Е. Рогожинский. В урочище Тамгалы найдены курганные захоронения, а также и поселения с материалами раннего железного века, что вполне согласуется с наличием наскальных рисунков, относящихся к сакской, усуньской эпохам [Рогожинский, 2011].

В 1960-1970 гг. было установлено, что рисунки эпохи бронзы преобладают почти на всех памятниках первобытного искусства. Это открыло возможность изучения семантики петроглифов Казахстана.

А.Г. Медоев обратил внимание на то, что в урочище Арпаузен древние художники нанесли сцену с оленями поверх ранних изображений эпохи бронзы преднамеренно, где она вписана в более древнюю сцену. В этом случае сакские гравюры не являются палимпсестом. А.Г. Медоев подчеркнул, что «сакский мастер оставил произведение предшественника открытым, оно свободно просматривается сквозь его картину» [Медоев, 1979, с. 16.]. Следует подчеркнуть, что А.Г. Медоев одним из первых стал рассматривать петроглифы в искусствоведческом аспекте, и вывел древние рисунки из чисто археологических рамок, рассматривая их в комплексе. В дальнейшем выяснилось, что как в Каратау, так и в урочище Урмарал, сакские мастера использовали аналогичные приёмы вписывания в контуры больших изображений силуэты фигур оленей или козлов [Гапоненко, 1963, с. 151].

Анализ стиля в подобных гравюрах позволил уже в 60-70-е годы XX века отнести эти фигуры к раннесакскому времени. Однако некоторые сложности возникали в тех случаях, когда в других рисунках кочевников звериный стиль не просматривался. До начала или середины 80-х годов XX века созданную периодизацию первобытного искусства в Казахстане можно было считать предварительной.

В 1982 году экспедицией КазПИ им. Абая были открыты два новых памятника – в горах Ешкиолмес и в горах Баянжурек. Работы проводились под руководством А.Н. Марьяшева. Для изучения петроглифов эпохи раннего железа наиболее важным оказался первый из них.

В процессе изучения Ешкиолмеса исследователи использовали стилистический анализ и выделили большой пласт петроглифов раннесакского времени, опираясь на аналоги сакского искусства, известные в материалах из датированных памятников [Марьяшев, Рогожинский, 1990].

Памятники Ешкиолмеса и в дальнейшем становились объектом изучения [Байпаков и др., 2005], но для полного научного освоения материалов этого

А.Н. Марьяшев в горах, 1977 г.

замечательного историко-культурного ландшафта потребуются время и, главное, необходимо специальное целенаправленное исследование, объединяющее усилия разных специалистов.

Значительным вкладом в исследовании петроглифов кочевников стала обобщающая работа Я.А. Шера о наскальном искусстве Средней и Центральной Азии [1980].

Под руководством Я.А. Шера и З. Самашева в Таласском хребте совместная казахско-российская экспедиция обследовала вторично урочище в верховьях р. Урмарал. Было установлено несколько периодов функционирования святилища [Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987].

Были выявлены сакские изображения в урочищах Малый Койтас, Ойжайляу, Шолак, Кулжабасы, Баянжурек [Марьяшев, Горячев, 2002; Байпаков, Марьяшев, 2004; 2008; 2009]. Ученые обратили внимание на особенности изображений раннего железного века хребта Кулжабасы. Здесь отсутствуют яркие рисунки, характерные для раннего этапа сакской эпохи, ряд выявленных изображений относится к поздне-сакскому и усуньскому периодам.

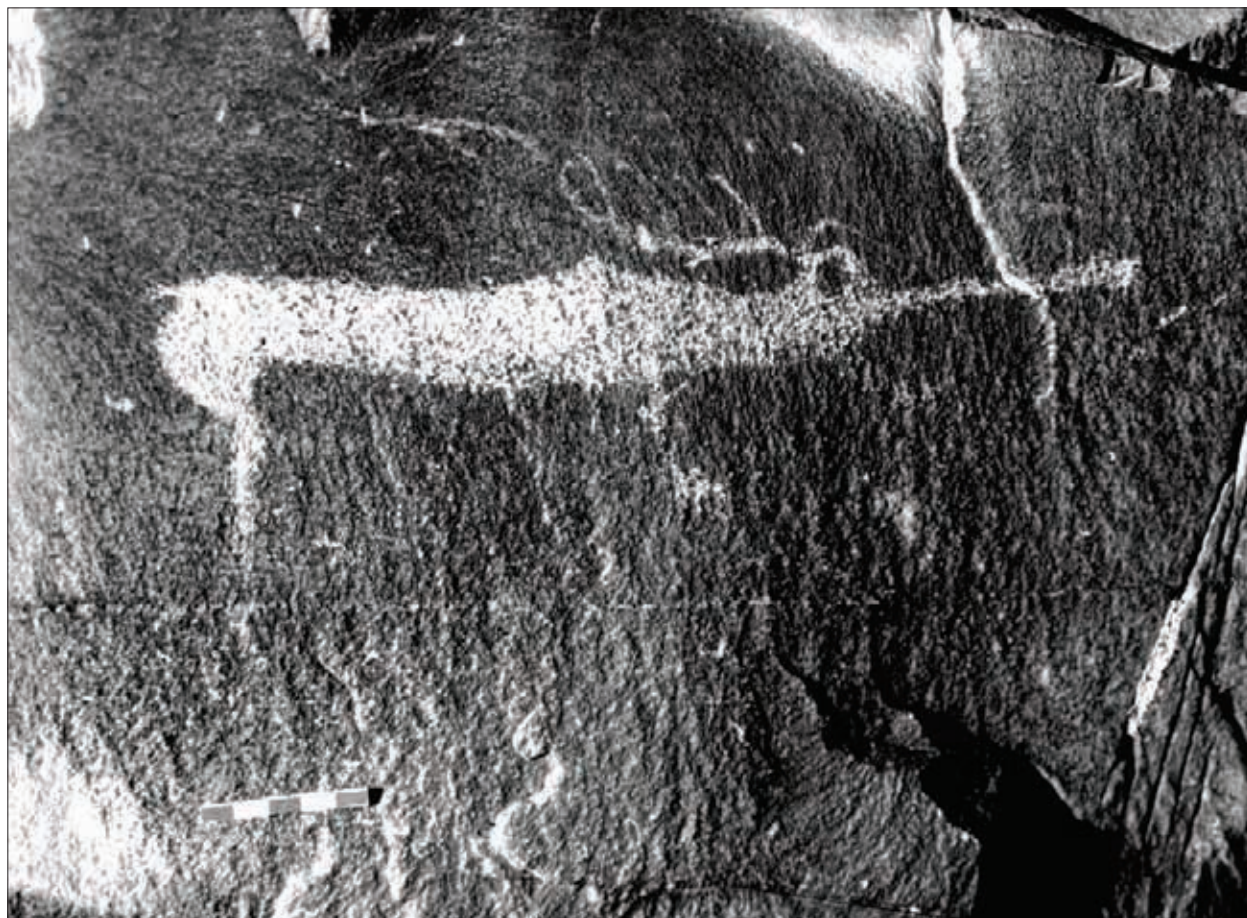
На Кулжабасы имеется редкий рисунок эпохи раннего железа из пятого ущелья. Это сцена с фигурами мужчин, котла на коническом поддоне и беременной женщины [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, фото 6] (фото 78). Относительно этой редкой сцены сложились противоречивые суждения. Здесь показан котёл с поддоном, указывающий на принадлежность этой сцены к сакскому периоду, а с другой стороны, присутствуют стилистические признаки (изображение пешего мужчины с фаллосом в профиль), указывающие на близость рисункам эпохи бронзы. То же можно сказать и о рисунках с фигурами пеших воинов с кинжалами и клевцами [Марьяшев, Железняков, 2013] (фото 77). Более веским аргументом для датировки здесь стало вооружение воинов. Удивительным является факт прорисовки лиц персонажей, поскольку было принято считать, что в сакских наскальных рисунках их не изображали.

С накоплением материалов стали рассматриваться вопросы происхождения звериного стиля, изучения ранних его этапов. В этом отношении значительный интерес представляют петроглифы, обнаруженные З. Самашевым в ущелье Жынгылшык в хребте Каратау. Это фигуры оленей с клювовидными мордами, известные в Монголии [Самашев, 2006]. Появление их на юге Казахстана связано с миграцией населения с востока ещё в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Петроглифы Баянжурека стали предметом специальных исследований З. Самашева в середине 1990-х годов, продолженных затем в 2009 г. [Самашев, 2012; Самашев, Нұрмұханбетов, 2011]. К настоящему моменту здесь зафиксировано около 2,5 тыс. рисунков. В публикациях, посвященных Баянжуреку, исследователь особое внимание обращает на рисунки оленей с клювовидной мордой, запечатленных на скалах Жетысу и других регионов.

Отнесенное им к переходному этапу от эпохи бронзы к раннему железному веку изображение из Баянжурека, сопоставляется с рисунками на оленных камнях Центральной Азии. Развивая мнение В.В. Волкова [1981], считавшего оленные камни изваяниями воинов, З. Самашев предлагает свою трактовку. Он предполагает, что «на оленных камнях изображен не просто вооруженный человек, а воин, наделенный функциями шамана или жреца»; оформление оленных камней им сопоставляется с сибирскими шаманскими костюмами, в основе которых «лежит образ светлых зверей и птиц, духов-помощников и покровителей шаманов» [Самашев, 2012, с. 107].

Со ссылкой на Е.Д. Прокофьеву исследователь далее отмечает, что костюм сибирских шаманов воплощал в себе символ птицы и оленя. Как пишет исследователь, многие специалисты различные рисунки оленей закономерно связывают с ритуалом жертвоприношения, вместе с тем, одна поза на этих рисунках – олень, стоящий на кончиках копыт («пуантах»), «на самом деле может обозначать

Изображение оленя. Баянжурек. Фото З. Самашева

висящую на шестах шкуру животного с конечностями» [Самашев, 2012, с. 111]. Не вполне ясно мнение З. Самашева – отрицается ли им жертвенная сущность позы животного в таком случае?

Очень интересно мнение З. Самашева по поводу изображений оленей, для которых характерны декорирование тела спиралями, завитками и другими символами. Считая интерпретации ученых о космических животных, уподобленных небесным светилам «тривиальными», З. Самашев предлагает эту серию оленей сопоставить с предметами декоративно-прикладного искусства сакского времени, выполненными в технике инкрустации и аппликации. Важно заметить, что речь идет об изображениях, которые З. Самашев относит ко второй половине – концу I тыс. до н. э. Нельзя не отметить позицию исследователя-скифолога, хорошо знающего как особенности произведений декоративно-прикладного искусства этой эпохи, так и аспекты периодизации, в свою очередь учитывающей, помимо прочего, именно эти же особенности.

Материалы хребта Малый Каратау позволяют проследить некоторые ранние элементы звериного стиля в изображениях животных. Здесь А.Н. Марьяшевым была выделена группа рисунков периода поздней бронзы и, возможно, переходного времени к раннему железному веку.

Репертуар этих петроглифов значительно отличается от рисунков эпохи бронзы и раннего железа. Есть значительное количество изображений хищников (тигров, львов), что не совсем характерно для рисунков Жетысу. Позы некоторых фигур близки известным изображениям тигров и львов Передней Азии. Однако в наскальных изображениях Каратау нет большинства образов животных, известных в прикладном искусстве Сибири, Алтая, Жетысу, в том числе нет наиболее типичных образов, характерных для наскального искусства эпохи раннего железа. Это даёт основание считать, что в этот период, к которому относятся упомянутые изображения, звериный стиль ещё не сформировался [Байпаков, Марьяшев, 2013].

А.Е. Рогожинским обнаружены и атрибутированы не встречавшиеся в Жетысу изображения зеркал [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, рис. 7].

С.С. Мургабаевым проводились исследования петроглифов Каратау [2010; 2011]. Он попытался выделить ранний пласт петроглифов досакского времени и связать его с предыдущей культурой эпохи бронзы. Выдвинутый им тезис представляется интересным, но требует более обоснованных аргументов. Предположение, что истоки звериного стиля следует искать в Казахстане, требует, прежде всего, объемного и детального исследования.

По-прежнему наиболее полновесным остаётся тезис Я.А. Шера о формировании звериного стиля на востоке – на территории Монголии или Сибири [Шер, 1998, с. 218–230].

Отметим, что в настоящее время всё больше специалистов, занимающихся исследованием проблем археологии раннего железного века степной Евразии, обращают внимание на районы Северного Китая, Ордоса.

Интересными оказались работы З. Самашева об исследованиях курганов Берел на Казахском Алтае [Самашев, 2011б], давших богатый материал по искусству звериного стиля. Эти высокоинформативные данные, полученные усилием солидной группы специалистов под руководством З. Самашева, напрямую способствуют изучению вопросов художественной культуры сакских племён.

Остаются неизученными петроглифы гунно-сарматского времени (позднесакского и усуньского периодов). По материалам Кулжабасы Р. Сала затронут вопрос хронологии рисунков этого времени и некоторым рисункам дал краткое описание. Но для датировки данных изображений аргументов пока недостаточно [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004]. Б.А. Железняков также обратил внимание на этот вопрос, однако в связи с недостатком петроглифического материала вопрос

А.Н. Марьяшев. Плато Асы, 2009

еще не решен [Марьяшев, Железняков, 2013].

Следует отметить, что и в археологическом отношении эти вопросы еще по-настоящему не разработаны. Сейчас требуется значительная корректировка данных, относящихся к памятникам конца I тыс. до н. э. и начала I тыс. н. э.

Одним из важных аспектов рассматриваемой темы является направление, связанное с поиском, выявлением и изучением древних поселений в районе расположения петроглифов. В последнее время поселения раннего железного века открываются и изучаются во многих пунктах Алматинской области [Байпаков, 2008; Байпаков, Чанг, 2000; Байпаков, Марьяшев, 2001]. Количество открытых поселений в настоящее время растет.

А.Н. Марьяшевым и А.А. Горячевым проведены исследования поселений и могильников эпох бронзы и раннего железа в районе Ешкиолмеса, Баянжурека, известных своими многочисленными петроглифами, а также в урочище Ойжайляу [Марьяшев, 2002; 2003; Марьяшев, Горячев, 2008; Горячев, 2007; 2008]. Как

специально отмечает в своих публикациях З. Самашев [2009, с. 119–120; 2012, с. 26–46], разработка вопросов синхронизации петроглифов с открытыми археологическими комплексами в настоящее время является перспективным направлением. Древние поселения были открыты и изучены А.Е. Рогожинским, Р. Сала на Кулжабасы [Рогожинский, 2012, с. 50–53; Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004]. В 2012 г. группой А.З. Бейсенова здесь также были выявлены поселенческие памятники раннего железного века [Бейсенов, 2014]. В 2013–2014 гг. удалось выявить значительную серию поселений и на Аккайнаре, что на восточной оконечности хребта Кулжабасы. Как известно, в комплексном исследовании петроглифов Тамгалы, при их датировке имеют важное значение и материалы могильников, поселений эпохи бронзы и раннего железного века [Рогожинский, 1999; 2011].

Таким образом, несмотря на солидный задел, сформированный в предыдущие годы плеядой выдающихся ученых, с накоплением информации, открытием новых памятников древнего искусства перед нами встают насущные вопросы, касающиеся культуры населения Казахстана. Публикация материалов – один из путей сообща, с привлечением специалистов их решить.

ВОПРОСЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕТРОГЛИФОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Уже давно было замечено, что рисунки эпохи ранних кочевников часто располагаются рядом с более древними. В некоторых случаях их выбивали на свободных, не занятых более древними петроглифами, плитах, и совсем немного имеется памятников, где сакские петроглифы составляют большинство.

К их числу можно отнести те из них, которые расположены в зоне пастбищ. В расположении рисунков эпохи бронзы и раннего железа прослеживается некоторая закономерность: первые из них в целом составляют большинство и преимущественно находятся в степной зоне. Сакские рисунки иногда завершают галереи более ранних или же размещены выше – в среднегорье или высоко в горах. Их находят на высоте от полутора до двух тысяч метров и выше. Как правило, сакские изображения занимают часть горной долины либо устья ущелий.

Рассмотрим основное скопление петроглифов сакского времени в горах Ешкиолмес, где находится много рисунков в зверином стиле.

Этот хребет вытянут с запада на восток на расстояние около 20 километров. Наиболее высокая его часть находится в западной части хребта. Южные склоны хребта крутые, прорезаны неглубокими и довольно короткими безводными ущельями, заросшими кустарником. Северные склоны хребта пологие.

Всего здесь отмечено более 20 ущелий. Петроглифы Ешкиолмеса – это один из крупных памятников наскального искусства. Полного исследования здесь ещё не проводилось, можно только приблизительно отметить, что на скалах высечено около 10 000 петроглифов. Рисунки оставлены в течение длительного периода – от эпохи бронзы до этнографического времени.

Основная часть петроглифов расположена в 7 км выше плотины по течению р. Коксу в ущелье №11. Выше в 5–7 км к востоку река вырывается из высокого каньона и образует широкую долину. На второй высокой надпойменной террасе сохранились лёссовые отложения эпохи плейстоцена со следами старого русла.

На ровных верхних террасах на правом берегу реки расположены могильники кочевников, которые тянутся беспрерывно на 10 км вдоль хребта на юг и за изгибом

Долина реки Коксу

реки на восток. В нескольких местах из-под курганов видны края каменных ящиков с погребениями эпохи бронзы.

На надпойменной террасе находятся несколько могильников эпохи поздней бронзы – Талапты I, Талапты II и одноимённое поселение. Часть этих могильников была исследована в 80-е годы прошлого века К.М. Карабаспаковой и А.Н. Марьяшевым.

В 3–5 км к востоку от археологического комплекса Талапты находится большой могильник Куйган. На протяжении нескольких лет велись его раскопки под руководством А.Н. Марьяшева и в 1990-е годы – А.А. Горячева. На могильнике выявлены погребения в ящиках и цистах XIV–XII вв. до н. э. и ряд погребений эпохи ранних кочевников.

Выявлено несколько типов погребальных сооружений эпохи раннего железа:

1. Неглубокие погребения внутри оград округлой формы, выложенных из камней. В них обнаружены захоронения на глубине от 60–70 см. Погребённые

лежали на спине головой на запад. Раскопано восемь оград. Предметный комплекс отсутствует.

2. Курганы с подбоями с северной стороны ямы размерами от 10–12 м, высотой от 1 м до 1,5 м. Раскопано два кургана. Вещевой материал в одном из них – сосуд в форме кувшина, точильный камень и обломок железного ножа.

У подножья гор протекает одна из крупных рек Жетысу – Коксу, берущая своё начало с ледников Жонгарского Алатау. Ущелья с петроглифами довольно короткие, в среднем протяжённостью от 1 до 2 км. Петроглифы эпохи бронзы в основном высечены на вершинах сопок или на предвершинной части гор, причём наиболее выразительные с рядом культовых сюжетов расположены на сопках на скальных грядах с чёрной патинизацией. Однако в тех случаях, где выходы скальных пород не имеют патины, рисунков нет, следовательно, одним из условий для нанесения рисунков являются плиты с чёрной патиной. Традиция выбивать рисунки на вершинах связана, видимо, с культом гор.

На этих же скалах выбиты маленькие рисунки с колесницами, причём они занимают далеко не лучшие плиты высоко над землёй и неразличимы издали у земли. На скалах третьей группы и на гребне по пути к вершине сопки наряду с более древними встречаются и сакские рисунки, но их немного.

Появление сакских сюжетов и их чередование с более древними на этом памятнике не случайны. Следует отметить, что даже ранние петроглифы эпохи бронзы в ущельях с 11 и по 14 заметно отличаются от петроглифов степной зоны, выбитых в тамгалинской традиции.

Возможно, древние сюжеты (адоранты, культовые сюжеты, сцены с роженицей) здесь появились позднее, в эпоху поздней бронзы. В это же время сложилась традиция использовать граффити. Эта техника в дальнейшем была использована в сакское время.

На других памятниках Жетысу техника резьбы не получила такого широкого распространения. В Ешкиолмесе эта техника тоже использовалась не везде – уже в изображениях с 15 по 20 ущельях она не прослеживается. Исключение составляют редкие рисунки. Но на северных склонах хребта в западной его части встречается целая группа рисунков в технике граффити.

В ущельях с 11 по 14 сосредоточены наиболее важные петроглифы как по выразительности и художественной ценности, так и наиболее ценные по информативности и представляющие интерес для археологов как исторический источник.

Первая группа петроглифов находится в 700 м от устья короткого безводного в наше время сая на скальной гряде, заметной издали, на скалах с чёрной патиной. На чёрных плитах нанесено множество рисунков разных эпох, начиная с эпохи поздней бронзы. Здесь рисунки эпохи бронзы чередуются с сакскими петроглифами.

Видимо, к раннему железному веку часть плит была уже занята, поэтому самые презентабельные рисунки расположены на более ровных и удобных плитах. Среди петроглифов есть сцена с великаном и маленькими лучниками, расстреливающими его. В той же группе выбиты подновлённые изображения колесниц и поблизости фигура мужчины и мальчика с маленьким луком. Выше нанесены тонким инструментом или острым камнем едва заметные на поверхности отдельных плит мини-рисунки колесниц и на отдельном камне – изображение свернувшегося в кольцо хищника, выполненные в технике граффити.

В средней части гряды расположено несколько средневековых петроглифов, но большая часть плит уже заполнена сакскими рисунками. Многие из них были подновлены позднее.

Вторая группа (фото 7–11) из 11 ущелья находится ещё выше на склонах доминирующей сопки и на скалах с северной и южной экспозицией. Там есть изображение охотника и двух пантер (фото 10). На одной из скал выбиты фигуры козлов и архаров, и в нижней части – одна из интересных для исследователей наскального искусства сцен (фото 11). Вверху её изображены несколько рожениц в типичных для петроглифов эпохи бронзы позах, адоранты и внизу неясная по смыслу, видимо, культовая сцена из нескольких воинов-мужчин с палками в руках. Между верхними и нижними изображениями «вписаны» фигуры двух крупных оленей с поджатыми ногами со следами более позднего подновления.

Ещё ниже по склону на уровне головы человека высечены две фантастические «пантеры». Их моделировка проста – намечены контуры животных, выделен глаз (фото 13). Несколько рисунков сакского времени имеются на вершине сопки на склоне с восточной экспозицией, в том числе сцена с терзанием волками козла (фото 14). К петроглифам сакского времени следует отнести изображения орлов и оленя в зверином стиле из ущелья 12.

Целая группа сакских рисунков выбита в устье ущелья 13. Они расположены в одном километре от входа в сухое русло. Все рисунки размещены на скальных выходах. Это изображения козлов, архаров.

В целом, ущелья с 11 по 14 являются центральными с наскальными рисунками сакского времени. В этом районе имеются несколько десятков петроглифов с оленями, архарами и волками в зверином стиле.

Восточнее ущелья 5 рисунки сакского времени сокращаются и неожиданно появляются снова в ущелье 20, причем в верховьях этого сая обнаружена группа рисунков в зверином стиле: архары и верблюды с поджатыми ногами, косули и олени в такой же позе. Там же выбита фигура «ревущего» оленя с поджатыми ногами, изображение кабана в зверином стиле. Несколько необычный рисунок с подновлёнными изображениями двух архаров рядом с реставрированной фигурой оленя-верблюда свидетельствует о том, что в эпоху раннего железа территория

была плотно заселена племенами кочевников. Об этом же говорят сохранившиеся до нашего времени крупные курганы. В наше время эти поля засеяны пшеницей.

Древние художники ещё в предыдущую эпоху начали использовать рисунки, выполненные резьбой.

В Ешкиолмесе наблюдается непрерывная цепь в эволюции наскального искусства от эпохи бронзы и до средневековья, причём прослеживается особенно в эпоху поздней бронзы использование новых приёмов нанесения на плоскость изображений с граффити, приёмов, которые получили дальнейшее развитие в эпоху раннего железа и в средние века [Байпаков, Марьяшев, Потапов, Горячев, 2005].

Приём резьбы позволял нанести на плиту мельчайшие детали: наконечники луков, полёт стрелы, форму колчанов, спицы в колеснице и форму грузовой площадки, зубы у волка и многие другие элементы изображаемых реалий, наиболее важные с точки зрения древнего человека.

О том, что здесь имеются гравировки нескольких эпох, в том числе и переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу, можно судить по сюжетам: во второй группе петроглифов в ущелье 2 имеется вышеуказанная плита с изображением сверху двух рожениц, оленей с поджатыми ногами, группы воинов вооружённых топорами и чеканами и фигур копытных в зверином стиле. Выше и ниже расположены изображения пантер и другие рисунки сакского периода.

На плитах в хребте Ешкиолмес имеется множество гравированных рисунков. Интересным является тот факт, что аналогичные изображения выявлены на Алтае и в Сибири. На алтайских памятниках тоже обнаружены резные рисунки, выполненные очень тонким инструментом.

Е.А. Миклашевич обратила внимание на то, что часть из них выбита, а главные детали, хвост лошади, наконечник, стрела, нанесены резьбой, чтобы легче и точнее выделить детали и предметы вооружения. Часть рисунков выполнена исключительно тонкой резьбой. Такое же сочетание технических приёмов наблюдается и в Ешкиолмесе. На этом же памятнике отмечено, что резьбой древние художники начали пользоваться ещё в эпоху бронзы, причём чаще всего гравировки использовали для изображений колесниц, их деталей, стрел в полёте и различных наконечников оружия. Некоторые рисунки колесниц настолько миниатюрны, что их заметили не сразу.

В раннем железном веке эта техника получила дальнейшее развитие: с помощью резьбы художники сумели сделать рисунки более динамичными и добиться большей выразительности. Пока что остаётся неясным, почему эта техника не получила дальнейшего развития на других памятниках.

Надо отметить, что большинство изображений копытных и зверей из Жетысу стилистически очень близки сибирским и алтайским петроглифам эпохи раннего железа.

Неясно, почему приведённые Е.А. Миклашевич изображения вызвали полемику: судя по рисункам, именно эти рисунки являются наиболее типичными для петроглифов эпохи раннего железа [Миклашевич, 2012, с. 157–203].

Петроглифы урочища Малый Койтас находятся в 42 км к северу от г. Жаркента. Эти петроглифы были обнаружены в конце сороковых годов XX века Л. Нифонтовой, учительницей и краеведом. Вместе со школьниками она принимала участие в археологических раскопках.

Петроглифы были нанесены на крупные окатанные валуны, принесённые ещё ледником. О том, что часть из них оставлена ледником, свидетельствует их расположение над доминирующей в местеслияния Малого и Большого Усека сопке и на высокой надпойменной террасе. Часть рисунков расположена на противоположном правом берегу реки на другой более низкой сопке и на надпойменной террасе.

На правом берегу часть камней была использована древним населением для сооружения оград нескольких поселений, находящихся в 100–150 м друг от друга. Среди камней на северной стороне одной из наиболее сохранившихся выкладок были обнаружены рисунки лошади и оленя с большими рогами, расходящимися в стороны. На месте поселений обнаружена керамика: обломок

Горы Койтас

ручки сосуда, ручки котла и ещё несколько фрагментов керамической посуды. К югу от поселений расположено несколько могильников с курганами, сложенными из окатанных камней.

К востоку от главной сопки с петроглифами в широкой долине р. Средний Усек находился большой могильник из курганов кочевников. Более 30 лет назад при паспортизации памятников было зафиксировано 95 курганов. По сообщению Л. Нифонтовой, один из курганов был раскопан. В погребении был обнаружен меч.

Ниже урочища Малый Койтас находятся ещё десятки могильников. В настоящее время ровный участок с погребениями кочевников был сдан в аренду, и более половины курганов снесены.

В месте слияния Малого и Среднего Усека на надпойменной террасе на крупных камнях имеются наскальные изображения. Они встречаются на расстоянии более одного километра.

Среди них находятся крупные изображения кабанов (фото 31–35), размерами более одного метра, всего шесть фигур. Рисунки выполнены в зверином стиле и расположены по всему периметру камня. Аналогичные им рисунки были обнаружены в кургане Аржан 1. Они были датированы аржано-майэмирским этапом эпохи раннего железа [Маннай-Оол, 1970; Артамонов, 1973; Грязнов, Маннай-Оол, 1974].

Севернее камня обнаружено около ста крупных и средних камней с наскальными рисунками. На них нанесены контурные фигуры оленей, козлов, баранов. Часть из них выполнена в зверином стиле. Некоторые фигуры орнаментированы в форме рассекающих корпус вертикальных полос или нанесённой по корпусу оленей сетки. Часть фигур в зверином стиле недостаточно изящна: некоторые изображены в движении. На скалах запечатлены сцены охоты, преследования собаками животных.

Наиболее заполнена изящными рисунками нижняя часть на надпойменной террасе на левом берегу р. Малый Усек. Отдельные крупные рисунки встречаются на склоне с западной экспозицией на сопке, служащей водоразделом между реками Малый и Средний Усек.

В верхней части сопки обнаружены фигуры быка и колесницы, что даёт основание считать, что рисунки наносились в течение длительного времени. Одна часть петроглифов появилась, судя по рисункам кабанов, на раннем этапе формирования звериного стиля, другая – нанесена позднее и может быть отнесена ко второй половине I тыс. до н. э. Об этом можно следить по множеству безыскусных рисунков.

Основное скопление рисунков находится на кочевой тропе, ведущей на высокогорные жайлау. Неслучайным был и выбор места святилища: петроглифы

расположены в том месте, где обе реки вырываются на широкую долину. Здесь находились поселения и родовые могильники сакских племён.

Данный один тип скопления наскальных рисунков сакского времени характерен для высокогорных памятников, где основная масса рисунков относится к эпохе раннего железа. Прямым аналогом ему могут служить наскальные изображения в Чолпон-Ате. Там тоже основная группа рисунков состоит из сакских петроглифов.

Организованные таким образом памятники представляют святилища, которые содержат центр, обозначенный большим камнем с крупными рисунками в зверином стиле, и площадку перед ним. Вокруг и вблизи рисунки достигают более одного метра величиной. На окатанных и покрытых густой патиной валунах располагаются менее значимые петроглифы, выполненные тоже в зверином стиле. Это изящные фигуры козлов: задняя часть корпуса козлов заполнена волютами и отчасти напоминает нижний ряд петроглифов в Маймаке [Байпаков, Марьяшев, 2013] в районе реки Терс Жамбылской области. Чем дальше от центра с фигурами козлов и хищника, тем беднее становится репертуар рисунков.

Так же, как и в Малом Койтасе, в скоплении петроглифов Чолпон-Аты большой камень имеет своё назначение – он заменяет алтарь и маркирует модель святилища.

Так же, как и в Малом Койтасе, здесь неподалёку были расположены жилища кочевников – в 1969–1970 годах на поверхности были ещё заметны каменные выкладки небольших жилищ (возможно, они уже не сохранились). Как и на Койтасе, рисунки Чолпон-Аты частично были разрушены при строительных работах.

Немногочисленные петроглифы, выполненные в зверином стиле, были недавно обследованы в урочище Аюке. Рисунки расположены в невысоких горах в 35–40 км от речки Курты в западной части Алматинской области. Наиболее интересны рисунки с фигурами волков, козлов и архаров. Некоторые петроглифы с фигурами волков иконографически близки рисункам Алтая, однако технически эти рисунки выполнены выбивкой, а не резьбой по камню. Некоторые рисунки имеют аналоги в материалах среди сибирских и алтайских гравированных рисунков [Миклашевич, 2012]. Большинство рисунков расположены в предвершинной части гор. На равнине находятся цепочки курганов.

Одно из крупных скоплений рисунков находится в горах Кулжабасы. Здесь выявлены многие тысячи изображений разных эпох. Хребет Кулжабасы тянется с запада на восток на протяжении свыше 50 км.

Замечено, что при больших скоплениях петроглифов встречаются рисунки почти всех эпох. Обжитые ущелья долгое время местному населению представлялись

Скалы Кулжабасы

сакральными, поэтому рисунки более позднего времени часто встречаются рядом на одной плите.

Этот памятник представляет интерес для археологов в том отношении, что на скалах Кулжабасы можно проследить взаиморасположение петроглифов нескольких эпох. Поскольку хребет находится в степной зоне (его вершины немногим выше 1000 м над уровнем моря), здесь находятся многочисленные рисунки пастухов эпохи бронзы. Основная часть их создана ещё в конце III тыс. до н. э. или на рубеже III–II тыс. до н. э. Эти наиболее представительные петроглифы размещены на сопках 1 и 2 названных ущелий на самых удобных плитах. Рисунков сакского времени среди них почти нет, но они оказались в соседнем ущелье №5. Это небольшая группа петроглифов с изображениями пеших воинов с кинжалами и чеканами. На плите поблизости выбит котёл с коническим поддоном и сцена с роженицей [Марьяшев, Железняков, 2014]. Судя по оружию и котлу, оба сюжета появились в эпоху раннего железного века, но фигуры пеших воинов выполнены в старых традициях эпохи бронзы: у мужчин видны половые признаки, что в целом не характерно для сакских рисунков. Недавно были замечены следы реставрации рисунков, и в этой же группе найдено рядом изображение колесницы. Не исключено, что эта группа рисунков появилась раньше, в конце II – начале I тыс. до н. э., и позднее была дополнена в сакское время.

На сопке 3, наряду с рисунками эпохи бронзы, в предвершинной части её, на скалах южной экспозиции высечены петроглифы гунно-сарматского времени. Эта значительная группа изображений нанесена на плиты в нижней и средней части сопки на естественных террасах, по косой линии пересекающих сопку. В большинстве рисунков наблюдается вырождение звериного стиля.

На сопке 3 преобладают петроглифы с изображениями копытных и сцен охоты лучников на диких животных. Это фигуры оленей, архаров, козлов.

Некоторые производят впечатление движущихся в стремительном беге животных. На скалах нередко высечены изящные фигуры козлов с поджатыми ногами. Иногда исследователи петроглифов эту группу относят к сакскому периоду, в рисунках можно увидеть следы подновления, и нередко при этом какие-то детали добавлялись позднее. Наиболее типичным признаком в фигурах оленей (фото 81) являются рога: они изображены с одним стволом, отростки на рогах более грубые и прямые, у оленей нет надлопаточного выступа [Марьяшев, Железняков, 2013, с. 119–120, фото 50–51].

Иногда вычленить эту группу изображений очень сложно: среди петроглифов встречаются древние рисунки середины I тыс. до н. э., где подновлена и дополнена вся сцена охоты или выпаса скота (что встречается крайне редко) с множеством фигур. Но на некоторых изображениях просматриваются луки сёдел, потники или сложные луки, что в ранних рисунках середины I тыс. до н. э. ещё не изображали. Есть плиты, где из-под средневековых рисунков просматриваются более древние фигуры.

Кроме того, некоторые петроглифы сохраняют признаки звериного стиля вплоть до средневековья: так, например, в известной сцене со знаменосцами из Ойжайлау у оленя видны поджатые ноги. Между тем, эти петроглифы принято датировать средними веками [Медоев, 1979, рис. 62], поскольку у знаменосцев типичное для средневековья оружие и костюмы.

Казахстанские археологи рисунки на сопке 3 из Кулжабасы [Марьяшев, Железняков, 2013, с. 28, с. 119, фото 49] датируют гуннским временем, аргументом служит рисунок с повозкой с оглоблями, запряжённой одной лошадью. В повозке просматривается балдахин. Подобные повозки из Монголии Э.А. Новгородова датировала гуннским временем [1984].

Петроглифы Дардамты находятся в восточной части Алматинской области на территории Уйгурского района в 7 км к югу от одноимённого села, в хребте Кетмень. Они расположены на крутых скалах, на левом берегу пересохшего ручья. Скалы представляют четыре самостоятельных, разделённых кулуарами, скальных выходов, возвышающихся над ложем ущелья на 30–50 метров. Всего выделяются четыре блока, имеющих небольшие полки, с помощью которых в древности можно было подобраться к крутым плитам и нанести рисунки.

Как и на других памятниках, петроглифы разновременные: здесь нанесено всего несколько рисунков эпохи бронзы. Это петроглифы с густой патиной, и отдельно изображение колесницы (фото 60, 61) или повозки.

Основная масса рисунков высечена в эпоху раннего железа, в том числе значительную часть составляют довольно поздние рисунки, относящиеся, возможно, к концу I тыс. до н. э. О времени выбивки можно следить, исходя из стилистических признаков. На примере петроглифов Дардамты можно проследить,

что многие рисунки утратили черты звериного стиля. Здесь нет ни сцен терзания, ни основных образов скифо-сакского искусства, только отдельные образы животных – оленей, архаров, козлов – напоминают рисунки в зверином стиле.

Петроглифы раннего железа представлены изображениями оленей с ветвистыми рогами из одного или двух стволов с отростками С-овидной формы, со слабо намеченными завитками: обозначена часть волют на бёдрах, в некоторых случаях есть изображения оленей в позе движения, один рисунок имеет орнамент в форме сетки и по стилю он близок многочисленным фигурам оленей, козлов и архаров из Малого Койтаса на реке Малый Усек (фото 36–50). Некоторые фигуры козлов и архаров изображены с поджатыми или заведёнными одна под другую ногами. Там же обнаружено небольшое количество верблюдов. Встречаются сцены охоты, причём у лучников виден сложный большой лук с концевыми накладками.

В целом это более поздняя группа петроглифов. Как и в большинстве памятников подобного типа, рисунки разновременные – святилище было долговременным. Рисунки этой эпохи есть в Шолакских горах, но и там их трудно выделить.

Внизу у подножья скал хорошо просматривается поселение из нескольких оград, сложенных из камней (всего четыре–пять оград) прямоугольной формы. На поселении собраны образцы керамики: обломок ручки котла, два–три фрагмента керамики эпохи бронзы без орнамента и несколько фрагментов кочевнической керамики. Раскопок на поселении не производилось. За пределами поселения находится много курганов эпохи раннего железа и оград, выложенных из камней. Судя по рельефу местности, святилище располагалось на кочевой тропе на пути к жайлау.

Памятники наскального искусства на юге Казахстана расположены на большом расстоянии друг от друга: они обнаружены как на южных склонах Большого Каратау, так и на северных. Этот хребет тянется на несколько сотен километров. К северу от гор начинается пустыня Бетпакдала; к юго-востоку расположен хребет Малый Каратау, а за ним начинаются хребты Западного Тянь-Шаня – Таласский Алатау, Чаткальский и другие, поднимающиеся на высоту от 4000 м над уровнем моря до 5000 м. Места со скоплениями древних рисунков обнаружены повсеместно.

Среди известных памятников можно выделить несколько из них, наиболее значимых: в Таласском Алатау – Жалтырак-Таш (Урмарал), Аксу-Жабагылы. В Большом Каратау – Арпаузен, Жынгылшык, Койбагар, в Малом Каратау – Габаевка (Актобе) и Маймак. К последнему из них примыкают петроглифы из ущелья Карасай в Кыргызском Алатау, поскольку они расположены в одинаковых природных условиях. Их объединяет близкий по сюжетам и стилистическим признакам репертуар петроглифов.

Все эти памятники находятся в разных природных зонах: Аксу-Жабагылы в зоне альпийских лугов, морен и ледников, Маймак расположен, как и Габаевка, в среднегорье, в долине реки Терс, Арпаузен и Койбагар – в предгорьях Каратау, намного севернее и ближе к Бетпакдале.

Различные природные условия отразились и в репертуаре петроглифов: в наскальном искусстве горных районов встречаются рисунки со снежными барсами, горными козлами, оленями; в среднегорье – архарами; в Малом Каратау – с тиграми, барсами, хищниками; в Арпаузене преобладают петроглифы с верблюдами, оленями, турами. Различия заметны, но многие сюжеты повторяются почти на всех памятниках. Это культовые сюжеты, связанные с религиозными представлениями о мироустройстве: изображения танцев и хороводов, адорантов в позе моления.

Этот регион расположен на границе степной зоны и горной, здесь мы видим следы влияния нескольких культур на наскальное искусство Южного Казахстана.

Три памятника, расположенные близко друг от друга, Габаевка, Маймак и Карасай, возможно, демонстрируют слияние нескольких культурных традиций в эпоху поздней бронзы.

Следует отметить, что на всех этих памятниках мы видим одни и те же сюжеты и образы, хотя рисунки нанесены одни на большой скале в Маймаке, другие на вершинах сопков со скальными выходами за селом Габаевка.

В эпоху раннего железа в этом регионе появляются рисунки, выбитые в зверином стиле. В Большом Каратау в ущелье Жынғылшык были обнаружены рисунки с «клювовидными» оленями, которые являются более древними, чем многие другие сакские (рис. 3) [Волков, 2002].

В зверином стиле выполнена сцена в урочище Арпаузен (фото 72, 73, 73а) и три группы с кабанами в ущелье Ушоузен (фото 75, 75а, 75б, 76). Последние две группы датируются аржано-майэмирским временем по аналогии с рисунками на плитах кургана Аржан 1. Отдельные небольшие группы сакских рисунков находятся в Таласском хребте под ледником, часть из них расположены в ложе ущелья – это изображения хищников и сцен преследования волками и собаками козлов, оленей или архаров. В расположении рисунков не прослеживается последовательности: петроглифы в Аксу-Жабагылы нанесены в основном на большие камни морен, а в нижней части ущелья – на плиты с патиной.

Репертуар петроглифов Южного Казахстана в целом отличается от жетысуских. Как уже было отмечено ранее, в петроглифах этого региона сохраняются сюжеты и образы эпохи бронзы культового характера, но уже в эпоху поздней бронзы появляются образы фантастических хищников, в том числе «полосатых», фигуры которых рассечены вертикальными и косыми полосами, рисунки с тиграми и барсами и сцены преследования хищниками животных. От жетысуских эти рисунки отличаются сценами с верблюдами в поведении у людей.

Там же нередко встречаются фигуры охотников – людей в масках. На одной из плит в Габаевке выбита сцена терзания с изображением тигра, нападающего сверху на козла (рис. 49). Следует отметить, что репертуар петроглифов Малого Каратау отличается большим разнообразием, что связано с особенностями его географического положения: с одной стороны, здесь имеется ряд сюжетов с верблюдами и лошадьми.

У лошадей выделены чёлки – эта традиция наиболее характерна для Центрального Казахстана. Подобные рисунки близки петроглифам степной полосы Казахстана и северо-западной части Большого Каратау. С другой стороны, фигуры хищников, сцена терзания козла и большое разнообразие таких рисунков, где изображены хищники нескольких видов, а также небольшое количество рисунков козлов в битреугольном стиле, указывают на связи и влияние южных культур в эпоху поздней бронзы на наскальное искусство этого региона.

Выяснение принципов локализации, точнее, расположения петроглифов раннего железного века в пространстве и в отдельно взятой местности (гора, хребет, скала) является важным моментом, как в изучении наскального искусства этой эпохи, так и в исследовании важных аспектов той или иной культуры скифо-сакской эпохи.

Решение этой задачи требует мобилизации значительного объема данных по разным регионам Центральной Азии и проведения, на основе этого, специального исследования. Здесь можно наметить некоторые важные подходы к теме.

В разных публикациях о принципах, по которым художники выбирали места для святилищ, существуют самые разные суждения: одни считают, что главным условием являлось наличие патинированных скал, другие полагают, что в древности наиболее важным фактором являлись экологические условия – наличие водных источников и пастбищ. Есть суждения, которые сводятся к религиозным и мифологическим представлениям древнего человека о мироустройстве, где должно быть представлено основное пространство и его границы, священная гора и заселённое пространство с центром-святилищем. Все подобные факторы, безусловно, имели значение для людей той эпохи.

Не отрицая важность этих факторов, следует заметить, что на разных этапах эволюции религиозно-мифологических представлений на определяющее место становились некие особые условия при выборе места для святилища. Для культуры племен сакской эпохи Жетысу вопросы локализации петроглифов должны быть разработаны в контексте выяснения особенностей хозяйственного освоения древним населением ландшафтных уголков региона.

Расположение рисунков на разной высоте в зоне морен или лесов, на плитах в ущелье или на большой скале свидетельствует, что для населения I тыс. до н. э. выбор места для рисунков, прежде всего, зависел от обжитого пространства,

типов хозяйствования и экологических условий. Для сакских племён, перешедших к кочевому хозяйству, заметную роль играли расположенные вблизи зимовки, традиционные кочевые тропы, иногда вершины невысоких гор. Расположение петроглифов в высокогорье, в зонах снегов, объясняется использованием высокогорных жайлау при «вертикальном» способе кочевого хозяйства.

Таким образом, петроглифы раннего железного века встречаются в Жетысу, как и в Южном Казахстане повсеместно, но их значительно меньше, чем изображений предыдущей эпохи. Особо крупные скопления петроглифов эпохи бронзы обычно находятся в степной зоне и связаны с населением степных культур (петроглифы Кулжабасы, Тамгалы, Каракыра).

Наиболее крупные скопления петроглифов раннего железного века связаны с верхним уровнем гор и хребтов.

Выбор места для петроглифов определяли несколько факторов: плотность населения, наличие источников воды, удобных террас и патицированных скал. В тех случаях, когда плит с патиной было совсем мало или они были невысокого качества, использовали скальные породы, что имелись рядом. Такие святилища были меньше и беднее, но репертуар петроглифов оставался неизменным.

Рассматривая местоположение скоплений петроглифов в Жетысу и Южном Казахстане, можно заметить, что центром для святилища может быть и отдельная скала, чем-то заметная и отличающаяся своими размерами и формой, и доминирующая группа скал. Наши наблюдения показывают, что существовала некоторая преэмптенность представлений о священной скале.

К. Йеттмар сообщает о кафирах Гиндукуша, посещавших священную скалу с петроглифами во время праздника урожая [1989]. Видимо, такие же понятия сохранялись и в средние века, о чём пишет в своей работе Л.П. Потапов. Согласно его данным, средневековые тюрки, а затем алтайцы, шорцы, кумандинцы в XIX–XX веках почитали священную гору, на вершине которой устраивались моления. Каждый род имел свою гору, возвышающуюся над замкнутым ущельем, и свою священную рощу. Гора соответствовала представлениям о верхнем мире, где находятся божества Ульгень и Тенгри [Потапов, 1991].

Расположение рисунков на вершинах разной высоты, на плитах в ущелье или на большой скале свидетельствует, что для населения I тыс. до н. э. выбор места для рисунков зависел от обжитого пространства и экологических условий. Для сакских племён, перешедших к кочевому хозяйству, заметную роль играли расположенные вблизи зимовки, традиционные кочевые тропы, вершины гор. Расположение петроглифов в высокогорье, в зонах снегов, объясняется использованием высокогорных жайлау при вертикальном способе кочевания.

Высоко расположены петроглифы в урочищах Малый Койтас, Дардамты, на Аксу-Жабагылы, в высокогорье находится Жалтырак-Таш. Эти и другие высокогорные петроглифы как будто подтверждают наше предположение.

Петроглифы раннего железного века Ешкиолмеса выбиты на скалах на высоте примерно 500–800 м. Можно тоже предположить, что когда-то под хребтом проходила кочевая тропа вдоль его южных склонов. Если взять за основу направления традиционных кочевок казахов, древние кочевники могли проходить на жайлау с запада на восток. Быть может, движение на жайлау начиналось с Прибалхашья. Также нельзя исключать то, что древние зимники располагались недалеко от самого хребта Ешкиолмес. В целом эта крайне интересная проблема должна быть разработана путем привлечения комплекса данных – петроглифов, материалов поселений и могильников, расположенных в непосредственной близости, этнографических данных.

В ближайшем окружении скоплений петроглифов Жетысу, как и в других регионах, находятся многочисленные памятники археологии – поселения, могильники и другие свидетельства, оставленные древними народами. В настоящее время в Казахстане возрастает понимание того, что наскальные рисунки должны быть исследованы в комплексе с этими памятниками.

Говоря о возрастании научного интереса к археологическим комплексам близ скоплений петроглифов, тем не менее, мы должны отметить, что данный подход сложился в Казахстане достаточно давно, еще в период становления научного петроглифоведения. На это обратил внимание еще в 1970-х гг. М.К. Кадырбаев, проводивший раскопки курганных погребений вблизи скоплений петроглифов на Каратау. Затем аналогичные изыскания выполнялись на Тамгалы, Ешкиолмесе и на ряде других памятников [Кадырбаев, Марьяшев, 2007; Рогожинский, 2011, с. 55].

3. Самашевым были раскопаны погребальные сооружения эпохи бронзы вблизи первой группы наскальных изображений Теректы Аулие. Всего было вскрыто четыре кургана [Самашев, Байтилеу, Курманкулов, 2013, с. 23–25], материалы которых позволили датировать могильник серединой II тыс. до н. э.

Аналогичные работы группой 3. Самашева проводились в урочище с петроглифами Баганалы в западной оконечности хребта Большой Каратау, в Кызылординской области. Раскопанные здесь 11 погребений также относятся к андроновскому времени с вероятной датой середина – вторая половина II тыс. до н. э. [Самашев, Кариев, Подушкин, Мургабаев, Чотбаев, Донец, Рустемов, 2011; Самашев, Байтлеу, Кариев, Мургабаев, 2013].

Исследование поселений проводится нами на хребте Кулжабасы. Здесь помимо петроглифов, на равнинных участках, в устьях ущелий, в межгорных котловинах обнаружены могильники и поселения эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья. Зафиксированы также десятки казахских зимовок.

*Фото 1. Долина реки Коксу
Foto 1. Көксу өзенінің алқабы
Photo 1. Koxsu river valley*

*Фото 2. Перекрытое фигурой козла
изображение лошади в колеснице.
Ешкіолмес
Foto 2. Жауынгер арбасына жегілген
жылқы бейнесі текенің суретімен
жабылған. Ешкіөлмес
Photo 2. Horse image in a cart covered
by a goat figure. Eshkiolmes*

Фото 3. Рисунки эпохи бронзы, подновленные и доработанные в эпоху раннего железа. Ешкиолмес
Foto 3. Ерте темір дәуірінде өңделіп, жаңартылған қола дәуірі суреттері. Ешкіөлмес
Photo 3. Bronze Age images, improved in the early Iron times. Eshkiolmes

*Фото 4а, 4б, 4в. Фрагменты сцены. Ешкиолмес
Фото 4а, 4б, 4в. Көріністердің бөліктері. Ешкіөлмес
Photo 4a, 4b, 4c. Scene fragment. Eshkiolmes*

*Фото 5. Орлы и архар. Ешкиолмес
Фото 5. Бүркіттер және арқар. Ешкіөлмес
Photo 5. Eagles and argali. Eshkiolmes*

*Фото 6. Надпойменная терраса реки Коксу с поселениями и могильниками
Фото 6. Көксу өзенінің қоныстар мен қорымдар орналасқан жағалауы
Photo 6. Terrace above flood-plain of the river Koxsu with settlements and burials*

*Фото 7. Скальная гряда
с петроглифами первой
группы ущелья №11.
Ешкиолмес*

*Фото 7. №11 сайдағы
бірінші топтың суреттері
орналасқан жартасты жота.
Ешкіөлмес*

*Photo 7. Cliffs with first group
petroglyphs of the clove No.11.
Eshkiolmes*

*Фото 8. Хищник, свернувшийся
в кольцо. Ешкиолмес*

*Фото 8. Жыырылған
жыртқыш. Ешкіөлмес*

*Photo 8. Coiled carnivore.
Eshkiolmes*

*Фото 9. Скалы с петроглифами второй группы ущелья №11. Ешкиолмес
Фото 9. №11 сайдагы екінші топ суреттері орналасқан жартастар. Ешкіөлмес
Photo 9. Cliffs with second group petroglyphs of the clove No.11. Eshkiolmes*

*Фото 10. Подновленные и доработанные в эпоху раннего железа изображения хищников и охотника эпохи бронзы. Ешкиолмес
Фото 10. Ерте темір дәуірінде өңделіп, жаңартылған қола дәуірінің жьыртқыштар мен аңшы бейнелері. Ешкіөлмес
Photo 10. Bronze Age images of carnivores and hunter improved later during the Iron Age. Eshkiolmes*

Фото 11. Подновленная и доработанная позднее культовая сцена с оленями и роженицами. Ешкиолмес
Foto 11. Бұғылар мен босанатын әйелді беретін ғұрыптық көрініс. Кейінірек өңделіп, жаңартылған. Ешкіөлмес
Photo 11. Cult scene with deer and women in labor improved later. Eshkiolmes

Фото 11а. Фрагменты сцены. Ешкиолмес
Foto 11a. Көріністердің бөліктері. Ешкіөлмес
Photo 11a. Scene fragments. Eshkiolmes

Фото 11б. Фрагменты сцены. Ешкиолмес
Foto 11b. Көріністердің бөліктері. Ешкіөлмес
Photo 11b. Scene fragments. Eshkiolmes

Фото 12. Олень, всадники на лошадях, копытные и хищники. Ешкиолмес
Foto 12. Бұғы, салт аттылар, тұяқтылар мен жыртықтылар. Ешкіөлмес
Photo 12. Deer, horsemen, hoofed animals and carnivores. Eshkiolmes

Фото 13. Подновленные изображения хищников (пантер?). Ешкиолмес

Фото 13. Жаңартылған жыртықшытар (қабылан?) бейнелері. Ешкіөлмес

Photo 13. Improved images of carnivores (leopards). Eshkiolmes

Фото 14. Сцена терзания волками козла. Изображения подновлены. Ешкиолмес

Фото 14. Қасқырлардың текені талағаны көрінісі. Жаңартылған. Ешкіөлмес

Photo 14. Wolves pursuing goats. Improved images. Eshkiolmes

Фото 15. Козлы. Эпоха раннего железа. Ешкиолмес

Фото 15. Текелер. Ерте темір дәуірі. Ешкіөлмес

Photo 15. Goats. Early Iron Age. Eshkiolmes

Фото 16. Козлы. Эпоха раннего железа. Ешкиолмес
Foto 16. Текелер. Ерте темір дәуірі. Ешкиөлмес
Photo 16. Goats. Early Iron Age. Eshkiolmes

Фото 17. Олени, козлы и архары. Эпоха раннего железа.
Ешкиолмес
Foto 17. Бұғылар, текелер және арқарлар. Ерте темір дәуірі.
Ешкиөлмес
Photo 17. Deer, goats, argali. Early Iron Age. Eshkiolmes

Фото 18. Подновленное изображение верблюда. Ешкиолмес
Foto 18. Жаңартылған түйе бейнесі.
Ешкиөлмес
Photo 18. Improved camel image.
Eshkiolmes

*Фото 19. Сцена преследования хищником копытного.
Ешкиолмес*

*Фото 19. Тұяқтыны жыртықшы қуған көрініс.
Ешкіөлмес*

Photo 19. Carnivore pursuing hoofed animal. Eshkiolmes

*Фото 20. Козел, копытное и верблюд. Разновременные
рисунки. Ешкиолмес*

*Фото 20. Теке, тұяқты және түйе. Әртүрлі дәуір
суреттері. Ешкіөлмес*

*Photo 20. Goat, hoofed animal, camel. Images of different
times. Eshkiolmes*

Фото 21. Фигуры копытных. Изображения подновлены. Ешкиолмес
Foto 21. Тұяқтылар бейнелері. Жаңартылған суреттер. Ешкіөлмес
Photo 21. Hoofed animals. Improved images. Eshkiolmes

Фото 22. Козлы и нечеткие фигуры. Ешкиолмес
Foto 22. Текелер және басқадай анық емес суреттер. Ешкіөлмес
Photo 22. Goats and some other figures. Eshkiolmes

Фото 23. Козлы и волк. Ешкиолмес
Foto 23. Текелер және қасқыр. Ешкіөлмес
Photo 23. Goats and wolf. Eshkiolmes

Фото 24. Сцена охоты на хищников. Часть фигур подновлена. Ешкиолмес
Foto 24. Жыртқыштарды аулау көрінісі. Бейнелердің бір бөлігі жаңартылған. Ешкіөлмес
Photo 24. Hunting carnivores. Part of figures renewed. Eshkiolmes

Фото 25. Подновленные изображения оленей, выполненные в технике граффити. Ешкиолмес
Foto 25. Граффити тәсілімен түсірілген бұғылар бейнелері, жаңартылған. Ешкіөлмес
Photo 25. Improved images of goats made in the technique of graffiti. Eshkiolmes

Фото 26. Общій вид урочища Малый Койтас
Фото 26. Кіші Қойтас өлкесінің жалпы көрінісі
Photo 26. View of the natural boundary Lesser Koitas

Фото 27. Курган и сопка с рисунками в урочище Малый Койтас
Фото 27. Кіші Қойтас өлкесіндегі суреттер бар төбе және оба
Photo 27. Kurgan and tuffet with images in the natural boundary Lesser Koitas

Фото 28. Поселение эпохи раннего железа. Малый Койтас
Фото 28. Ерте темір дәуірі қонысы. Кіші Қойтас
Photo 28. Settlement of the early Iron Age. Lesser Koitas

Фото 29. Камень с рисунком в каменной выкладке стены поселения. Малый Койтас
Foto 29. Қоныс іргесіне қаланған сурет бар тас. Кіші Қойтас
Photo 29. Stone with images in stone walls of the settlement. Lesser Koitas

Фото 30. Общий вид на группу рисунков под сопкой на террасе. Малый Койтас
Foto 30. Жағалаудағы төбе етегіндегі суреттердің жалпы көрінісі. Кіші Қойтас
Photo 30. Main view on the group of images under the tuffet on the terrace. Lesser Koitas

Фото 31. Центральная часть святилища с большим камнем с изображениями кабанов, копытных животных и хищников. Малый Койтас

Фото 31. Ғибадатхананың қабандар, тұяқтылар мен жыртқыштар суреттері бар тас орналасқан орталық тұсы. Кіші Қойтас

Photo 31. Central part of the sanctuary with boar, hoofed animals and carnivore images on a big stone. Lesser Koitas

Фото 32. Фрагмент сцены. Малый Койтас

Фото 32. Көрініс бөлігі. Кіші Қойтас

Photo 32. Scene fragment. Lesser Koitas

Фото 33. Фрагмент сцены. Малый Койтас
Фото 33. Көрініс бөлігі. Кіші Қойтас
Photo 33. Scene fragment. Lesser Koitas

Фото 34. Кабан. Фрагмент сцены. Малый Койтас
Фото 34. Қабан. Көрініс бөлігі. Кіші Қойтас
Photo 34. Boar. Scene fragment. Lesser Koitas

Фото 35. Кабан. Фрагмент сцены. Малый Койтас
Фото 35. Қабан. Көрініс бөлігі. Кіші Қойтас
Photo 35. Boar. Scene fragment. Lesser Koitas

Фото 36. Декорированная фигура оленя. Малый Койтас
Фото 36. Өрнектелген бұғы бейнесі. Кіші Қойтас
Photo 36. Decorated deer figure. Lesser Koitas

Фото 37. Декорированная фигура оленя, копытные и нечеткие фигуры. Малый Койтас

Фото 37. Өрнектелген бұғы, тұяқтылар мен анық емес бейнелер. Кіші Қойтас

Photo 37. Decorated deer figure, hoofed animals and some other figures. Lesser Koitas

Фото 38. Сцена охоты на козла и фигура оленя. Малый Койтас

Фото 38. Текені аулау көрінісі және бұғы бейнесі. Кіші Қойтас

Photo 38. Scene of hunting a goat and a deer figure. Lesser Koitas

Фото 39. Всадник на лошади и сцена охоты на козлов и архаров. Малый Коймас
Фото 39. Салт атты және текелер мен арқарларды аулау көрінісі. Кіші Қоймас
Photo 39. Horseman and a scene of hunting a goat and argali. Lesser Koitas

Фото 40. Сцена охоты на архаров. Малый Коймас
Фото 40. Арқарларды аулау көрінісі. Кіші Қоймас
Photo 40. Scene of hunting argali. Lesser Koitas

Фото 41. Человек и козел. Малый Койтас
Foto 41. Адам және теке. Кіші Қойтас
Photo 41. Man and a goat. Lesser Koitas

Фото 42. Сцена охоты. Малый Койтас
Foto 42. Аңшылық көрінісі. Кіші Қойтас
Photo 42. Hunting scene. Lesser Koitas

Фото 43. Сцена борьбы двух хищников (?). Малый Коймас
Foto 43. Екі жыртқыштың шайқасы (?). Кіші Қоймас
Photo 43. Two carnivores fighting (?). Lesser Koitas

Фото 44. Сцена охоты. Малый Коймас
Foto 44. Аңшылық көрінісі. Кіші Қоймас
Photo 44. Hunting scene. Lesser Koitas

Фото 45. Козлы. Малый Коймас
Foto 45. Текелер. Кіші Қоймас
Photo 45. Goats. Lesser Koitas

Фото 46. Архары. Малый Койтас
Foto 46. Арқарлар. Кіші Қойтас
Photo 46. Argali. Lesser Koitas

Фото 47. Верблюды в поводу и другие животные.
Малый Койтас

Фото 47. Жетектегі түйелер және басқа жануарлар.
Кіші Қойтас

Photo 47. Bridled camels and other animals

Фото 48. Олень и всадник. Малый Койтас
Foto 48. Бұғы және салт атты. Кіші Қойтас
Photo 48. Deer and a horseman. Lesser Koitas

Фото 49. Копытные животные и хищник. Фигура козла орнаментирована. Малый Койтас
Foto 49. Тұяқты жануарлар және жыртқыш. Текенің бейнесі өрнектелген. Кіші Қойтас
Photo 49. Hoofed animals and a carnivore. Figure of a goat is ornamented. Lesser Koitas

Фото 50. Большой камень с фигурами животных рядом с поселением. Малый Койтас
Foto 50. Қоныс жанындағы үлкен таста жануарлар бейнелері бар. Кіші Қойтас
Photo 50. Big stone with figures of animals near the settlement. Lesser Koitas

Фото 51. Вид на скалы и поселение. Дардамты
Фото 51. Жартастар мен қоныстың жалпы көрінісі. Дардамты
Photo 51. View of the cliffs and a settlement. Dardamty

Фото 52. Скалы и поселение Дардамты
Фото 52. Жартастар және қоныс. Дардамты
Photo 52. Cliffs and a settlement. Dardamty

Фото 53. Опись петроглифов. Дардамты
Foto 53. Суреттерді сипаттау. Дардамты
Photo 53. Register of petroglyphs. Dardamty

Фото 54. Сцена с оленями над поселением. Дардамты
Foto 54. Қоныстың жоғарғы жағындағы бұғылар бейнелері. Дардамты
Photo 54. Scene with deer above settlements. Dardamty

Фото 55. Скалы с петроглифами. Изображения частично повреждены надписями. Дардамты
Foto 55. Петроглифті жартастар. Бейнелердің біразы жазулармен бүлінген. Дардамты
Photo 55. Cliffs with images of petroglyphs. Images are partially ruined by inscriptions. Dardamty

Фото 56. Олени. Фрагмент сцены. Дардамты
Фото 56. Бұғылар. Көрініс бөлігі. Дардамты
Photo 56. Deer. Scene fragment. Dardamty

*Фото 57. Козлы
и человек. Дардамты*
*Фото 57. Текелер және
адам. Дардамты*
*Photo 57. Goats and
a man. Dardamty*

*Фото 58. Олень, фигура
орнаментирована сеткой. Дардамты*
*Фото 58. Тормен өрнектелген бұғы
бейнесі. Дардамты*
*Photo 58. Deer, a figure ornamented
by net. Dardamty*

Фото 59. Скала с рисунками. Дардамты
Фото 59. Суретті жартас. Дардамты
Photo 59. Cliff with images. Dardamty

Фото 60. Изображение
человека с мечом, повозка
и фигуры животных.
Дардамты

Фото 60. Семсерлі адам,
арба, жануарлар. Дардамты

Photo 60. Man with a sword,
carriage and figures of animals.
Dardamty

Фото 61. Повозка. Фрагмент. Дардамты

Фото 61. Арба. Бөлік. Дардамты

Photo 61. Carriage. Fragment. Dardamty

Фото 62. Олени, козлы, верблюды, хищники на верхних скалах над поселением. Дардамты
Foto 62. Қоныстың жоғарғы жағындағы жартастардағы бұғы, теке, түйе, жыртқыштар
бейнелері. Дардамты
Photo 62. Deer, goats, camels, carnivore on upper cliffs above settlements. Dardamty

Фото 63. Олени и козлы. Дардамты
Foto 63. Бұғылар мен текелер. Дардамты
Photo 63. Deer and goats. Dardamty

Фото 64. Сцена плодородия. Дардамты
Foto 64. Ұрпақ өрбітудің көрінісі. Дардамты
Photo 64. Fertility scene. Dardamty

Фото 65. Верблюды и козел. Дардамты
Фото 65. Түйелер және теке. Дардамты
Photo 65. Camels and a goat. Dardamty

Фото 66. Верхняя часть стены с изображениями.
Дардамты
Фото 66. Суретті жартастың жоғарғы жағы.
Дардамты
Photo 66. Upper part of the scene with images. Dardamty

Фото 67. Всадники на лошади и верблюде, копытные и хищники. Аюке
Foto 67. Ат және түйе мінген адамдар, тұяқтылар мен жыртқыштар. Аюке
Photo 67. Men riding horses and camels, hoofed animals and carnivores. Ayuke

Фото 68. Волк. Аюке
Foto 68. Бөрі. Аюке
Photo 68. Wolf. Ayuke

Фото 69. Всадник на верблюде и волки. Аюке
Фото 69. Түйелі адам және бөрілер. Аюке
Photo 69. Man riding a camel and wolves. Ayuke

*Фото 70. Козлы и символ фарна над
головой копытного. Аюке*
*Фото 70. Текелер және тұяқты
жануар басының үстіндегі фарн
символы. Аюке*
*Photo 70. Goats and a symbol of farna
above the head of the hoofed animals.
Ayuke*

Фото 71. Клювовидные олени и другие животные. Жыңғылыық, Қаратау
Foto 71. Құстұмсықты бұғылар және басқа жануарлар. Жыңғылыық, Қаратау
Photo 71. Rostralis deer and other animals. Jyngylshyk. Karatau

Фото 72. Дерущиеся верблюды и копытные. Арпаузен
Foto 72. Шайқасқан түйелер және тұяқтылар. Арпаөзен
Photo 72. Fighting camels and hoofed animals. Arpaozen

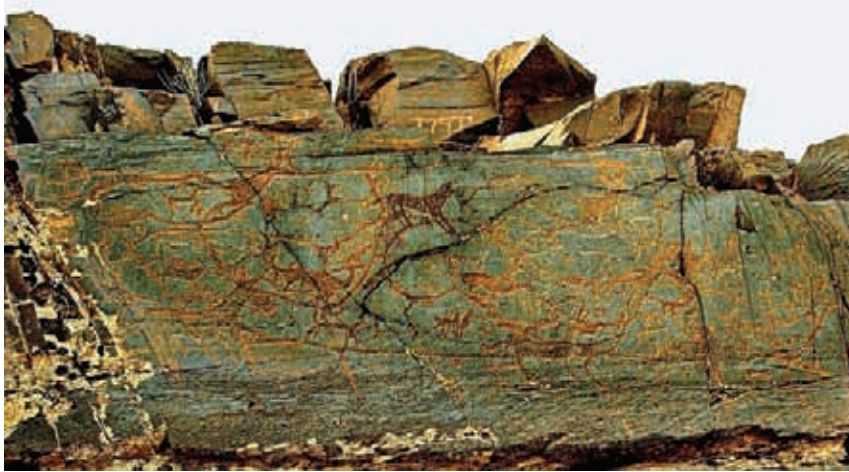

Фото 73. Сакские контурные олени, перекрывающие более ранние рисунки. Арпаузен
Foto 73. Негұрлым ерте суреттерді жауып тұрған сақ дәуірі бұғылары. Арпаөзен
Photo 73. Sak contour deer which cover earlier images. Arpaozen

Фото 73а. Силуэтное изображение оленя, вписанное в контур фигуры оленя на кончиках копыт. Фрагмент. Арпаузен

Фото 73а. Бақайының ұшында тұрған бұғы бейнесінің ішіне салынған тағы бір бұғының суреті. Бөлік. Арпаөзен
Photo 73a. Silhouette deer image imprinted into the deer image on hoof-ends. Fragment. Arpaozen

Фото 74. Кабан. Боролдай, Каратау

Фото 74. Қабан. Боролдай, Қаратау

Photo 74. Boar. Borolday. Karatau

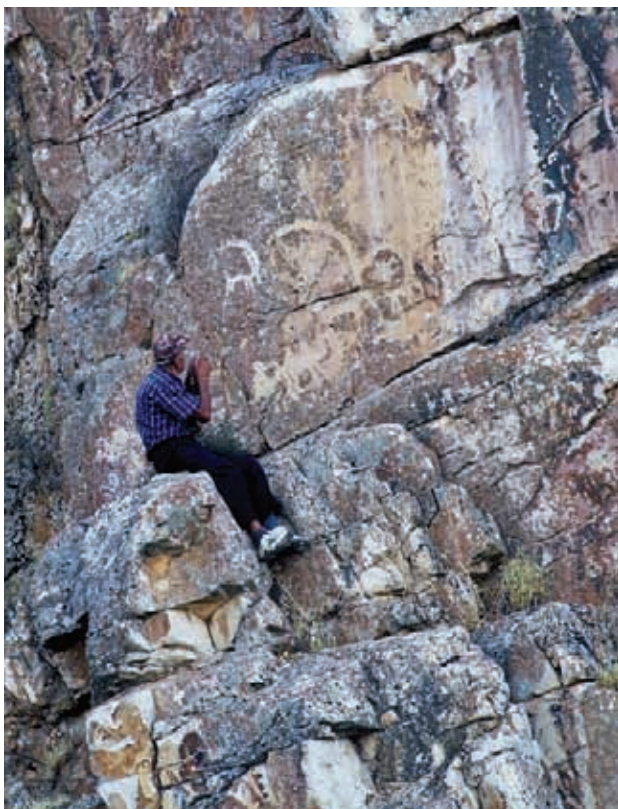

Фото 75. Съёмка петроглифов. Ушожен, Каратау
 Фото 75. Петроглифтерді түсіру сәті. Үшөзен,
 Қаратау
 Photo 75. Filming petroglyphs. Ushozen. Karatau

Фото 75а. Кабан. Фрагмент. Ушожен, Каратау
 Фото 75а. Қабан. Бөлік. Үшөзен, Қаратау
 Photo 75а. Boar. Fragment. Ushozen. Karatau

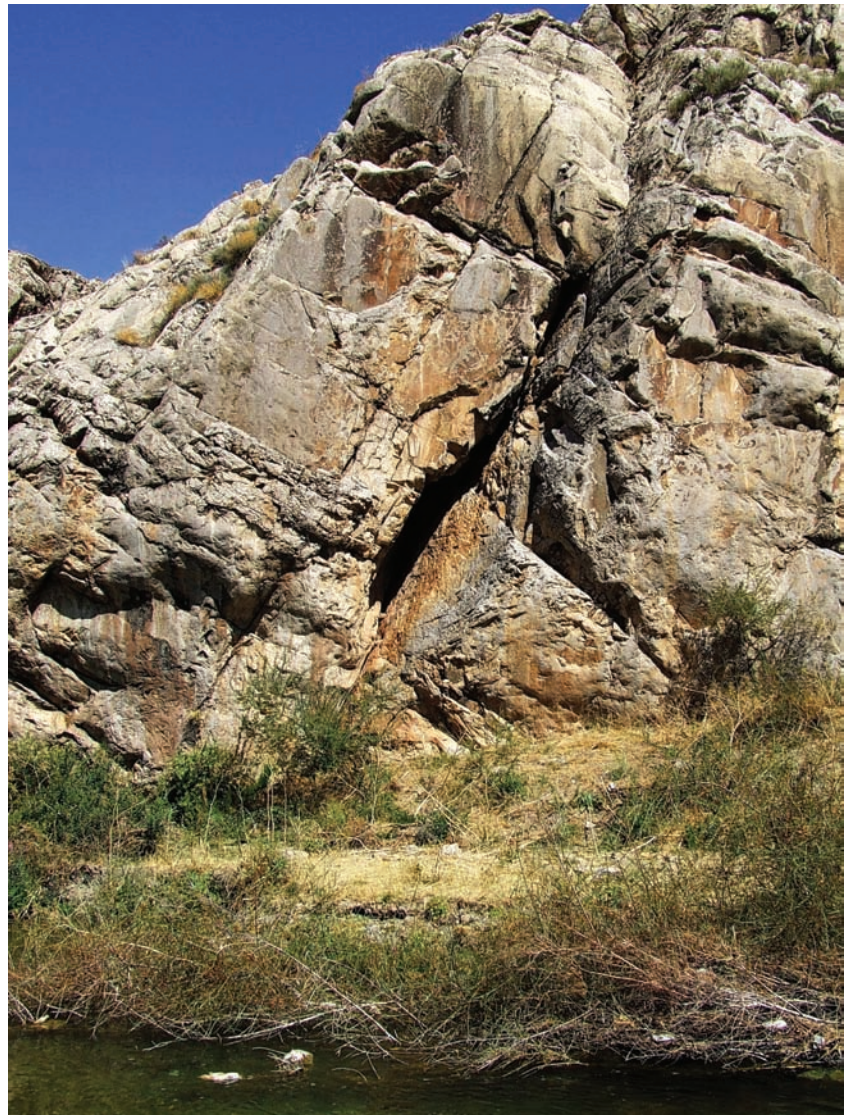

Фото 75б. Разрушенная фигура кабана.
 Ушожен, Каратау
 Фото 75б. Қабанның бүлінген бейнесі.
 Үшөзен, Қаратау
 Photo 75b. Ruined figure of the boar.
 Ushozen. Karatau

Фото 75в. Қабан. Үшөзен, Қаратау
Фото 75в. Қабан. Үшөзен, Қаратау
Photo 75c. Boar. Ushozen, Karatau

Фото 76. Үшөзен. Скала с петроглифами. Қаратау
Фото 76. Үшөзен. Петроглифті жартаc. Қаратау
Photo 76. Uzhoshen. Cliff with petroglyphs. Karatau

Фото 77. Воины с чеканами и кинжалом. Құлжабасы
Фото 77. Шақанмен, қанжармен қаруланған жауынгерлер. Құлжабасы
Photo 77. Soldiers with chisels and daggers. Kuljabasy

Фото 78. Сцена с роженицей и изображением котла. Құлжабасы
Фото 78. Босанатын әйел, қазан берілген көрініс. Құлжабасы
Photo 78. Scene with a woman in labor and image of the boiler. Kuljabasy

Фото 79. Зеркало. Құлжабасы
Foto 79. Айна. Құлжабасы
Photo 79. Mirror. Kuljabasy

Фото 80. Группа животных. Құлжабасы
Foto 80. Топты жануарлар. Құлжабасы
Photo 80. Group of animals. Kuljabasy

Фото 81. Олени, хищник и другие животные. Кулжабасы

Фото 81. Бұғылар, жыртқыш, басқа жануарлар. Құлжабасы

Photo 81. Deer, carnivore and other animals. Kuljabasy

Фото 82. Лев (?). Габаевка
Фото 82. Арыстан (?). Габаевка
Photo 82. Lion (?). Gabayevka

Фото 83. Сцены терзания и охоты.
Габаевка

Фото 83. Талау мен аңшылық
көріністері. Габаевка

Photo 83. Excruciation scenes. Gabayevka

Фото 83а. Фрагмент сцены. Габаевка

Фото 83а. Көрініс бөлігі. Габаевка

Photo 83a. Fragment of the scene. Gabayevka

Фото 84. Хищник, фигура
орнаментирована полосами.
Фрагмент. Габаевка

Фото 84. Жыртқыш, бейне
жолақтармен өрнектелген.
Габаевка

Photo 84. Carnivore, the figure is
ornamented by stripes. Fragment.
Gabayevka

Фото 85. Львы (?), адоранты и
другие животные. Эпоха бронзы.
Жыңғылшық

Фото 85. Арыстандар (?), тәңірге
жалбарынушылар, басқа жануарлар.
Қола дәуірі. Жыңғылшық

Photo 85. Lions (?), orants and other
animals. The Bronze Age. Jyngylshyk

Фото 86. Хищники. Жыңғылшық

Фото 86. Жыртқыштар.

Жыңғылшық

Photo 86. Carnivore. Jyngylshyk

Фото 87. Хищник. Карасай
Фото 87. Жыртқыш. Қарасай
Photo 87. Carnivore. Karasay

Фото 88. Хищник и архары. Карасай
Фото 88. Жыртқыш пен арқарлар. Қарасай
Photo 88. Carnivore and argali. Karasay

Фото 89. Группа копытных. Внизу – сакские олени. Маймак

Фото 89. Бір топ тұяқтылар. Астыңғы жақта сақ дәуірі бұғылары. Маймақ

Photo 89. Hoofed animals. Below-Sak deer. Maimak

Фото 89а. Самка оленя. Фрагмент. Маймак
Фото 89а. Ұрғашы бұғы. Бөлік. Маймақ
Photo 89a. She deer. Fragment. Maimak

Фото 90. Барс (?). Маймак
Фото 90. Барыс (?). Маймақ
Photo 90. Panther. Maimak

Фото 90а. Барс (?). Габаевка
Фото 90а. Барыс (?). Габаевка
Photo 90а. Panther. Gabayevka

Древнее поселение. Кулжабасы

В ущельях, на склонах с южной экспозицией выявлено большое количество поселений с каменным основанием стен. Все они представляют собой сооружения, сложенные из плит, выбранных на склонах гор. Поселения разного размера располагаются в верховьях ущелий и в их средней части. Нужно отметить, что на Кулжабасы разные исследователи проводили фиксацию поселений и зимовок этнографического времени. В полной мере эти данные не опубликованы, поэтому предстоит унификация всех этих сведений, сверка и уточнение названий памятников.

Древнее поселение района горы Кулжабасы обычно имеет достаточно четко фиксируемое каменное основание, жилища имеют во внутреннем пространстве от одного до трех помещений, разделенных каменной перегородкой. В отличие от поселений древнего периода, зимовки казахского времени отличаются значительными площадями, более мощными стенами, часто наличием остатков глинобитных стен, возведенных на каменном основании, помещения имеют более правильную прямоугольную форму с четко выделенными углами, хорошо просматриваются зольники.

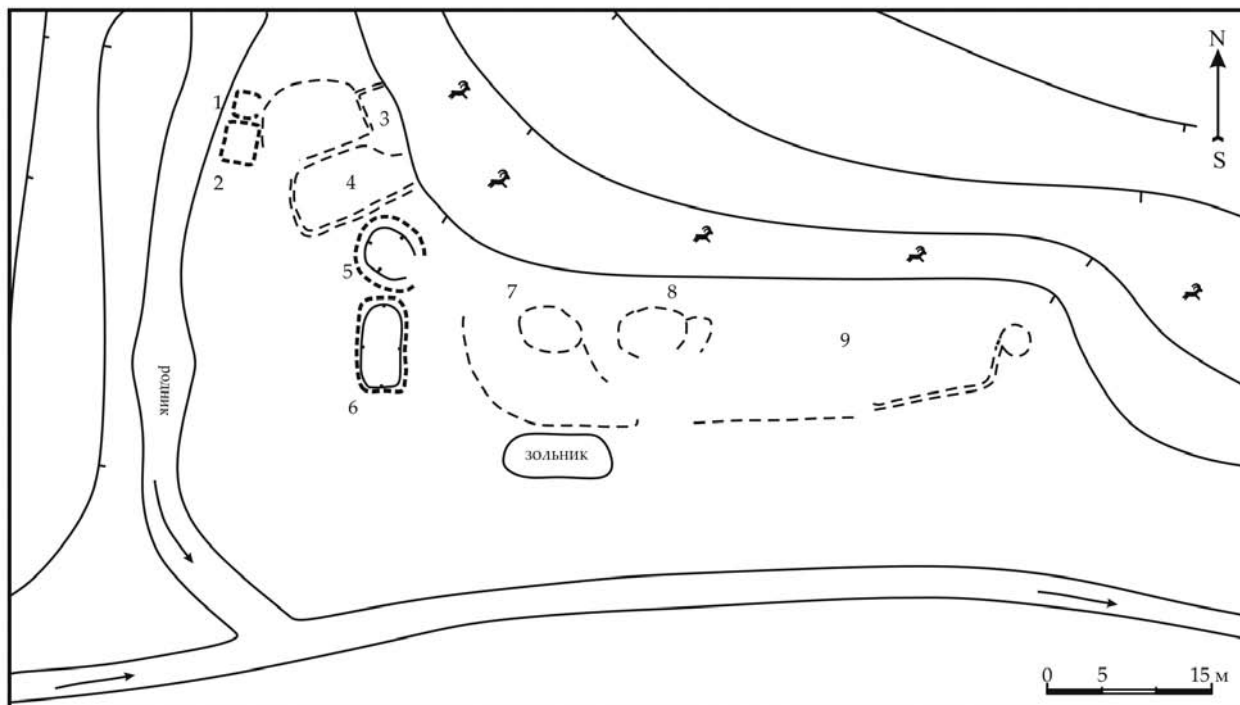
Палаточный городок археологов. Кулжабасы

Топография древних и этнографических поселений в целом совпадает. Всего в ходе работ 2012–2014 гг. было выявлено 31 поселение. Из них 18 поселений расположены в семи ущельях в основной части хребта [Бейсенов, 2013]. Также 13 поселений обнаружены на Аккайнаре.

Поселение Аккайнар-7 расположено на мысовой части надпойменной террасы, при слиянии двух ручьев, на южном подножии скалы, в 5 км на северо-запад от современной одноименной зимовки. Выше, на скалах, имеются рисунки раннего железного века. Поселение состоит из девяти строений с каменным основанием стен. Строения 1 и 2, возможно жилого назначения, имеют подквадратную форму со сторонами стен 3 х 3 и 4 х 4 м. Стены сооружены из двух рядов каменных плит, установленных на ребро. Вход обращен на восток, во двор. Строения хозяйственного назначения 3 и 4 построены близко, почти вплотную к скале. Строения 5 и 6 отличаются тем, что во внутреннем пространстве их заметна западина глубиной 0,3–0,5 м. По-видимому, они также являются жилищами. Остальные сооружения

имеют характер хозяйственных строений, загонов. На территории поселения в районе строений 1 и 2 в трех местах обнаружены небольшие фрагменты керамики сако-усуньского облика.

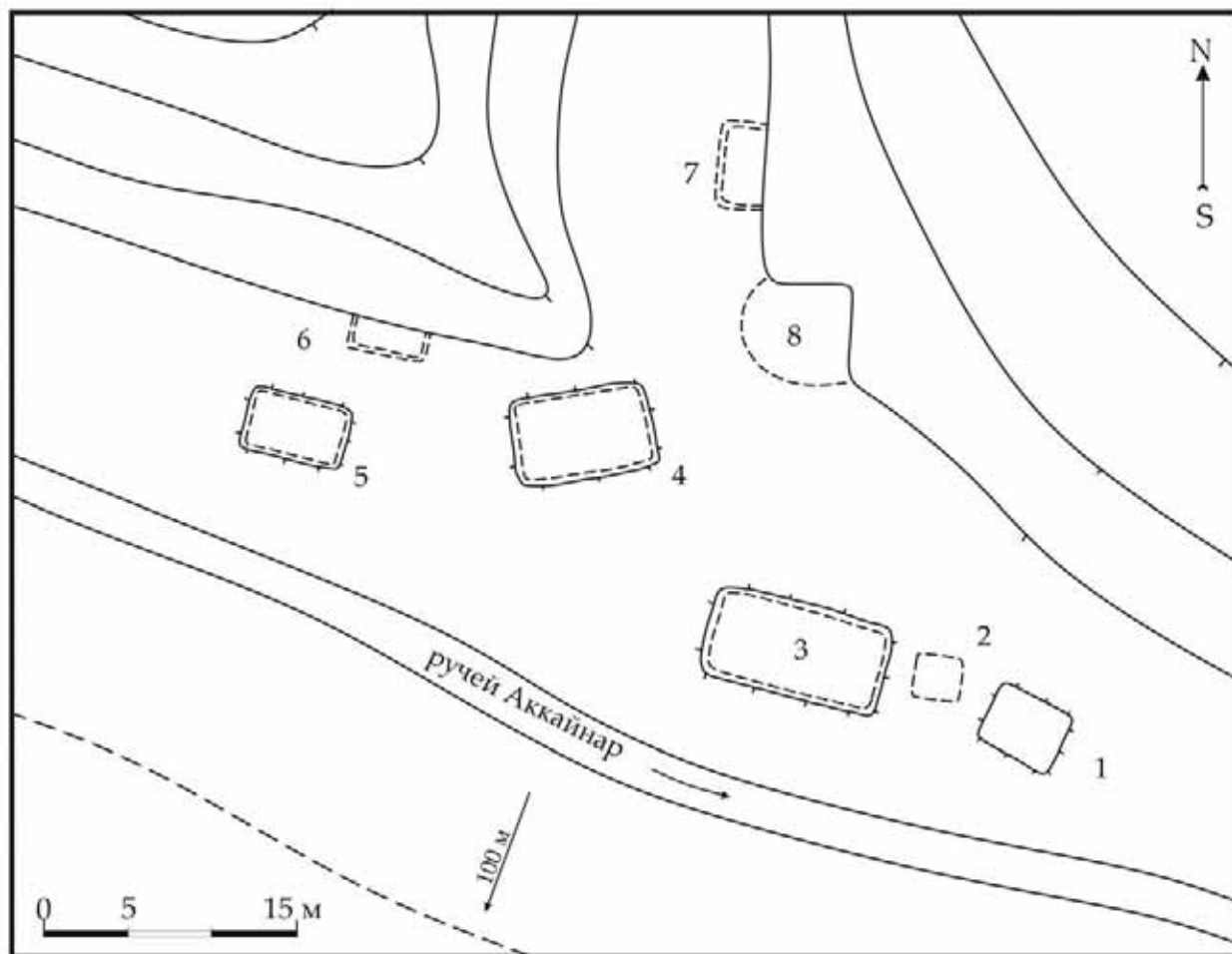

Поселение Аккайна-7. План

Зимовка Аккайна-4 расположена на левом берегу ручья Аккайна, на первой надпойменной террасе, в 1 км восточнее современной зимовки Аккайна. Памятник этнографического времени состоит из восьми строений жилого и хозяйственного назначения. Строения 1–7 имеют квадратную или прямоугольную формы. На строениях 3–7 поверх каменного основания возводилась глинобитная стена, возможно, из саманных кирпичей. В настоящее время остатки стен хорошо фиксируются в виде невысоких оплывов. Строения 1, 2, 8 глинобитного дополнения не имели, что говорит об их хозяйственной функции. Видимо, стены здесь были сооружены из дерева. Самым крупным является сооружение 3, дом прямоугольной формы, длиной 13 м, шириной 5 м. Строение 8 в форме дуги перекрывает проем в скале, образуя загон для скота.

Могильники раннего железного века, включающие от 2 до 10 курганов с насыпями из земли с незначительным добавлением камня, расположены

Зимовка Аккайнар-4. План

в долинной части на выходе из ущелий в 1–2 км от поселений. Диаметры насыпей преимущественно 8–15 м, высота их 0,5–1 м. Характер расположения курганов не исключает возможности связать их с поселениями. Указанные 31 поселение и основная часть могильников отнесены к сако-усуньской эпохе.

Обилие жилищ в горах Кулжабасы, расположенных на склонах с южной экспозицией, позволяет заключить, что эти места использовались с древности вплоть до казахского времени для зимовок. Этот регион представлял собой определенную экологическую нишу, занятую в свое время племенами эпохи бронзы, ранними кочевниками, древними тюрками и в этнографическое время казахами.

Небольшие шурфы, заложенные на четырех поселениях, выявили культурный слой с фрагментами керамики сако-усуньского облика. Все четыре поселения являются однослойными.

По костному образцу из поселения Кулжабасы-4 в Институте истории материальной культуры в г. Санкт-Петербурге Г.И. Зайцевой получена калиброванная дата этого памятника (см. таблицу).

Таблица – Результаты радиоуглеродного датирования образца из поселения Кулжабасы-4. Алматинская область, РК. Раскопки А.З. Бейсенова, К.А. Жамбулатова в 2012 г.

Лабораторный номер	Памятник	14С ВР	Калиброванная дата (68.2%)	Калиброванная дата (95.4%)
Ле-10085	Поселение Кулжабасы-4, кв. Б-1. Кость животного	2200±130	BC 400–90 (68.2)	750-600 BC (2.3) 550 BC – 100 AD (93.1)

Если судить по степени наибольшей вероятности полученных результатов, памятник следует отнести к периоду, лежащему в рамках второй половины VI в. до н. э. и I в. н. э. Это так называемые сакский и усуньский периоды. Таким образом, данный памятник в целом выходит за пределы раннесакского времени (VIII – середина VI вв. до н. э.).

Разумеется, одна единственная полученная радиоуглеродная дата не сможет многого объяснить по вопросам культурно-хронологической принадлежности всех поселений хребта Кулжабасы. Но, если иметь в виду, что большинство петроглифов раннего железного века здесь отнесено многими исследователями к периоду, идущему позже раннесакского времени, то эта дата как будто вписывается в общее русло трактовки. Ранее А.Е. Рогожинским исследованное им поселение в Карбызсае было отнесено к позднему этапу эпохи бронзы [2012, с. 50–54].

Думается, многие вопросы этих поселений, в том числе определение их культурно-хронологической принадлежности, будут уточнены в ходе предстоящих изысканий. Актуальность выявления особенностей древних поселений Кулжабасы, расположенных в значительном количестве на сравнительно небольшой по площади территории, представляется очевидной. Это, конечно же, касается всех местонахождений петроглифов, в ближайшем окружении которых выявлены поселения и могильники.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

Вопросы хронологии и периодизации петроглифов раннего железного века рассматривались различными исследователями наскального искусства на протяжении нескольких десятилетий, начиная с С.С. Черникова. С накоплением материалов в процессе новых открытий эти вопросы неоднократно поднимались, но полной периодизации памятников этой эпохи разработано не было.

Существуют отдельные работы, в которых выделены конкретные памятники разных эпох, однако приведённых авторами аргументов датировки часто бывает недостаточно. В большинстве случаев авторы, исследовавшие новые памятники, вынуждены ограничиваться стилистическим анализом изображений и датировать их по аналогии с предметами искусства раннего железного века.

Таким образом, определение даты памятников наскального искусства остается одной из актуальных проблем. Следует отметить, что это особенно касается эпохи раннего железа.

Одним из распространенных и надежных методов хронологических привязок В.Д. Кубарев считает «метод сопоставления петроглифов с датированными предметными коллекциями из синхронных погребальных комплексов» из той же географической провинции [Кубарев, интернет ресурс].

С накоплением новых материалов у исследователей появилась возможность выделить несколько групп рисунков внутри одной эпохи. Так, Н.А. Боковенко отметил, что на основе ряда методических принципов датирования (стратиграфический, топографический, по патинизации, по технике выбивки и следам инструмента, сравнительно-сопоставительный, стилистический) выделены среди петроглифов Енисея неолитический, окуневский, карасукский, тагарский, таштыкский и тюркский пласты изображений [1987, с. 75].

М.А. Дэвлет, характеризуя петроглифы Саянского каньона Енисея, выделила рисунки эпохи бронзы, раннего железного века, гунно-сарматского времени, средневековья и этнографические [1982].

Ещё в 80-е годы прошлого века Я.А. Шер на материалах из раскопок кургана Аржан 1 выделил аржано-майэмирский этап, как наиболее ранний для памятников

наскального искусства, и более поздний этап с признаками вырождения звериного стиля [1980, с. 243].

Аржано-майэмирский стиль в искусстве ранних кочевников – первоначально изображения, отнесенные к майэмирскому этапу культуры ранних кочевников. После открытия кургана Аржан нижняя граница существования звериного стиля в восточных районах Евразии была углублена. В свою очередь, изображения, выполненные в этом стиле, разделяются на две хронологические группы — раннюю и позднюю. Это соответственно аржано-черногоровская и майэмирско-келермесская группы [Савинов, 1998].

В настоящее время в поле зрения многих исследователей стоит вопрос о ранних изображениях, появляющихся еще в доаржанское время.

Уже давно многим исследователям известно, что отдельные образы животных, знакомые по звериному стилю, или же развернутые сюжеты с терзанием хищниками копытных животных встречаются уже в эпоху поздней бронзы.

К числу таких рисунков можно отнести сцену с дерущимися верблюдами из урочища Арпаузен (рис. 42; фото 72), в Каратау, близкую по стилю изображению на бронзовой бляхе из могильника Пятимары I [Кадырбаев, Марьяшев, 1977], аналогичным предметам из могильника Бесоба в Актюбинской области, изученного М.К. Кадырбаевым, а также и другим находкам (табл. 2).

Взаиморасположение верблюдов из Арпаузена принципиально близко распространенному в эпоху ранних кочевников приему, когда один из противоборствующих верблюдов хватает второго за ногу, а тот, в свою очередь, за горб (рис. 42; табл. 2). У изображенных на скалах животных не прослеживаются столь характерные для звериного стиля хищные черты верблюдов, однако четко показаны подшейные гривы и «шапочки» шерсти на верхушках горбов.

А.К. Акишев проследил присутствие образа верблюда в искусстве народов Центральной Азии с III–II тыс. до н. э. Исследователь связывает образ верблюда с такими понятиями, как воплощение мужской силы, агрессивность, боеспособность, зоркость, мощь, он являлся воплощением Веретрагны. Борьба двух верблюдов – иллюстрация к мифу о противоборстве двух антонимичных героев, двух начал [Акишев, 1984].

В 1991 году была предложена периодизация петроглифов хребта Ешкиолмес на основе стилистического анализа [Марьяшев, Рогожинский, 1991]. За прошедшее время накопился большой продатированный материал с предметами искусства, который позволяет выделить несколько этапов в развитии петроглифов раннего железного века. В том числе ряд новых данных получен и на других памятниках Казахстана, а также за его пределами.

В горах Ешкиолмес находится интересная сцена явно культового характера с несколькими фигурами людей и животных. Вверху изображены роженицы с расставленными ногами, по стилистическим признакам они близки аналогичным

сюжетам эпохи бронзы. В средней части плиты изображены крупные фигуры оленей с поджатыми ногами, а внизу группа пеших воинов с оружием, причём сцена близка по стилю аналогичной сцене из Тамгалы, из третьей группы (фото 11, 11а, 11б).

Справа вверху плиты изображены два пеших человека в позе противостояния – оба они стоят на полусогнутых ногах, изображения профильные, рядом ещё одно нечёткое изображение женщины в трёхрогом головном уборе. В центре выбиты два оленя, один над другим, оба с поджатыми ногами в зверином стиле.

Если рассматривать всю сцену целиком, то создаётся впечатление, что она выбита в переходный период от эпохи бронзы к раннему железу. Все сюжеты с пешими людьми, в том числе с роженицами, типичны для рисунков эпохи бронзы и имеются почти на всех памятниках этого времени.

Но фигуры оленей в центре сцены вызывают сомнения в принадлежности к эпохе бронзы.

При повторном осмотре оказалось, что вся сцена подновлена, притом настолько аккуратно, что это выяснилось только недавно. Возможно, её реставрировали ещё в раннем железном веке, так как образы оленей с поджатыми ногами характерны для этого времени. Но наличие у одной из рожениц трёхромого головного убора позволяет предположить, что рисунки подновлялись неоднократно, и последним стало подновление, возможно, в древнетюркское время. Следовательно, древние образы и представления оставались понятными населению на протяжении нескольких эпох.

Более уверенно к наиболее ранним следует отнести обнаруженные 3. Самашевым петроглифы из ущелья Жынгылшык в горах Каратау в Южном Казахстане – это группа из пяти оленей [Самашев, 2006].

Изображения этих оленей размещены на большой скале одно над другим. Это «клювовидные» олени, известные в Монголии на оленных камнях. В.В. Волков относит аналогичные изображения к рубежу II–I до н. э. или к началу I тыс. до н. э. Он считал, что подобные изображения появились на стыке пастушеских и скотоводческих культур [Волков, 2002, с. 21–23].

В.В. Волков выделил две группы оленных камней: с изображениями животных и без, которые в свою очередь делятся на три типа.

По местам распространения они условно разделены на следующие разновидности:

1. Общевразийский (без изображения животных).
2. Саяно-Алтайский (с реалистическими изображениями оленей).
3. Монголо-забайкальский (с орнаментально стилизованными фигурками оленей) [Волков, 2002, с. 19].

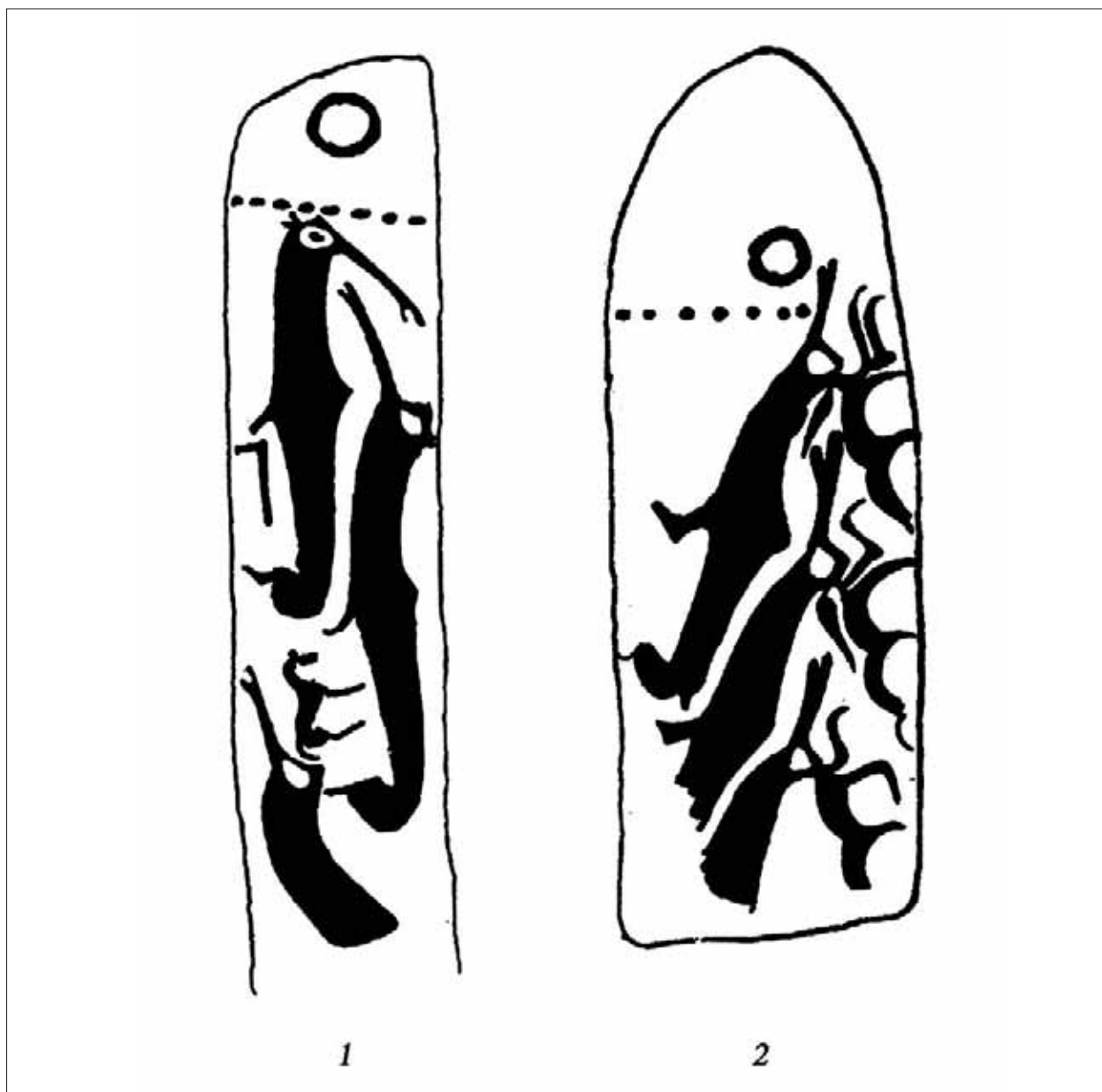
Появление и сооружение основной массы монголо-забайкальских оленных камней, по мнению В.В. Волкова, приходится на конец карасукской эпохи или первые века I тыс. до н. э. Они наглядно отражают трансформацию культуры степных скотоводов в культуру ранних кочевников.

Оленные камни, засвидетельствовавшие местные центрально-азиатские корни этого искусства, усиливают позиции сторонников восточного, центрально-азиатского происхождения звериного стиля и скифской культуры в целом [Волков, 2002, с. 22, 23].

Особенно близки изображениям оленей из Жынгылшыка (рис. 3; фото 71) рисунки оленей на камне из Ховда, Муст сумын [Волков, 2002, табл. 105].

В работе М.Е. Килуновской и Вл.А. Семенова проведен стилистический анализ изображений, выполненных на оленных камнях. Стилизованные изображения

*Изображения на оленных камнях Монголии. 1 – Ховд. Муст сумын, Баян Зурх;
2 – Завхан. Отгон сумын, Буянт [по: Волков, 2002]*

с трансформированными чертами (в том числе олени с клювовидными мордами, с горбиком, ноги отсутствуют) образуют третий класс. По мнению специалистов, в фигурах оленей с клювовидной мордой игнорируется положение ног, здесь воплощается птицеподобная, крылатая сущность образа. Авторы называют это существо птица-лень-конь. Олени на оленных камнях могут восприниматься как духи – помощники людей, совершающих культовые действия [Килуновская, Семенов, 1999].

Как было указано, об этом пишет и З. Самашев, по мнению которого оленные камни связаны с воинами, наделенными функциями жреца [2012]. Говоря иначе, возможна «трактовка оленных камней как костюма шамана или жреца, совмещающего воинские функции» [Самашев, Байтилеу, Курманкулов, 2013, с. 183].

Таким образом, изображения оленей с клювовидными мордами, судя по сопутствующим изображениям из Каратау, необходимо датировать, следуя за В.В. Волковым, рубежом II–I тыс. до н. э. или началом I тыс. до н. э.

Л.Л. Баркова приводит мнение Н.Л. Членовой о том, что появление в скифском искусстве образа оленя «с подогнутыми ногами» надлежит искать в художественном творчестве древнего Ирана. Однако открытые в 1977–1979 гг. в Северной Монголии на берегу реки Чулуут петроглифы с изображениями колесниц и возницы, стреляющего из лука в оленя «с подогнутыми ногами» и длинной «клювовидной мордой», Э.А. Новгородовой датируются эпохой бронзы. Высказывается также предположение, что именно этот образ оленя, в котором сочетаются разные стилистические и хронологические признаки, являет собой «один из самых ранних вариантов оленя в зверином стиле» [Членова, 1986, с. 72, 73].

Изображения оленей на верхнем Енисее в позе «на цыпочках» и с «подогнутыми ногами» с длинной «клювовидной» мордой с открытым ртом М.А. Дэвлет относит к концу эпохи бронзы, началу раннего железного века [Дэвлет, 1982, с. 52]. Рассматривая мнения исследователей, Л.Л. Баркова подводит итог: поза оленя «с подогнутыми ногами» известна среди наскальных изображений и «оленных» камней Монголии и Тывы с конца бронзового и начала раннего железного века [Баркова, 1990, с. 61].

Несмотря на то, что все эти рисунки не похожи друг на друга как по содержанию, так и по форме, их можно выделить в немногочисленную группу ранних петроглифов. Вероятно, вслед за исследователями их можно отнести к переходному этапу.

Вторую группу образуют петроглифы аржано-майэмирского этапа раннего железа. Эти изображения довольно многочисленны и имеют широкий круг аналогов. Из казахстанских петроглифов к этой группе можно отнести большой камень с фигурами шести кабанов из урочища Малый Койтас (рис. 39, 39а; фото 31–35).

Эти изображения являются центральными в большой группе сакских рисунков, а сам камень играет роль алтаря, за которым следуют многочисленные крупные и более мелкие камни с фигурами оленей, козлов и архаров. Многие

рисунки орнаментированы: корпуса животных рассечены вертикальными полосами, украшены в виде сетки. Рога оленей имеют ствол с С-овидными ответвлениями, заброшены назад или образуют два ствола, обращённые вверх.

Чем дальше от центра святилища, тем менее выразительными становятся рисунки. Возможно, часть из них нанесена позднее.

Поскольку сакское святилище с трёх сторон окружено многочисленными могильниками и поселениями, фигуры кабанов по стилю близки петроглифам из кургана Аржан 1, то и центральную группу с кабанам следует отнести к раннему этапу звериного стиля.

С этим же временем можно связать и рисунки из урочища Майдантал и Арпаузен в Каратау. Они выполнены в том же стиле: морды кабанов гипертрофированы по отношению к туловищу, выделены клыки. На одной из скал в ущелье Ушожен на высоте около 6–7 метров над землёй симметрично расположены крупные изображения этих животных [Кадырбаев, Марьяшев, 1977]. Некоторые из них выбиты на высоте около 20 метров над урезом воды.

По мнению А.Е. Рогожинского, некоторые петроглифы раннего железного века в Арпаузене с крупными изображениями оленей, кабанов, медведя воспроизводят зооморфные изображения, известные в предметах прикладного сакского искусства Приаралья и Памира VII–VI вв. до н. э. [Рогожинский, 2011б].

Не менее выразительны рисунки кабанов в горах Ешкиолмес и Каратау. Большая часть из них должна быть датирована VII–VI вв. до н. э. и V–IV вв. до н. э. Эти рисунки имеют аналоги в разных регионах Казахстана.

Если опираться на предложенную исследователями классификацию изображений животных на оленных камнях, можно предположить, что рисунки кабанов из Казахстана можно отнести к первому классу – выполненные широким контуром, четкие и изящные (табл. 7, 5); ко второму классу – выполненные в силуэтной технике, S-видные элементы в моделировке, поджарость, вытянутые ноги (табл. 7, 6; 6, 2) [Килуновская, Семенов, 1999, с. 130]. Изображение одного кабана из Арпаузена (рис. 41), вероятно, можно отнести к третьему классу петроглифов. Это является косвенным доказательством ранней датировки изображений.

К раннему этапу звериного стиля можно отнести изображения орлов из 12 ущелья в горах Ешкиолмес (фото 5; рис. 65, 66). На скалах выбиты фигуры орлов: интересна трактовка образа хищной птицы – развёрнутая назад голова вписана в контур её фигуры.

Достаточно точные аналоги этим фигурам имеются на памятнике прикладного искусства из Восточного Казахстана. В расположенных поблизости изображениях этих птиц выделены клюв и глаз (табл. 15). В состав этих двух композиций входят изображения козла и архара. С.С. Черников датировал золотые бляшки с орлами VII в. до н. э. [1947, с. 67].

Предметы из элитных курганов Сарыарки. Талды-2. Раскопки А.З. Бейсенова

Среди последних находок археологов, подтверждающих раннесакскую датировку изображений орла в таком художественном исполнении, можно назвать предметы из коллекции находок могильников Талды-2 (Центральный Казахстан) и Байгетобе [Бейсенов, 2011; Самашев, Толеубаев, Джумабекова, 2004, с. 126–156].

К этому же времени относятся сопутствующие изображения с копытными животными.

На Ешкиолмесе имеется немало сюжетов с волками. Существует несколько вариантов этих изображений:

1. Силуэтный рисунок бегущего волка. Выделены глаз, когти, раскрытая пасть и зубы (рис. 47, 48).

2. Волки, терзающие добычу (фото 14). Изображения более примитивные, упрощённые, глаз и клыки не обозначены.

3. Волки из урочища Аюке. Стилизованные фигуры хищников: морды несколько преувеличены, кончик носа тупой, обозначены передние зубы, пасть приоткрыта (фото 68–69).

Ряд стилистических приемов этих изображений свидетельствует о ранней дате: положение свернувшегося в кольцо хищника из Ешкиолмеса (табл. 10, 1),

две ноги (не четыре), опущенный вниз хвост, прочерченное полосами туловище, вытянутые вперед конечности (фото 8). Эти признаки выделили В.Д. Кубарев и Д.В. Черемисин для эпохи поздней бронзы [1987, с. 98–99].

Аналогии перечисленным фигурам менее канонизированы и имеют аналоги в прикладном искусстве Алтая и Сибири, в том числе в Башадарском комплексе.

С аржано-майэмирским этапом можно связать и рисунки с пантерами. Два изображения пантер известны в 11 ущелье в горах Ешкиолмес на предвершинной части сопки. Рисунки выполнены в зверином стиле. Хищники изображены на одной плите в сцене охоты: охотник из сложного лука стреляет в хищника, второй хищник высечен выше. Оба в движении, на фигуре верхнего хищника виден опущенный хвост, у нижнего хвост загнут за спину (фото 10).

В этой же группе петроглифов обнаружены рисунки ещё двух пантер. Они выполнены в ином стиле. Фигуры животных условны. Они мало напоминают хищника и, вероятно, являются знаком пантеры, его эмблемой: рисунки контурные,

Золотое украшение в виде фигуры орла. Могильник Талды-2, курган 2. Центральный Казахстан. Раскопки А.З. Бейсенова

у зверей выделены глаза в виде кружков, округлые уши, короткие и слегка загнутые вверх хвосты. Аналогии этим рисункам имеются на каменной плите из кургана Аржан 2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2006].

Рисунки хищников из Ешкиолмеса (рис. 64), вероятно, также датируются аржано-майэмирским этапом скифского звериного стиля. Животное, очевидно, кошачий хищник, показан припавшим к земле или в позе скребущего, с округлыми ушами и круглыми же большими глазами, опущенным и загнутым на конце хвостом, крупной головой, с мощной грудью и тонкой талией. Е.С. Богданов, проанализировав множество изображений хищника, припавшего к земле, в петроглифах и в пластике, пришел к выводу, что эта иконографическая схема сложилась в центрально-азиатском регионе на основе китайских изобразительных канонов [2006, с. 58]. От серии наиболее ранних изображений, помещенных на оленных камнях, эти изображения отличаются отсутствием заполнения туловища полосками или пятнами, а также сомкнутой пастью. Тем не менее, сама иконографическая схема напоминает серию животных из раннесакских памятников Шиликты-2 (Байгетобе), Кочкорской долины и др. [Самашев, Толеубаев, Джумабекова, 2001, с. 152; Иванов, Бообек уулу, 2014].

Изображение пантер из Аржана условно. Рисунки искусственно выделены попарно. Каждой из пантер противостоит кабан. У хищника слева чётко виден закрученный хвост, оскаленная пасть. Аналогичные петроглифы из Ешкиолмеса сближает поза пантер и округлые лапы. Рисунки в Ешкиолмесе, как и на плите из кургана Аржан 2, контурные: внутри контура отдельные детали изображений зверей выполнены сплошной выбивкой. Рисунок становится при такой моделировке более выразительным и чётким. «Пантера» больше напоминает эмблему зверя, чем реального хищника [Мургабаев, 2011].

Аналогичные приёмы нанесения на плиту фигуры хищников распространяются и на рисунки кабанов из Ушозена в Каратау [Кадырбаев, Марьяшев, 2007, с. 30, рис. 14].

Один из самых распространённых образов в наскальном искусстве Казахстана – это изображения оленей в различных позах. Фигуры этих животных встречаются в большинстве регионов на протяжении нескольких эпох. Самыми ранними являются рисунки эпохи бронзы, но их немного.

Уже было сказано о пяти оленях из ущелья Жынгылшык в хребте Каратау, размещённых вертикально, один над другим (рис. 3). Это «клювовидные» олени, которые на скалах Казахстана встречаются редко. Находки их связаны с миграцией небольшой группы населения из Монголии или Восточной Сибири на юг Казахстана.

Интерес для исследователей представляют рисунки с оленями эпохи раннего железа. К аржано-майэмирскому периоду относится целый ряд сюжетов с оленями

из Южного Казахстана и Жетысу. Это олени, стоящие «на цыпочках», лежащие с подогнутыми ногами, стоящие в позе «внезапной остановки», бегущие с другими оленями, а также фигуры, орнаментированные на бёдрах волютами. Наибольшее количество таких рисунков расположено в горах Ешкиолмес. Там же найдены рисунки с подновлёнными фигурами других животных в зверином стиле, причём среди рисунков с оленями есть фигура, переправленная в верблюда – у одного оленя добавлены верблюжьих горбы (рис. 16), а рядом подновлены фигуры двух баранов с поджатыми ногами.

Нередко изображения оленей в зверином стиле дополнены: их контурные фигуры орнаментированы вертикальными полосами или сеткой. Этот приём украшения наиболее полно представлен в ущелье 11 в горах Ешкиолмес и в урочище Малый Койтас (рис. 7). В Жетысу изящные фигуры оленей известны на таких памятниках, как Аюке, Унгурли, Ойжайлау. Иногда рядом с фигурами оленей изображены волки, козлы и архары с поджатыми ногами и другие рисунки в зверином стиле. Датировка этих рисунков не вызывает сомнений и споров, но на таком крупном памятнике, как Ешкиолмес, имеется ещё ряд изображений, в которых звериный стиль проявился не так чётко. Там имеются изображения оленей без привычного надлопаточного горбика (рис. 5). Некоторые рисунки были явно подновлены в древнетюркское время или ещё позднее, судя по патине, но не утратили лёгкости и сохранили некоторые черты, присущие звериному стилю. Возможно, они появились в конце I тыс. до н. э.

К раннему этапу звериного стиля можно отнести и изящные рисунки козлов и архаров с поджатыми ногами (рис. 24, 25, 28, 33, 35), а также козлов почти со сведёнными близко передней и задней ногами. В целом, эти изображения близки по стилю фигурам этих животных в металле [Байпаков, Марьяшев, Потапов, Горячев, 2005].

Некоторые фигуры козлов имеют на бёдрах волюты. Такие петроглифы известны в урочище Жалтырак-Таш в Киргизии, в Маймаке [Байпаков, Марьяшев, Потапов, Горячев, 2005]. Они датируются серединой I тыс. до н. э. [Байпаков, Марьяшев, 2013].

Стоит отметить, что в петроглифических композициях чётко прослеживаются принципы взаиморасположения животных, образующих однорядные горизонтальные либо вертикальные композиции. Исследователи относят их к характерным раннескифским приемам [Савинов, 2012]. Встречаются и многорядные композиции.

Исследователи обратили внимание на устойчивый состав участников раннескифских многофигурных композиций (хищные животные и птицы и копытные животные). Как правило, копытные – пассивные, жертвенные животные.

Ритмическая повторяемость однотипных фигур, особенно характерная для оленных камней, раннескифских предметов вооружения, считается типичной для первобытного искусства, связывается с «идеями реинкарнации, «перехода», жертвоприношения и умножения» [Савинов, 2012, с. 52].

Рассматривая мифологические представления эпохи раннего железа, следует помнить, что языческие представления в рисунках переданы с помощью зооморфного кода, где многие из них высечены в образе зверей-символов и сцен терзания.

В отличие от пластического искусства в наскальных изображениях последний сюжет встречается редко. В этом, видимо, заключается особенность петроглифов.

Изображения хищников представлены почти на всех значительных памятниках Жетысу и Южного Казахстана. В Ешкиолмесе это волки и звери, похожие на пантер. По рисункам трудно определить вид этих животных.

В Южном Казахстане это хищники из породы кошачьих, иногда они напоминают больше собак. Нередко на рисунках изображены львы и тигры (фото 82, 86, 87, 88). Возможно, там представлены фантастические существа с признаками нескольких зверей [Байпаков, Марьяшев, 2013]. Больше всего хищников изображено в хребте Малый Каратау.

В Габаевке (Актобе) и Маймаке изображены звери разных видов. У большинства хищников несколько преувеличена передняя часть туловища, хвост заброшен за спину, иногда просматривается на конце хвоста кисточка в виде круглого шара и когти, зверь изображён нападающим на животное, плохо различимое на рисунке (фото 90, 90а). На одной из плит виден лучник, стреляющий в хищника [Байпаков, Марьяшев, 2013].

На скале в районе с. Маймак легко можно определить, что изображён барс: у него длинный хвост, закрученный на конце, и характерная для хищника поза (фото 90).

Зверь, похожий на хищников из Маймака, обнаружен и на скалах Габаевки (рис. 49). Он показан в поединке с человеком в звериной маске. Хвост зверя заброшен за спину и, как в Маймаке, имеет на конце кисть в форме шара.

Один из хищников на плите из Габаевки изображён иначе: это контурный рисунок; внутри корпус зверя заполнен точками. Под ним – копытное животное (рис. 50).

Образ свернувшегося в кольцо хищника тоже был знаком населению Жетысу, судя по тому, что одна фигура хищника, изображённого в форме незамкнутого кольца, имеется на скалах Ешкиолмеса.

Широкого распространения в наскальном искусстве данный образ не получил, видимо, это связано с тем, что передать его в гравировках на скалах составляло для художников большую трудность или они были знакомы с ним в меньшей степени.

В 11 ущелье на скалах первой группы Ешкиолмеса представлены петроглифы эпохи бронзы и раннего железа. На отдельной плите имеется гравированная фигура хищника, выполненная каким-то тонким инструментом. Изображена фигура свернувшегося хищника неопределённого вида. Фигура его не до конца сомкнута. Изображение контурное, рассечённое полосками по всему корпусу. Передняя и задняя ноги переданы тонкими линиями, обозначен глаз в форме кружка в круге (рис. 72), обозначены короткие когти. В целом это условное изображение хищника с раскрытой пастью.

На других многочисленных памятниках подобные рисунки не известны. Это изображение отличается по стилю и технике – художник использовал исключительно резьбу при работе над этим рисунком.

В книге К.М. Байпакова и А.Н. Марьяшева неоднократно представлен фантастический хищник [2013]. Иногда он действительно похож на большую собаку или тигра. На то, что это фантастический зверь, указывает сочетание в его облике признаков нескольких разных зверей. При первом знакомстве с этими рисунками из Малого Каратау казалось, что это тигр, так как его корпус декорирован косыми полосами. Этот орнамент археологи считали опорным признаком идентификации животного, пока не обнаружилось, что у хищников имеются короткие острые уши, в то же время напоминающие короткие рога. Более полно образ такого животного выражен на скалах Габаевки (рис. 49–51; табл. 12). У него широкая передняя часть туловища, иногда раскрыта пасть, хвост заброшен за спину и имеет кисточку в форме круга. Кроме этих рисунков, на скалах, возможно, имеются изображения льва (?) и барсов. Эту большую группу рисунков следует, видимо, датировать эпохой поздней бронзы или началом I тыс. до н. э. В целом, наскальное искусство Каратау заметно отличается от петроглифов Жетысу.

Интересными и продуктивными являются замечания Д.Г. Савинова о фантастическом хищнике с признаками нескольких зверей в памятниках Евразии, в том числе и в материалах из кургана Аржан 2 [1998], поскольку именно такого типа рисунки с хищниками выявлены нами на юге Казахстана в горах Малый Каратау.

Если снежного барса, а иногда и тигра узнать среди рисунков Малого Каратау можно, то среди неопознанных зверей выделяются петроглифы, сочетающие черты большой собаки, тигра и пантеры. Этот фантастический образ по стилистическим признакам близок петроглифам на обломанной плите из кургана Аржан 2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2006].

Наиболее известны на памятниках наскального искусства сцены борьбы или преследования хищниками копытных животных. На одной из плит Габаевки в хребте Малый Каратау есть сцена нападения тигра на козла (рис. 49). По всем признакам фигура терзаемого козла отличается от жетысуских – она выбита в битреугольном стиле. Подобные рисунки по определению Я.А. Шера

являются наиболее древними и датируются рубежом III–II тыс. до н. э. [1980, с. 33, 34, 37, рис. 5].

Этот стиль использован на двух памятниках Западного Тянь-Шаня – в Ферганском и Таласском хребтах, причём хронология петроглифов там чётко не установлена.

Можно отметить, что бестиарий и основные стилистические приемы, использованные при изображении животных в раннесакское время, очень близки в различных районах восточной части Евразии.

М.Е. Килуновская выделяет черты, характерные для ранних изображений: «большая четкость и лаконичность в моделировке фигур животных, большая степень абстрагированности с целью нахождения и обогащения наиболее существенных и типичных особенностей образа. Элемент S-образной линии повторяется в изображении несколько раз ... создается общий силуэт фигур, единый для разных изображений – и для копытных, и для хищников. Затем он дополняется характерными видовыми чертами. ... Прослеживается на изображениях раннего стиля стремление мастера выделить основные части тела животных – бедро, лопатку, шею с головой». Подчеркивается стройность и поджарость. Для фигур копытных животных характерна особая передача ног – либо они вытянуты и на концах показаны приостренные копыта – животное стоит «на кончиках копыт», либо направлены слегка под углом вперед (поза «внезапной остановки»). Некоторые животные показаны с подогнутыми под брюхо ногами. Довольно часто стоящие фигуры выбиваются в паре с лежащими – одна над другой. Подобный стиль изображений называется аржано-майэмирским (VIII–VI вв. до н. э.). К раннему периоду исследователь относит также орнаментально-стилизованные фигуры (олени с клювовидными мордами, собаки, свернувшиеся в кольцо хищники) [Килуновская, 2007, с. 104].

В отношении происхождения звериного стиля имеется множество работ и столько же предположений о центре его появления. Из них можно выделить всего несколько. Я.А. Шер отметил, что в скифское время не было одного центра, где мог бы появиться звериный стиль. Отдельные элементы были отмечены разными специалистами, начиная с культур эпохи бронзы [Шер, 1998].

Д.Г. Савинов, продолжая поиск истоков звериного стиля, обратил внимание на фигуру фантастического зверя, напоминающего одновременно волка или большую собаку. Этот образ неоднократно встречается в западных регионах и в начале I тыс. до н. э. проник в восточные районы Центральной Азии. В дальнейшем этот образ проник и в Китай [Савинов, 1998].

К.В. Чугунов, анализируя памятники звериного стиля из кургана Аржан 2, пришел к выводу, что наиболее ранние композиции из ритмического ряда животных, выполненных в металле, возможно, берут начало в памятниках типа Наньшаньгэнь (IX–VIII вв. до н. э.). Звериный стиль этих изображений включает образы, типичные

для искусства раннескифского времени: «хищники, свернувшиеся в кольцо и «скребущие»; кабаны и олени, стоящие на вытянутых ногах, часто расположены рядами на рукоятках и лезвиях кинжалов, демонстрируя композиционный приём «шествия зверей». Появление исследуемых изображений следует отнести на счёт контактов с центрально-азиатскими племенами» [Чугунов, интернет ресурс].

Анализируя образы и стилистику изображений аржано-майэмирского времени, А.-П. Франкфор и Э. Якобсон выяснили, что «аржано-майэмирский стиль степного искусства – своего рода канон, созданный искусствоведами вне связи с изображениями, которые встречаются вместе либо на одних и тех же объектах, либо на наскальных рисунках различных регионов Азии [Франкфор, Якобсон, 2004, с. 63].

Наши материалы из Каратау позволяют продолжить поиск звериного стиля на юге Казахстана. Материалы как будто подтверждают тезис Я.А. Шера о влиянии культуры Ирана на искусство II тыс. до н. э. и на формирование звериного стиля [1998].

В.А. Кореняко выводит его из среды кочевников и обычая устраивать облавные охоты. Он утверждает, что только охотники, а не земледельцы, могли так хорошо знать повадки диких зверей и так точно передать их позы [Кореняко, 2002, с. 146–163].

Ещё в предыдущую эпоху сцены терзания не были так динамичны и не могли быть настолько экспрессивными, они казались порой статичными. Приручение лошади и переход к кочевому хозяйству способствовали распространению идей и образов на большой территории. Нет смысла перефразировать основные положения работы В.А. Кореняко – она уже давно опубликована. Наши находки на юге Казахстана и в Жетысу, может быть, в дальнейшем будут способствовать продвижению этих идей.

Петроглифы Малого Каратау представляют целый пласт наскального искусства доскифского времени. Если учесть, что в Большом Каратау найдены петроглифы с «клювовидными» оленями, а в урочище Арпаузен есть сцена с дерущимися верблюдами, аналогичная савроматским бляшкам из Бесобы, Пятимары I, то можно сказать, что уже в предскифское время населению Южного Казахстана эти образы были знакомы, как и населению Саяно-Алтая, Монголии.

Любопытная сцена, неоднозначно датируемая исследователями, расположена на скалах Кулжабасы. Это уже указанная группа петроглифов с изображениями пеших воинов, вооруженных кинжалами и чеканами (фото 77). На другой плите поблизости выбит котёл с коническим поддоном и сцена с роженицей (фото 78).

На основе изображений оружия и котла эти рисунки исследователями датируются ранним железным веком.

Так, З. Самашев сцену с пешими воинами отнес к V–III вв. до н. э. [2011б].

А.Е. Рогожинский по поводу этих сцен приходит к выводу, что и котел, и зеркала, и предметы вооружения, а также головной убор находят соответствия в культуре ранних кочевников VI–IV вв. до н. э. [2011б, с. 217; 2012, с. 40].

Сцена рассмотрена Б. Железняковым, который датирует композицию с воинами V–III вв. до н. э. [Марьяшев, Железняков, 2013, с. 23–26].

По мнению А.Н. Марьяшева, стилистика изображений пеших воинов характерна для эпохи бронзы. Расположенное рядом изображение колесницы подтверждает это предположение. Поэтому А.Н. Марьяшев считает, что эта группа рисунков появилась в конце II – начале I тыс. до н. э. и была дополнена в сакское время.

«Классические фигуры рожаящих женщин на петроглифах Северной Азии могли представлять какие-то ритуалы, связанные с культом плодородия» [Франкфор, Якобсон, 2004, с. 68]. Такую же символику имеет и котел, его изображение.

Обзор изображений котла проводит О.С. Советова. Она отмечает, что изображения котлов скифского облика на скалах мало помогают в решении вопросов абсолютной хронологии. Рисунки котлов встречаются и в композициях более позднего времени [Советова, 2005, с. 22–23].

Котлы могли и, вероятно, использовались не только в утилитарных, но и в ритуальных целях. Можно предположить, что они применялись в обрядах переходного цикла.

Рядом с роженицей изображены еще два человека. Один находится за спиной женщины с оружием в руках (?), по мнению А.Е. Рогожинского, он либо удерживает роженицу за плечи, либо наносит удар. Человек, сидящий перед ней на коленях, также держит в руке нож (?), приставив его к животу женщины [Рогожинский, 2012, с. 40].

Значение котла/казана как символа женского начала сохранилось до этнографической современности. В представлениях казахов казан – воплощение достатка, богатства. Интересен казахский обычай открывать все казаны, как и остальную посуду, сундуков, развязывания узлов при трудных родах [Каирбеков, 1998, с. 296–297]. Возможно, истоки его таятся в культуре эпохи ранних кочевников, что и отразилось в какой-то мере в описываемом петроглифе.

Воины с чеканами в своеобразных головных уборах или прическах: по мнению исследователей, поза с присогнутыми в коленях ногами разновариантна. Таким образом, могут быть показаны побежденные воины; убегающие от преследования воины; нападающие; загадочные образы – участники ритуальных действий [Советова, 2005, с. 34].

Обращают на себя внимание прически или головные уборы воинов. У левого персонажа он может передавать либо головной убор, либо пучок волос, «султан». У правого – больше напоминает головной убор – башлык.

О.С. Советова приходит к выводу, что «султаны» на изображениях «тагарских человечков» имели семантическое значение. Султаны являлись опознавательным знаком мужчины-воина и свидетельствовали о его престижном статусе [2005, с. 83–84].

Говоря о таком атрибуте каменных антропоморфных изваяний и петроглифов как чуб, пучок волос или косица, отходящие от макушки, Л.Н. Ермоленко и Ж.К. Курманкулов [2011] рассматривают его в контексте воинской культуры. По мнению исследователей, на большинстве изображений, анализируемых в их статье, персонажи с «чубообразным» атрибутом предстают воинами. Прослеживается такая изобразительная традиция в степной зоне с эпохи ранних кочевников.

Петроглифы Жетысу и Южного Казахстана интересны тем, что они представляют целый пласт наскального искусства доскифского времени. Если учесть, что найдены в этих регионах петроглифы с «клювовидными» оленями, есть сцена с дерущимися верблюдами, аналогичная бляшкам из Бесобы, Пятимары I, то можно сказать, что уже в предскифское время населению Казахстана эти образы были знакомы, как и населению Тывы и Сибири.

В свете вышесказанного можно сделать предварительные выводы, касающиеся петроглифов эпохи раннего железа.

1. Наскальное искусство раннего железного века Жетысу, а также и Южного Казахстана, развивалось в русле общих процессов в истории народов Центральной Азии.

2. В петроглифах раннего железного века Казахстана имеются знакомые по другим памятникам основные образы звериного стиля.

3. Опираясь на аналогии в прикладном искусстве, можно отметить основные периоды появления и развития звериного стиля: период конца II–начала I тыс. до н. э.; раннесакский период VIII–VI в. до н. э.; сакский период середины I тыс. до н. э.

Далее следует время бытования малоизученных пока рисунков гунно-сарматского времени (познесакского и усуньского периодов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жетысу в археологии Казахстана является одним из опорных регионов для изучения многих важных аспектов. Сейчас, в начале XXI в., неизмеримо возрос объем получаемых новых источников и материалов. Археология раннего железного века региона пополняется не только новыми памятниками, но и новейшими результатами их исследования. Ценными источниками в изучении особенностей культуры сакской эпохи являются наскальные изображения. Как показывают исследования, петроглифы Жетысу во многом обнаруживают близость рисункам Восточного, Южного Казахстана, Саяно-Алтая, Монголии. С началом эпохи раннего железа особое значение приобретает «полоса гор», протянувшаяся от Жетысу до Саяно-Алтая. Тезис о «полосе гор» был выдвинут в свое время Кималем Акишевичем и Алишером Кималевичем Акишевыми. С недавними открытиями ярких памятников, а также с возрастанием значения результатов исследований по скифо-сакской тематике данный тезис в среде специалистов обретает новое звучание. Материалы наскального искусства «края семи рек» эпохи ранних кочевников еще раз показывают перспективность такого взгляда.

Особенности развития культурных образований раннего железного века, лежащих внутри полосы гор, обусловленные этно- и культурной близостью групп населения, а также различными взаимосвязями и контактами, охватывают, прежде всего, раннескифскую/раннесакскую эпоху. Она, согласно современным исследованиям специалистов, лежит в пределах значительного отрезка времени, нижние границы которого определяются примерно второй половиной–концом IX – VIII вв. до н. э., а верхние – серединой VI в. до н. э. [подробнее см.: Тишкин, 2007; Брюяко, 2005, с. 114–147]. Одной из важнейших задач археологии раннего железного века Казахстана является решение вопросов хронологии и периодизации на основе новой обработки источников, наполнение этапов конкретным материалом.

Подчеркнем, что среди петроглифов раннего железного века Жетысу наиболее четко выделяются рисунки именно раннесакской эпохи, явно демонстрирующие наибольшую схожесть с изображениями наскального искусства указанной полосы

гор. Исследователи петроглифов Жетысу и Южного Казахстана в своих работах неоднократно указывали на это положение.

Вопросы этнокультурных связей Жетысу с другими регионами Казахстана и Центральной Азии в раннесакскую эпоху поднимались в исследованиях специалистов [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978]. В настоящее время из районов Казахского мелкосопочника получены новые источники по раннесакскому времени, это материалы поселений, а также ряда могильников, давших новые предметы художественной культуры [Бейсенов, 2010; 2011; 2013а; 2014а; 2014б; Beisenov, 2013]. Следует отметить, что материалы могильников Талды-2, Карашоки и др. теперь уже более уверенно позволяют ставить вопрос о близости культуры племен Казахского мелкосопочника, в особенности, его наиболее возвышенной восточной части, к культурным традициям насельников полосы гор. В наскальном искусстве племен Мелкосопочника мы видим те же самые образы, что и в Жетысу, на Саяно-Алтае, вплоть до дерущихся верблюдов и оленей с клювовидными мордами [Новоженков, 1987, с. 88, рис. 6, 4; Самашев, Байтилеу, Курманкулов, 2013]. Значительных скоплений петроглифов раннего железного века в пределах Мелкосопочника не оказалось. Их там немного, известные нам пункты Байконыр, Теректы и др. не могут быть сравнены с такими памятниками Жетысу, как Ешкиолмес, Тамгалы и Баянжурек. Здесь, по-видимому, сказались литологические условия [Самашев, 2006] мелкосопочника. Наряду с этим, мы должны допускать и учитывать еще один важнейший фактор – экологический. Имеющийся материал по раннему железному веку Казахстана в некоторой степени позволяет считать, что для населения Центрального Казахстана начала сакской эпохи, по всей вероятности, имелось меньше возможностей развития комплексных форм хозяйства. В таких условиях сложившиеся ритмы жизни влияют на культуру в целом, по-своему расставляя приоритеты. Таким образом, материалы петроглифов раннего железного века Жетысу еще раз демонстрируют необходимость изучения их в контексте развития всей культуры данной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев А.К.** Образ верблюда в легендах Центральной Азии // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 69–76.
- Акишев К.А.** Саки Семиречья. (По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.) // ТИИАЭ АН КазССР. – 1959. – Т. VII. – С. 204–212.
- Акишев К.А.** Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1969. – №1. – С. 29–47.
- Акишев К.А.** К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 31–46.
- Акишев К.А.** Курган Иссык. Искусство саков Казахстан. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- Акишев К.А.** Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: (материалы заседаний «Круглого стола» 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург). – СПб.: ИИМК, 1994. – С. 8–11.
- Акишев К.А.** Древние и средневековые государства на территории Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – 192 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К.** Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1978. – С. 38–63.
- Акишев К.А., Акишев А.К.** Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии. – Туркестан, 1997. – С. 30–37.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР. – 1963. – 320 с.
- Алпыспаев Х.А.** Новые наскальные изображения Бостандыкского района // ТИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1. – С. 182–188.
- Артамонов М.И.** Происхождение скифского искусства // СА. – 1968. – №4. – С. 27–45.
- Артамонов М.И.** Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.
- Байпаков К.М.** Город и степь в древности: оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2008. – №1 (254). – С. 3–25.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.** Новые данные по изучению поселений раннего железного века в Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2001. – №1 (230). – С. 53–65.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.** Петроглифы в горах Кулжабасы. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. – 27 с., ил. (на рус., англ. яз.)
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.** Петроглифы Баян-Журека. – Алматы: Credo, 2008. – 200 с. (на каз., рус., англ. яз.)
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.** Петроглифы Ак-Кайнара. – Алматы: Credo, 2009. – 104 с. (на каз., рус., англ. яз.)

- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.** Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. – Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2013. – 120 с., ил.
- Байпаков К.М., Чанг К.** Предварительные результаты раскопок на поселении сакского периода Цыганка-8 // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2000. – №1(224). – С. 266–268.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А.** Петроглифы в горах Ешкиольмес. – Алматы, 2005. – 226 с., ил.
- Байтилеу Д.А.** История изучения петроглифов Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – 29 с.
- Баркова Л.Л.** Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. – 1990. – Вып. 30. – С. 55–66.
- Бейсенов А.З.** К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010: матер. II научн. междунар. конф. – Актобе, 2010. – С. 77–79.
- Бейсенов А.З.** Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – 32 с.
- Бейсенов А.З.** К изучению поселенческих памятников в горах Кулжабасы // Современные решения актуальных проблем Евразийской археологии: сб. научн. ст. – Барнаул: АлтГУ, 2013. – С. 177–180.
- Бейсенов А.З.** Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестник КемГУ. – 2013а. – №3-4 (55). – С. 13–17.
- Бейсенов А.З.** Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана. Записки ИИМК. – 2014а. – №9. – С. 92–102.
- Бейсенов А.З.** Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане // Вестник ВЭГУ. – 2014б. – №6 (74). – С. 170–179.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Боковенко Н.А.** К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск, 1987. – С. 75–80.
- Брюяко И.В.** Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р.Х.). – Кишинев: Высшая Антропологическая школа, 2005. – 358 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: АН МНР, 1981. – 254 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.
- Гапоненко В.М.** Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 101–110.
- Горячев А.А.** Археологический комплекс поздней бронзы Калакай-1 из Северного Придунгарья // История и археология Семиречья. – Алматы, 2007. – Вып. 3. – С. 21–41.
- Грязнов М.П.** Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. – Л., 1978. – Вып. 2. – С. 222–232.
- Грязнов М.П., Маннай-Оол М.Х.** Третий сезон раскопок кургана Аржан // Археологические открытия 1973 г. – М., 1974. – С. 192–195.
- Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.** Художественные бронзы Жетысу. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – 120 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 128 с.
- Жетібаев Ж.** Маңқыстау және Үстірт қазақтарының этнографиялық суреттеріндегі қару-жарақтар // ҚР ҰҒА жаңалықтары. Қоғамдық ғылымдар сериясы. – 1993. – №5 (191). – 61–68 б.

- Жетібаев Ж.** Салт атты сарбаз бейнесі // Қазақ тарихы. – Алматы, 1994. – №4.
- Жетібаев Ж., Самашев З.** Камшы (плеть) в искусстве и мифологии казахов (по материалам адаевских граффити) // Наскальное искусство Азии. – Кемерово, 1995. – Вып. 1. – С. 66–67.
- Жетібаев Ж.М., Швеи И.Н.** Казахские граффити: традиция и инновация в изобразительном искусстве // Известия МОН-НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2002 – №1. – С. 279–286.
- Иванов С.С., Бобек уулу Б.** Новый клад раннесакского времени из Кочкорской долины (Центральный Тянь-Шань) // Ұлы даланың салт аттылары. Всадники Великой степи: традиции и новации: Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана: издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 143–149.
- Йеттмар К.** Религии Гиндукуша. – М.: Наука, 1989. – 505 с.
- Ильинская В.А.** Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Советская археология. – 1971. – №2. – С. 9–29.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. – Кемерово: РИО КемГУ, 2011. – Вып. 25. – С. 156–161.
- Кадырбаев К.М., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 232 с.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.** Петроглифы Каратау. – Алматы, 2007. – 147 с.
- Каирбеков Б.** Части целого: Избранное в 2-х томах. Стихи, проза, переводы. – Алматы, 1998. – Т. 2. – 320 с.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А.** Оленные камни Тувы: (Часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // Археологические вести. – 1999. – №6. – С. 130–145.
- Кореняко В.А.** Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. – М.: Изд-во Восточная литература, 2002. – 327 с., ил.
- Королькова Е.Ф.** Об одном типе бронзовых зеркал скифской эпохи // СГЭ. – 1997. – Вып. LVII. – С. 32-35.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 272 с.
- Кубарев В.Д.** Искусство древних кочевников Центральной Азии в петроглифах Алтая. Интернет ресурс. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1373965380>
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В.** Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начала XX в. – Новосибирск, 1987. – С. 98–117.
- Кубарев В.Д., Цэвэнжорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск–Улан-Батор–Юджин, 2005. – 640 с., ил.
- Максимова А.Г.** Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестник АН КазССР. – 1958. – №9 (162). – С. 108–110.
- Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: Онер, 1985. – 143 с.
- Маннай-Оол М.Х.** Тува в скифское время. – М.: Наука, 1970. – 118 с.
- Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М.** Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2006. – 346 с.
- Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. – 35 с.
- Марьяшев А.Н.** Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журек // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2002. – №1 (236). – С. 23–30.

- Марьяшев А.Н.** Поселения и металлургические комплексы в ущелье Муздыбулак // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2003. – №1 (283). – С. 20–34.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.** Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002. – 264 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.** Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2008. – №1 (254). – С. 101–109.
- Марьяшев А.Н., Железняков Б.А.** Древности Кулжабасы. – Алматы, 2013. – 150 с., ил.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.** Наскальные изображения долины р. Коксу. – Алма-Ата, 1990.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.** Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 80 с., ил.
- Медоев А.Г.** Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – Ч. 1. – 174 с.
- Миклашевич Е.А.** Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М., Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202.
- Мургабаев С.С.** Үлкен Қаратаудың жартаc суреттеріндегі «Ойсылқара» стилі // Кадырбаевские чтения – 2010: матер. междунар. научн. конф. – Актөбе, 2010. – 48–63 б.
- Мургабаев С.С.** Наскальное искусство раннего железного века хребта Каратау // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 2011. – Т. 2. – С. 194–202.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новоженов В.А.** О датировке наскальных изображений Сары-Арки // Проблемы периодизации и хронологии археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 79–89.
- Новоженов В.А.** О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 130–136.
- Новоженов В.А.** Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (К проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). – Алматы: АИФ Казахстан, 1994. – 266 с., ил.
- Новоженов В.А.** Петроглифы Сары-Арки. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. – 125 с., ил.
- Панюшкина И.П., Григорьев Ф.П., Лейндж Т.** Возраст Третьего Бесшатырского кургана по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. научн. статей. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. (В печати)
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.** Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. – М., 1992. – 260 с.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Потапов С.А., Железняков Б.А., Херманн Л.** Петроглифы Кайши // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2012. – №3 (283). – С. 25–30.
- Рогожинский А.Е.** Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. – Алматы, 1999. – Вып. 1. – С. 7–43.
- Рогожинский А.Е.** Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы: КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов, 2011а. – 342 с.

- Рогожинский А.Е.** Памятники наскального искусства Казахстана // Наскальное искусство в Центральной Азии. Тематическое исследование / ICOMOS – Ноябрь, 2011б. – С. 207–246.
- Рогожинский А.Е.** Комплекс Кулжабасы: итоги первого десятилетия исследований (2001–2011 гг.) // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2012. – №3. – С. 35–53.
- Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р.** Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 45–92.
- Руденко С.И.** Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н. э.). – М., 1961. – 66 с. и 18 табл.
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1994. – 208 с.
- Савинов Д.Г.** Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ: сб. статей, посвящ. 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова / Проблемы археологии. Вып. 4. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 154–165.
- Савинов Д.Г.** Карасукская традиция и «аржано-майэмирский» стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: матер. всерос. научн. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998а. – С. 132–136.
- Савинов Д.Г.** Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Труды САИПИ. Вып. IX. – М., Кемерово, 2012. – С. 35–55.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Самашев З.** Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.
- Самашев З.** Предисловие // Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау. Изд. второе. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2007. – С. 4.
- Самашев З.** Проблемы изучения наскальных изображений Казахстана // Доклады НАН РК. – 2009. – №2. – С. 74–85.
- Самашев З.** Изобразительные памятники бронзового века // Кадырбаевские чтения – 2010: матер. II Междунар. научн. конф. – Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2010а. – С. 4–32.
- Самашев З.** Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2010б. – 54 с.
- Самашев З.** Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.
- Самашев З.** Об одной батальной сцене петроглифов раннего железного века из Кулжабасы в Жетысу // Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии: сб. матер. междунар. научн.-практ. конф. «III Оразбаевские чтения». – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2011. – С. 55–74.
- Самашев З.** Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. – Астана: издательская группы ФИА в г. Астане, 2012. – 240 с. (на каз., рус., англ. яз.)
- Самашев З., Байтлеу Д., Кариев Е., Мургабаев С.** Исследование археологического комплекса Баганалы в Шиелийском районе Кызылординской области // Археологические исследования степной Евразии. – Караганды: КарГУ им. Е.А. Букетова, 2013. – С. 71–88.
- Самашев З., Григорьев Ф., Джумабекова Г.** Древности Алматы. – Алматы, 2015. – 184 с.
- Самашев З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Онгар А.** Древнее золото Казахстана. – Алматы: Өнер, 2007. – 160 с.

- Самашев З., Жетібаев Ж.** Қазақ петроглифтері. – Алматы: Иль-Тех-Кітап, 2005. – 134 б.
- Самашев З., Кариев Е.М., Подушкин А.Н., Мургабаев С., Чотбаев А.Е., Донец А., Рустемов А.** Первые изыскания Астанинского филиала Института археологии // Маргулановские чтения – 2011: матер. междунар. археол. конф. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 345–350.
- Самашев З., Нұрмұханбетов Б.** Жетісу жартас суреттері. Баянжүрек // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. – Вып. 3. – С. 74–105.
- Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г.** Сокровища степных вождей. – Алматы, 2001. – 176 с.
- Смирнов К.Ф., Петренко К.Ф.** Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. – 1963. – Вып. Д1-9. – 40 с.
- Тасмагамбетов И.** Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы: ОФ «Берел», 2003. – 336 с.
- Тишкин А.А.** Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд. АлтГУ, 2007. – 356 с.
- Франкфор А.-П., Якобсон Э.** Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – №2 (18). – С. 53–78.
- Черников С.С.** Наскальные изображения в верховьях Иртыша // Советская археология. – 1947. – №9. – С. 251–282.
- Черников С.С.** Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 190 с.
- Членова Н.Л.** Иранские прототипы «скифских оленей» // КСИА. – 1984. – Вып. 178. – С. 3–11.
- Чугунов К.В.** Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. Интернет ресурс. Режим доступа: <http://www.xn--80abubbalb5cgec5b4kf.xn--p1ai/find/arjan2.html>
- Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г.** Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. – СПб., 2006. – С. 303–311.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.** Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2009. – №2. – С. 115–124.
- Швец И.Н.** Образ человека в наскальном искусстве Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1999. – 29 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 236 с.
- Шер Я.А.** О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы–М., 1998. – Вып. 2. – С. 218–230.
- Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С.** Петроглифы Жалтыракташа // Проблемы археологических культур степи Евразии. – Кемерово: КемГУ, 1987. – С. 70–78.
- Beisenov A.** Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhSaks shen zeit osteurasiens // Unbekanntes Kasachstan. Archaologie im Herzen Asiens. II. – Bochum, 2013. – P. 595–608.
- Samashev Z.** Petroglyphs of the East Kazakhstan as a historical sources. – Almaty: Rakurs, 1993. – 288 p.
- Shvets I.** Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. – Darmstadt/Mainz: Zabern, 2012. – 428 s.

Арман Бейсенов, Алексей Марьяшев

ЖЕТІСУДЫҢ ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІНДЕГІ ЖАРТАС СУРЕТТЕРІ

Түйін

Ерекше тарихи және мәдени ескерткіш болып саналатын петроглифтер Қазақстанның көптеген өңірлерінде анықталған. Оларды зерттеу ісі археология ғылымындағы арнайы бағыт болып табылады.

Қазақстандағы ғылыми петроглифтанудың басында ғалымдардың аға буын өкілдері Қ. Сәтпаев, Ә. Марғұлан, С.С. Черников, Х.А. Алпысбаев, А.Г. Максимова, А. Аманжолов, П.И. Мариковский және басқалар тұрды.

Қазақстандағы петроглифтану ғылымының қалыптасуы – танымал ғалым, археолог, отандық археология ғылымының негізін қалаушылардың бірі Мир Қасымұлы Қадырбаевтың есімімен тікелей байланысты.

М.Қ. Қадырбаев петроглифтерді тарихи деректің ерекше категориясы ретінде қарастыруды жүйелі түрде жолға қойған отандық ғалымдардың алғашқыларының бірі болды. 1970-жылдардың бас кезінде ол – Тасмола ашылғаннан кейін және Атасуға шығардың алдында – А.Н. Марьяшевпен бірлесіп Қаратау петроглифтерін зерттеу жұмыстарын жүргізді. Қаратаудағы осы жұмыс екі зерттеушінің бірлесіп жазған кітабына, яғни Қазақстандағы петроглифтер туралы алғашқы монографияға негіз болды [Қадырбаев, Марьяшев, 1977; 2007]. Монографияда Оңтүстік Қазақстан петроглифтерінің кезеңге бөлінуі мен оның уақыт межесі белгіленіп, тасқа таңбалау өнерінің бірнеше кезеңі айқындалады.

Осы кезден бастап, дәлірек айтқанда, Қаратаудағы зерттеу жұмыстарынан кейін, өз зерттеулерін жалғастырған А.Н. Марьяшев, сәлден соң М.Қ. Қадырбаевтың жетекшілігімен кандидаттық диссертация жазып, қорғады.

1980-жылдардан бастап А.Н. Марьяшевтың жетекшілік еткен өз тобының құрамында А.Е. Рогожинский, А.А. Горячев, А.М. Досымбаева, Ю.А. Мотов, Б.А. Железняков, С.А. Потапов сияқты ғалымдар жұмыс жасады. Бұл ғалымдар қазіргі кезде де ежелгі ескерткіштерді зерттеумен жемісті түрде айналысуда, көбі петроглифтанумен де шұғылданып келе жатыр. Кезінде А.Н.Марьяшев жолға салған ғалымдардың қазір жартас суреттеріне арналған көптеген басылымдары бар екенін айта кету керек.

Сол 1980-жылдары петроглифтерді зерттеу ісін М.Қ. Қадырбаевтың тағы бір шәкірті – Зайнолла Самашев қолға алды. Сол жылдардың өзінде-ақ Ертістің жоғарғы бөлігіндегі жартас суреттері жайлы көптеген мәліметтердің жиналуы мен олардың ғылыми айналымға енгізілуі маңызды оқиғалардың бірі болып саналған еді. 1980-жылдарда атқарылған жұмыстарының нәтижесінде ғалымның «Наскальные изображения Верхнего Прииртышья» деп аталатын орыс тілінде, кейін ағылшын тілінде жарияланған монографиясы жарыққа шықты [Самашев, 1992; Samashev, 1993].

Бұдан кейінгі жылдарда ғалым Қазақстанның өзге өңірлерінде зерттеу жұмыстарын жалғастырып, жарияланған еңбектерінде мәселенің әдістемелік жақтары мен теориялық қырларын біршама саралады. Зерттеу жұмыстары қазіргі кезеңде де жалғасуда [Самашев, 2006; 2009; 2010; 2011a; 2011b; 2012].

В.А. Новоженев Қазақстандағы және одан тыс жерлердегі тастағы таңбаларды зерттеу жұмыстарымен шұғылдануда [Новоженев, 1987; 1989; 1990; 1994; 2002]. Негізгі ізденістерін Арқа жерінен бастаған ғалым, әсіресе, ежелгі замандардағы көлік-транспорт мәселесіне көңіл бөлуде.

Д.А. Байтілеу Қазақстандағы жартас суреттерін зерттеу ісінің тарихына арналған кандидаттық диссертация қорғады. Ол өз жұмысында бірнеше кезеңдерді бөліп шығарды және маңызды ғылыми-теориялық бағыттарды көрсетті [2007]. И.Н. Швец ежелгі антропоморфты бейнелерді зерттеді [1999; 2012]. Бұл ғалымның қарастырған мәселелелерінің арасында ежелгі антропоморфты бейнелердің ерте темір дәуірінде өз маңызын жоятыны жайлы пікір қызықты.

Археология Институтында көп жылдар бойы еңбек еткен Ж.М. Жетібаев петроглиф зерттеу саласына айтарлықтай еңбек сіңірді. Ұстазы З. Самашев ұйымдастырған экспедициялардың барлығына тікелей қатыса жүріп, ол өзі таңдап алған қазақтың этнографиялық суреттері тақырыбын зерделеді. Аз ғұмыр кешкен бұл ғалымның көптеген пайымдаулары мен қорытындыларының ерте темір дәуірі көшпелілерін мәдениетін түсінуде елеулі маңызы бар [Жетібаев, 1993; 1994; Жетібаев, Самашев, 1995; Жетібаев, Швец, 2002; Самашев, Жетібаев, 2005].

Бүгінгі таңда қазақ петроглифтану ғылымы жемісті дамып келеді. Атқарылған жұмыстардың арасында екі докторлық диссертацияны айрықша атап өте аламыз. А.Н. Марьяшев 1995 жылы Новосибирск қаласында Орта Азия, Оңтүстік Қазақстан мен Жетісуға арналған диссертациясын қорғады [Марьяшев, 1995]. З. Самашев 2010 ж. «Наскальные изображения Казахстана как исторический источник» деп аталатын диссертациясын қорғады. Тақырыпты өте кең көлемде қамтыған, Қазақстанның барлық аймақтарының деректерін жинақтаған бұл еңбектің зор маңызы бар. Оның ішінде ғылыми әдістеме саласына бағытталған ойлар мен қорытындылардың қажеттілік деңгейінің жоғары екенін айрықша атау керек [Самашев, 2010b].

Қазақстанда ерте темір дәуіріне тән көптеген тастағы таңбалар бар екені бұрыннан мәлім болатын. XX ғ.-дың 40-ж. соңында Ертістің жоғарғы жағынан С.С. Черников көптеген петроглифтерді анықтады [1947]. Ол құрған мерзімдеудің алғашқы нұсқасы Шығыс Қазақстаннан алынған материалдарға негізделді және Қалба мен Нарым жоталарында өткізілген зерттеу жұмыстарының нәтижесі болып саналды. Х.А. Алпысбаев петроглифтердің әр кезеңге тән топтарын анықтап, стилдік ерекшеліктері басты негіз болған сақ сызбаларына баса назар аударды [1956]. 1950-жылдардың соңында А.Г. Максимованың Таңбалыдағы қола дәуірінің суреттері бар ғибадатхананы анықтауы ерекше оқиғалар санатына жатты. Бұдан соң Таңбалыда А.Н. Марьяшев, З. Самашев, В.А. Новоженев, А.Е. Рогожинский және т. б. көптеген ғалымдар қатысқан көлемді зерттеу жұмыстары атқарылды.

А.Г. Медоев Арпаөзен сайындағы ежелгі қола дәуірінің суреттерінің үстіне ежелгі суретшілердің бұғы бейнесін әдейі салғандығын және оның одан да көне болып саналатын сценамен жымдасып кеткендігін анықтайды. Алайда, мұндағы сақ гравюралары палимпсестке жатпайды. А.Г. Медоев «сақ шебері өзіне дейінгі салынған шығарманы ашық қалдырғандықтан, ол оның суретінің ар жағынан еркін көрінеді» деп атап өтеді [1979, с. 16]. Атап өтер жайт, петроглифтерді өнертану тұрғысынан қарастыруды алғашқылардың бірі болып қолға алған А.Г. Медоев болды. Ол көне суреттерді кешенді түрде қарастыра отырып, таза археологиялық шеңберден шығарды. Кейінірек Қаратаудағы сияқты Үрмарал сайында да сақ шеберлері бұғылар мен ешкілер бейнесін үлкен кескіндер арасына жымдастыра салатын ұқсас тәсілдерді пайдаланғаны анықталды [Гапоненко, 1963].

Осы тектес кескіндердің стилін саралау жұмыстары барысында XX ғ. 60-70 жж. осындай фигураларды ежелгі сақ дәуіріне жатқыздылы. Алайда, көшпелілердің басқа суреттерінде аң стилі байқалмаған жағдайларда жекелеген қиындықтар туындап отырды. XX ғ. 80-жылдарының басында немесе орта шенінде жасалған Қазақстандағы алғы кезең өнерін мерзімдеуді алғашқы меже деп есептеуге болады.

1982 ж. Абай атындағы ҚазПИ экспедициясы Ешкіөлмес және Баянжүрек тауларынан екі ескерткіш анықтады. Зерттеу жұмыстарына А.Н. Марьяшев жетекшілік етті. Ерте темір дәуірінің петроглифтерін зерттеуде Ешкіөлмес аса маңызды болып шықты. Оның материалдары негізінде зерттеушілер стилистикалық сараптама жасауды пайдаланып және сақ өнерінің аналогтарына сүйеніп, ежелгі сақ дәуірі петроглифтерінің үлкен бір қабатын уақыты межелеген ескерткіштер материалдары бойынша белгіледі [Марьяшев, Рогожинский, 1990].

Көшпелілер петроглифтерін зерттеу ісінде Я.А. Шердің Орталық және Орта Азиядағы тастағы таңбалар өнерін сипаттауға арналған еңбегінің қосқан үлесі елеулі орын иеленеді [Шер, 1980]. Я.А. Шер мен З. Самашевтың жетекшілік етуімен Талас өңіріндегі Үрмарал өзенінің бас жағында біріккен қазақ-ресей

экспедициясы екінші реткі зерттеу жұмыстарын жүргізеді. Бұл орынның әрқилы кезеңдер бойында қызмет атқарып келгендігі анықталды [Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987].

Кіші Қойтас, Ойжайлау, Шолак, Баянжүрек, Құлжабасы сайларынан сақтарға тән суреттер анықталды [Марьяшев, Горячев, 2002]. Құлжабасы жотасындағы ерте темір дәуіріне тән суреттің ерекшеліктеріне мән берді. Мұнда сақ заманына тән жарқын суреттер жоқ, анықталған кейбір суреттер кейінгі сақ дәуірі мен үйсін дәуіріне тиесілі болды. Құлжабасы тауындағы бесінші сайда ерте темір дәуіріне тән ерлер, екіқабат әйел кескінделген, үшкірлене келген тағаны бейнеленген қазан бейнесі салынған сирек сурет бар [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004, фото 6] (фото 78). Сирек кездесетін осы сценаға байланысты қарама-қарсы пайымдар қалыптасты. Мұнда бейнеленген көрінісі тұрғысынан сақ дәуіріне жататын тұғырлы қазан көрсетілсе, келесі бетінде жыныс мүшесі көрсетіле, қырынан тұрған ер адамның бейнеленуі стилістік белгілері жағынан қола дәуіріне жақын болып келді. Мұндай пайымды қанжар мен шақан ұстаған жауынгерлер бейнеленген суреттерге де қатысты айтуға болады [Марьяшев, Железняков, 2013]. Уақыт тұрғысынан межелеуге аргумент болған негізгі дәйек – жауынгерлердің қаруы болды. Мұндағы таңқаларлық факт кейіпкерлердің кескінделуінде. Өйткені, сақтар салған тастағы бейнелерде жауынгерлер бұлай бейнеленбейді деп есептеліп келген еді.

Материалдардың жинақталуына сай аң стилінің шығу тегі мен оның алғашқы кезеңдерін зерттеу мәселелері қарастырыла бастады. Осы тұрғыда Қаратау сілемінің Жыңғылшық сайынан З. Самашев анықтаған петроглифтер ерекше қызығушылық тудырады. Мұнда Моңғолияда кең тараған үшкірлене келген басы бар бұғылар бейнесінің Қазақстанның оңтүстігінде кездесуі – қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өтетін өтпелі кезеңдегі тұрғындардың шығыстан көшіп қоныстануымен байланысты болды [Самашев, 2006].

Кіші Қаратау жоталарының материалдары жан-жануарларды бейнелеудегі аң стилінің кейбір ерте кезеңдеріне тән элементтерін анықтауға түрткі болды. Осы негізде А.Н. Марьяшев кейінгі қолаға тән, ерте темір дәуіріне өтетін тұстағы суреттер тобын анықтады. Петроглифтердің құрамы қола дәуірі мен ерте темір дәуірінің суреттерінен едәуір айырмашылықта болып келеді. Яғни, Жетісу өңіріне тән емес арыстан, жолбарыс тәрізді жыртқыштардың бейнесі көптеп салынған. Кейбір фигуралардың кескіні Алдыңғы Азияда кеңінен мәлім болып келетін арыстандар мен жолбарыстар пошымына жақын. Алайда, Қаратаудағы тастағы таңбаларда Сібір, Алтай, Жетісу қолөнерінде танымал болған жануарлардың бейнесі жоқ. Әсіресе, ерте темір дәуірінің тастағы таңба өнерінде кездесетін танымал образдар жоқ. Бұл кезеңде аң стилі әлі қалыптаспаған деген пайым жасауға негіз бар [Байпаков, Марьяшев, 2013].

А.Е. Рогожинский Жетісуда кездесе бермейтін айна бейнесін тауып, оның атрибуциясын жазды [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004]. С.С. Мұрғабаяев Қаратауда ізденістерін жүргізді [2010; 2011]. Ол сақтарға дейінгі кезеңдегі петроглифтердің қабатын бөлуге және оны оған дейінгі қола дәуірі кезеңінің мәдениетімен байланыстыруға талпыныс жасады. Ол ұсынған тезис қызықты болғанымен, ғылыми негізді аргументтер келтіруді талап етеді. Аң стилінің бастаулары Қазақстаннан өрбиді деген болжам жасау үшін егжей-тегжейлі зерттеу жұмыстарын жүргізу қажет.

Аң стилі шығыста, атап айтқанда Моңғолияда немесе Сібірде қалыптасқан деген Я.А. Шер тезисі әлі күнге дейін салмақты болып қалуда [Шер, 1998].

Атап өтер жайт, қазіргі кезде көптеген зерттеушілер осы мәселе бойынша Солтүстік Қытай, Ордос өңіріне қатты назар аударуды ұсынып жүр.

Аң стилінде орындалған ерекше бай материалдары бар Берел қорғанын зерттеген З. Самашев еңбектері қызықты болды [2011б]. Зерттеушінің ұйымдастыруымен бір топ мамандардың еңбегінің жұмылуы арқасында алынған бұл материалдар сақ тайпалары өнерін зерттеуге өзек болатын тамаша дерек ретінде бағалануда.

Ғұн-сармат (үйсін) кезеңінің петроглифтері зерттелмеген күйінде қалуда. Құлжабасы материалдары бойынша Р. Сала осы кезеңге қатысты суреттердің хронологиясын анықтау мәселесін қозғап, кейбір суреттерге қысқаша сипаттама берді. Бірақ, мерзімдеуге байланысты дәйектері әзірше тым аз [Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004]. Б.А. Железняков та осы мәселеге назар аударғанымен, петроглификалық материалдардың аз болуына байланысты мәселе шешіле қоймады [Марьяшев, Железняков, 2013].

Археологиялық тұрғыдан да аталмыш мәселелердің әлі жолға қойылмағандығын атап өту қажет.

Қарастырылып отырған тақырыптың маңызды қырларының бірі – петроглифтер орналасқан аумақтан ежелгі қоныстарды іздеп табу мен оны зерттеуге бағытталған жұмыстар болып табылады. Қазіргі кезде Алматы облысының көптеген жерлерінде ерте темір дәуірінің қоныстары ашылып, зерттелу үстінде [Байпаков, 2008; Байпаков, Чанг, 2000; Байпаков, Марьяшев, 2001]. Анықталған қоныстар саны күннен күнге өсе түсуде.

А.Н. Марьяшев пен А.А. Горячев көптеген петроглифтерімен танымал болған Баянжүректе қола дәуірі мен ерте темір дәуіріне жататын қоныстар мен қорымдарына және Ойжайлау сайында зерттеу жұмыстарын жүргізді [Марьяшев, 2002; 2003; Марьяшев, Горячев, 2008; Горячев, 2007; 2008].

З. Самашев өз мақаласында арнайы тоқталып өткеніндей [2009, с. 119–120; 2012, с. 26–46], қазіргі кезде археологиялық кешендер мен петроглифтерді сәйкестендіруді жолға қою мәселесі басым бағыт болып саналады.

Құлжабасыдағы ежелгі қоныстарды А.Е. Рогожинский ашып зерттеді [2012, с. 50–53]. 2012–2014 ж. А. Бейсенов бастаған топ осы жерден ерте темір дәуіріне тән басқадай көптеген қоныстарды тапты [2013]. Таңбалы петроглифтерін кешенді зерттеу және оны мерзімдеуге қатысты мәселелер кезінде қола дәуірі мен ерте темір дәуірі қорымдарының материалдары аса маңызды екені белгілі [Рогожинский, 1999; 2011].

Қола дәуірі мен ерте темір дәуірі суреттерінің орналасуында кейбір заңдылық сақталатыны байқалады. Қола дәуірінің суреттері саны жағынан басымырақ болып келеді де негізінен далалы өңірлерде көптеп ұшырасады. Сақ суреттері кейде ежелгі галереяларды аяқтаған түрде орналасады және тау баурайында немесе тау басында орналасады. Олар теңіз деңгейінен бір жарым, екі метрден бастап, екі мың метр, тіпті одан да биік жерлерден табылады. Сақ суреттері тау аңғарының біраз бөлігін иеленеді немесе сай аузына салынған болып келеді.

Сақ дәуірінің петроглифтері едәуір жинақталған жер – Ешкіөлмес тауы. Мұнда аң стилімен салынған көптеген суреттер бар. Тау етегінде Жоңғар Алатауының мұздақтарынан бастау алатын, Жетісу өлкесінің ірі өзендерінің бірі Көксу ағып жатыр. Петроглифтері бар сайлар таудың күнгей бетінде орналасқан. Олардың анықталғандарының саны жиырмадан асады. Ешкіөлмес петроглифтері тасқа салынған ескерткіштердің ішіндегі ең ауқымдысы болып саналады. Толыққанды зерттеу әлі де жүргізілмегеніне қарамастан тасқа 10 000 көлемінде петроглиф қашалғандығын шамамен айтуға болады. Мұнда қола дәуірінің, ерте темір дәуірінің, ортағасырлық және этнографиялық кезеңге тән суреттер бар. Белгілі бір топты ажыратып жіктеуге және мерзімдеу мәселесінде қиындық тудыратын жайт – көптеген петроглифтер кейінгі замандарда жаңартылған болып келетіні. Петроглифтердің қайсыбіреулерін жоғары деңгейде жаңғыртқаны соншалықты, көбіне оларды анықтау мүмкін болмай жатады. Суреттердің кейбірі пикетаж тәсілінде, басқа бір тобы граффити түрінде орындалса, құрамы жағынан араласып кеткен суреттер де бар.

Петроглифтердің негізгі шоғыры орналасқан сайдан жоғарырақ тұста Көксу өзені биік шатқалдан ағып шығады, осы тұста кең алқап орын алған. Өзеннің оң жағындағы тегіс алқапта жота бойымен оңтүстікке қарай 10 км-ге созыла, өзеннің шығысқа қарай бұрыла аққан тұсында көшпелілер қорымы тізбектеле орналасқан. Қорғандардың астынан бірнеше жерден қола дәуірінің жерлеулеріне тән тас жәшіктердің шеттері көрініп жатыр. Жағалаулық террасада бірнеше қорым мен қоныс бар. Олар – қола дәуіріне жататын Талапты I және кейінгі қола кезеңінің Талапты II қорымы мен осы аттас қоныс. Аталған қорымдардың кейбір объектілерін К.М. Қарабаспакова мен А.Н. Марьяшев 1980 жж. қазды. Талапты археологиялық кешенінен шығысқа қарай үш–бес километр шамасында б. д. д. XIV–XII ғғ. Құйған қорымы мен бірқанша ежелгі көшпелілердің жерлеу орындары орналасқан. Қола

дәуірінің петроглифтері негізінен шоқы басында немесе тау шоқысының ұшар басына жақын жерлерде қашалған болып келеді. Петроглифтердің культтық сюжеттері бар айрықша түрлері шоқылардың қара патиналы тас тізбектеріне салынған. Алайда, патинасыз тастарға сурет салынбаған. Яғни, таңбалау үшін патиналы тастардың таңдалуы негізгі шарттардың бірі болған. Ал, шың басындағы тастарға таңба салу тау культімен байланысты болса керек.

Аталмыш ескерткіште сақ сюжеттерінің пайда болуы және олардың одан да көне замандардағы кескіндермен алмасуы кездейсоқ жайт емес. Табыну кейпіндегі сюжеттер, культтық сюжеттер, босанған әйел сценалары мұнда кейінгі қола дәуірінде пайда болса керек. Осы кезде граффити тәсілін қолдану дәстүрі қалыптасып, бұл техника кейінірек сақ дәуірінде пайдаланылды. Жетісудың басқа ескерткіштерінде тас қашау техникасы мұндай кең тарала қоймады. Ешкіөлмес ескерткішінен қола дәуірі мен ортағасырға дейінгі аралықтағы тас таңбалау өнері дамуының үздіксіз жүлгесі байқалады. Ол әсіресе кейінгі қола дәуірі кезеңінде нақты білінеді.

Тегіс тақта бетіне граффити тәсілімен бедер салу ерте темір дәуірі мен орта ғасырларда одан әрі дами түсті [Байпаков, Марьяшев, Потапов, Горячев, 2005]. Ежелгі адам тұрғысынан аса маңызды болған нақты детальдарды тақтаға салуда қашау тәсілі зор мүмкіндік берді. Олар – садақ жебесі, атылған оқ, қылшандар (қорамсақ) бейнесі, доңғалақ шабақтары, қасқыр тісі сияқты басқадай көптеген элементтер. Ешкіөлмес тақталарында оймышталып салынған суреттер де көптеп саналады. Суреттің аналогтары Алтайда және Сібірде кездеседі. Жетісуда кездесетін тұяқты жануарлар мен аң бейнелерінің дені ерте темір дәуіріндегі сібірлік және алтайлық петроглифтермен стилдік жағынан өте ұқсас екендігін атап өткен ләзім.

Кіші Қойтас сайының петроглифтері Жаркент қаласының солтүстік бетінен 42 км жерде орналасқан. Петроглифтер мұз дәуірінен қалған ірі қойтастарға салынған. Кіші Өсек өзенінің оң жағалауындағы тастарды ежелгі адамдар аралары бір-бірінен 100–150 м болатын бірнеше қоныстарды салуға пайдаланған. Қоныстан оңтүстікке қарай тас қорғандары бар бірнеше қорым орналасқан. Сондай-ақ, Орта Өсек өзенінің кең аңғарында орналасқан петроглифтері бар негізгі төбенің шығысқа жағында ерте темір дәуірінің үлкен қорымы жатыр. Отыз жылдан астам уақыт бұрын осындағы ескерткіштерді паспорттау кезінде 95 қорған тіркелген. Сол маңда басқадай көптеген қорымдар бар.

Кіші Өсек пен Орта Өсек өзендерінің күйғанындағы жағалаулық террасада орналасқан үлкен тастарға таңбалар салынған, олардың аралары бір километрден астам болып келеді. Онда қабанның бір метрден астам көлемде үлкен етіліп салынған алты бейнесі бар (фото 31–35). Сурет скифтік аң стилімен үлкен тастың өн бойына салынған. Осыған ұқсас суреттер Аржан 1 қорғанынан табылып, ерте темір дәуірінің аржан-майемер кезеңіне тән деп мерзімделген болатын [Маннай-Оол, 1970; Артамонов, 1973; Грязнов, Маннай-Оол, 1974]. Осы тастың солтүстік

жағынан таңбалар салынған үлкенді-кішілі жүз тас анықталды. Ол тастарға бұғы, ешкі мен қой сұлбалары салынған. Шоқы басында табылған өгіздің және екі доңғалақты арбаның бейнесіне қарап, суреттер ұзақ уақыт бойы салынған деуге негіз бар. Қабан бейнесіне қарағанда, кейбір петроглифтер скифтік аң стилінің қалыптасуы кезеңінде пайда болғанға ұқсайды. Суреттердің көбі кейінгі кезеңдерде салынған, олар б. д. д. I мыңжылдықтың соңына жатқызылуы мүмкін.

Темір дәуіріне тән суреттердің ең көп шоғырланған жері тау биігіндегі жайлауға апаратын көш жолының бойында орналасқан. Ғибадатхана орнының таңдалуы да кездейсоқ емес: петроглифтер екі өзеннің аңғарға шығар тұсында орналасқан. Осы жерде сақ тайпаларының қоныстары мен рулық қорымдары орналасқан.

Петроглифтер орналасуының осы типі ерте темір дәуіріне тән болып келетін биік таулы жерлердің ескерткіштері санатына жатады. Осылайша үйлестірілген ескерткіштер ғибадатхана санатына жатқызылады. Өйткені, оның ортасы ретінде белгіленген алаңқайында аң стилінде салынған көлемді суреттері бар үлкен тас қойылған. Айналасына және маңайында көлемі бір метрлік және одан үлкен болып келетін суреттер бар. Оның маңындағы қойтастарда да аң стилімен салынған басқа петроглифтер орналасқан. Мұнда Жамбыл облысының Теріс өзеніндегі Маймақ петроглифтеріне өте ұқсас, артқы бөлігі иіріле келген бітімдегі ешкі бейнесі көркем етіліп салынған [Байпаков, Марьяшев, 2013]. Орталықтан ұзаған сайын суреттер құрамы жұтаңдай бастайды.

Жуырда Аюке сайындағы аң стилінде салынған аздаған петроглифтер зерттелді. Суреттер Алматы облысының батыс бөлігінде орналасқан Күрті өзенінен 35–40 км-дегі аласа тау шоқыларында орналасқан. Ондағы ең қызықтылары қасқыр, ешкілер мен арқарлар бейнеленген суреттер. Қасқырлар бейнеленген петроглифтер иконографиялық тұрғыдан Алтай суреттеріне жақын болып келеді, алайда, онда техникалық тұрғыдан тасты қашау тәсілімен емес, оймыштау түрінде орындалған. Кейбір суреттер сібірлік және алтайлық гравюралау тәсілімен салынған суреттермен ұқсас болып келеді [Миклашевич, 2012]. Суреттердің негізгі бөлігі таудың ұшар басына жақын орналасқан. Ал етекте қорғандар тізбегі орналасқан.

Суреттердің аса көп шоғыры Құлжабасы тауында бар. Сайдың жартастарында бірнеше мың бейнелер бар. Археологтар үшін бұл ескерткіштің аса маңызды болып саналатындығы – онда бірнеше кезеңге тән петроглифтердің араласа орналасуы. Мәселен, мұнда қола дәуірінің бақташылары салған суреттер бар. Олардың негізгі бөлігі б. д. д. III мыңжылдықтың соңынан бастап, II–I мыңжылдықтар айырымын қамтитын аралықта салынған. Сақ заманының суреттері мұнда көп емес. Қанжар және балта ұстаған жаяу жауынгерлер бейнеленген петроглифтердің шағын тобы анықталды. Маңайындағы тақта тасқа үшкір тұғыры бар қазан және босанған әйел бейнеленген [Марьяшев, Железняков, 2013]. Қару мен қазанға қарап, екі сюжеттің

ерте темір дәуірінде пайда болғанын, ал, жаяу әскерлер бейнесі қола дәуірі кезеңіндегі ескі тәсілмен салынғанын байқауға болады. Сондай-ақ, сақ дәуірінің суреттеріне тән емес бейне – ерлердің жыныстық ерекшелігі айқын көрсетілген. Суреттерге жаңғырту жұмыстары жасалғаны жуықта анықталды. Сонымен бірге, осы топтаманың қасынан екі доңғалақты арбаның суреті табылды. А.Н. Марьяшевтың пікірі бойынша бұл суреттер топтамасы ертерек, яғни, б. д. д. I мыңжылдықтың бас кезінде пайда болып, кейінірек сақ кезеңінде толықтырылған болуы да мүмкін. Ерте темір дәуірінің соңғы кезіне тән суреттер, яғни, кейінгі сақ-үйсін дәуірінің (ғұн-сарматтық кезең) петроглифтері де анықталды. Осы шағын топтама табиғи террасадағы шоқылардың ортаңғы және төменгі белдеулеріндегі тақта тастарға салынған. Көптеген суреттерден аң стилінің құлдырауы байқалады.

Дардамты петроглифтері Алматы облысының шығыс бөлігіндегі Кетпен ауылынан шығысқа қарай 7 км жердегі осы аттас тауда орналасқан. Олар тартылып қалған бұлақтың сол жақ бетіндегі тік жартасқа салынған. Суреттердің негізгі тобы ерте темір дәуірінде салынған. Әсіресе, суреттердің едәуір бөлігі б. д. д. I мыңжылдықтың екінші жартысы мен соңғы ширегіне тән болып келеді. Салыну мерзімін стилистік белгілеріне қарап белгілеуге болады. Дардамты петроглифтері бойынша көптеген суреттерде аң стилінің белгілері жоғала бастағанын көреміз. Мұнда жыртқыштың талап жатқан көрінісі де, скиф-сақ өнерінің негізгі образдары да жоқ. Тек бұғы, арқар, тауешкі сияқты аңдардың жекелеген образдары ғана аң стилінің суреттерін елестеткендей болады. Жалпы алғанда, бұл орын петроглифтердің кейінгі кезеңдерге тән топтамасы болып табылады. Осы тектес ескерткіштерге тән ерекшелік – суреттер әр кезеңге тән болғанымен, ғибадатхана ұзақ уақыт бойында пайдаланылған. Жартастар етегінде тастан қаланған бірнеше қоршау түріндегі қоныс анық көрінеді. Жердің бедеріне қарағанда, ғибадатхана жайлауға өтетін көш жолының бойында орналасқан.

Қазақстанның оңтүстігіндегі тасқа таңба салу өнерінің ескерткіштері бір-бірінен едәуір алшақ орналасқан. Олар Үлкен Қаратаудың күнгейінен де, теріскей бетінен де табылған. Таудың солтүстігінен Бетпақдала шөлі басталса, оңтүстік-шығысында Кіші Қаратау жоталары жатыр. Оның ар жағынан Батыс Тянь-Шань жоталары басталады. Бұлар теңіз деңгейінен 4000 нан 5000 м биіктік аралығында жатқан Талас Алатауы, Шатқал жоталары және басқа да таулы өлкелер. Ежелгі суреттер шоғырланған жерлер барлығынан табылды. Танымал ескерткіштердің ішінен елеулі бірнешеуін бөлуге болады. Олар Талас Алатауындағы Жалтырақтас (Үрмарал), Ақсу Жабағылы. Үлкен Қаратаудан – Арпаөзенді, Жыңғылшық, Қойбағарды, Кіші Қаратаудан – Габаевка (Ақтөбе) мен Маймақты атауға болады. Соңғыларына Қырғыз Алатауының Қарасайындағы петроглифтер жалғасып кетеді. Олардың орналасқан табиғи ортасы бірдей болғандықтан, петроглифтер құрамындағы стилистік белгілері мен сюжеттері де ортақ болатын белгілі. Габаевка

(Ақтөбе), Маймақ және Қарасай ескерткіштері бір-біріне өте жақын орналасқан. Осы ескерткіштердің барлығынан ортақ сюжет пен ортақ образды байқаймыз. Аталған өңірдің ерте темір дәуіріне тән ескерткіштерінде скифтік аң стилінде қашалған суреттер пайда бола бастайды.

Ежелгі петроглифтердің көп бөлігі қола дәуіріне жатады. Ең қолайлы деген тақта тастарға осы кезеңнің суреттері салынғандықтан, ондағы қалған ашық кеңістікті ерте темір дәуірінің суретшілері пайдаланған [Байпаков, Марьяшев, 2013]. Мұндай заңдылық Таңбалы, Құлжабасы, Арпаөзен, Маймақ сияқты танымал ескерткіштерден жақсы байқалады. Әдетте, қола дәуірі петроглифтерінің ең көп шоғырланған жері далалық өңір болатындықтан, оны салушылар дала мәдениетінің тұрғындары болып келеді (Құлжабасы, Таңбалы, Қарақыр).

Ерте темір дәуірінің петроглифтері барлық жерлерде ұшырасса да, олар бұрынғы дәуірлердің бейнелеріне қарағанда аз. Ерте темір дәуірі петроглифтерінің ең көп шоғырланған жері – таулар мен жоталардың жоғарғы бөлігі.

Петроглифтерге арналған орын мынадай факторлар арқылы таңдалды: халықтың тығыздығы, су көздерінің, қолайлы террасалардың және патиналы жартастардың бар болуы. Патиналы тақтатастар тым аз немесе олардың сапасы нашар болса, онда іргедегі таулы жыныстар пайдаланылды. Мұндай ғибадатханалық орындар кішірек және жұтаң болған. Әйтсе де петроглифтердің репертуары өзгеріссіз қалып отырған.

Жетісу мен Оңтүстік Қазақстанда петроглифтердің шоғырланған орнын қарастыра отырып, ғибадатхана үшін алынған орындар өзінің мөлшерлерімен және пішіндерімен өзгеше айрықшаланатын жеке жартас және жартастардың сілемді тобы болғанын аңғаруға болады. Біздің бақылауларымыз қасиетті жартас туралы ұғымдардың кейбір сабақтастығы сақталғанын көрсетті.

К. Йеттмар сабантой кезінде [1989] петроглифтері бар жартасқа баратын Гиндукуш кафирлері туралы баяндаған. Байқауымызша, мұндай ұғымдар орта ғасырларда да сақталған.

Бұл туралы Л.П. Потапов өз еңбегінде жазған. Оның деректеріне қарағанда, ортағасырлық түріктер, сосын алтайлықтар, шорлар, кумандиндер ХІХ–ХХ ғасырларда ұшар басында дұға оқылған тауды қасиетті санаған. Әр тайпаның тұйық шатқал үстінен көрінетін өз тауы және қасиетті тоғайы болған. Тау – Ульгень және Тәңірі жаратушылары болатын жоғарғы әлем туралы түсінікке сай болды [Потапов, 1991].

Суреттердің әр түрлі биіктегі шыңдарда, шатқалдардағы тақтатастарда немесе үлкен жартастарда орналасуы б. д. д. І мыңыншы жылдықта өмір сүрген тұрғындар үшін сурет салатын орын таңдау қоныс тепкен ортасы мен экологиялық жағдайларға тәуелді болғанын көрсетеді. Көшпелі шаруашылыққа көшкен сақ тайпалары үшін жақын маңда орналасқан қыстаулар, дәстүрлі көш сүрлеулері, тау

шындары айрықша рөлге ие болған. Петроглифтердің биік тауларда, қар басқан аймақтарда ұшырасуы «көшіп-қонудың вертикалды түрі» бойынша биік таулы жайлауды пайдаланғандығын аңғартады. Ақсу-Жабағылыдағы, Кіші Қойтас, Дардамты сайларындағы және Жалтырак-Таштағы петроглифтер тау басында орналасқан. Осы және басқа да биік таудың петроглифтері біздің болжамымызды растап отырған тәрізді.

Ешкіөлместің ерте темір дәуіріне тән петроглифтері шамамен 500–800 м биіктіктегі жартастарға қашалған. Сонымен бірге, қайсы бір уақыттарда жон баурайынан оның оңтүстік беткейі бойымен көш сүрлеуі өткен деп те ұйғаруға болады. Егер қазақтардың дәстүрлі көші бағытын негізге алсақ, онда ертедегі көш сүрлеулері де батыстан шығысқа қарай өтуі мүмкін. Жайлауға қарай көшу Балқаш өңірінен басталған да болуы мүмкін. Ежелгі қыстаулар Ешкіөлмес жотасының өзінен қашық емес жерде орналасуы мүмкін деген ұйғарымды да жоққа шығаруға болмайды.

Жалпы алғанда, мұндай өте қызықты проблема петроглифтер мен олардың тікелей іргесінде орналасқан қорымдар мен қоныстар материалдарының мәліметтерін, этнографиялық деректерді қамти отырып кешенді түрде қарастырылуы тиіс.

Тасқа таңбалау өнерінің ескерткіштерін мерзімдеу мәселесі өзекті болумен келеді. Кең тараған, әрі сенімді тәсілдің бірі – петроглифтер мен уақыты анықталған бұйымдарды хронологиялық тұрғыдан байланыстыру. В.Д. Кубарев «мерзімі белгіленген жерлеу ғұрыптарының коллекцияларындағы бұйымдармен петроглифтерді салыстыру тәсілі» қолданылу керек деп есептейді [Кубарев, интернет ресурс].

Жаңа материалдардың жинақталуына байланысты зерттеушілердің бір тарихи кезеңге байланысты суреттерді өз ішінен бірнеше топқа бөліп қарастыратын мүмкіндігі пайда болды. Н.А. Боковенко мерзімдеуге байланысты әдістемелік ұстанымдардың негізінде Енисей петроглифтерінің ішінен неолиттік, окунев, карасук, тагар, таштық және түркілік суреттер деген қабаттар бөлініп шыққанын атады [1987]. М.А. Дәвлет Енисей шатқалының Саян петроглифтерін сипаттай отырып, олардан қола дәуірінің, ерте темір дәуірінің, ғұн-сармат кезеңінің, ортағасырлық және этнографиялық кезеңнің суреттерін бөліп шығарды [1982].

Өткен ғасырдың 80-жылдарының өзінде-ақ Я.А. Шер Аржан 1 қорғанынан табылған материалдар негізінде ерте темір дәуіріндегі тасқа таңба салу өнеріне тән ескерткіштердің ең көнесі ретінде – аржан-майемер дәуірін бөлген еді [1980]. Аталмыш стилде орындалған суреттер ерте және кейінгі деген екі хронологиялық топқа бөлінеді, яғни, сәйкесінше, аржан-черногорлық және майемер-келермес топтары [Савинов, 1998].

1991-ж. Ешкіөлмес жотасындағы петроглифтерді стилистикалық тұрғыдан анализдеу негізінде мерзімдеген ұсыныс жасалды [Марьяшев, Рогожинский, 1991].

Қазіргі уақытта көптеген зерттеушілердің назарында аржанға дейінгі кезеңде пайда болған ежелгі суреттерді саралау мәселесі тұр.

Аң стилі бойынша белгілі болған кейбір аңдардың образы немесе тұяқты жануарды талап жатқан ауқымды сюжеті бар суреттер кейінгі қола дәуірінде кездеседі. Мұндай суреттер қатарына Арпаөзен және Қаратау сайынан табылған шайқасып жатқан түйелер бейнеленген сценаны жатқызуға болады. Ол стилі жағынан Бесоба, Пятимары I қорымдарынан табылған қола қапсырмаларға жақын болып келеді [Кадырбаев, Марьяшев, 1977].

Ешкіөлмес тауларында босанған әйел бейнеленген культтық сипаттағы сцена бар (фото 78, 79). Егер осы сценаны бүтіндей қараса қола дәуірінен ерте темір дәуіріне өтетін өтпелі кезеңде салынған тәрізді әсер тудырады. Жаяу адамдар, әсіресе, босанған әйел сюжеттері қола дәуіріне тән болып келеді. Алайда, сцена ортасындағы бұғылар бейнесі суреттің қола дәуіріне жататындығына күмән туғызады. Қайтадан нақтылап қарау барысында барлық сцена өте ұқыпты түрде жаңартылған болып шықты.

Қаратаудың Жыңғылшық сайынан З. Самашев анықтаған петроглифтерді сенімді түрде ең ерте дәуірге жатқызуға болады [2006]. Олар Моңғолияда кең тараған бұғытастарға салынған «құстұмсықты» бұғылар еді. В.В. Волков осы тектес суреттерді б. д. д. II–I мыңжылдықтар шамасына жатқызады [2002, с. 21–23].

Л.Л. Баркова Н.Л. Членованың скиф өнерінде «аяқтары бүгулі» бұғы образының пайда болуын ежелгі Иранның көркем шығармашылығынан іздеу керек деген пікірін келтіреді. Ол «аяқтары бүгулі» бұғының бітімі Моңғолия мен Тывадағы қоланың соңы мен ерте темір дәуіріне тән тастағы таңбалары мен «бұғытастарында» бар дейді [Баркова, 1990, с. 61].

Мұндай суреттерді ежелгі петроглифтердің шағын тобына жатқызуға болады. Яғни, оларды өтпелі кезең суреттеріне жатқызуға болатын сияқты.

Петроглифтердің екінші тобын ерте темір дәуірінің аржан-майемер кезеңі құрайды. Бұл суреттер өте көп және аналогтары да мол кездеседі. Осы топқа қазақстандық петроглифтерден Кіші Қойтас сайындағы алты қабан бейнеленген үлкен тасты жатқызуға болады. Осы кезеңмен Қаратаудағы Майдантал мен Арпаөзен сайларындағы суреттерді байланыстыруға болады. Үшөзен сайындағы жартастардың бірінде жерден 6–7 м биіктікте осы жануарлардың ірі бейнелері қатарластырыла орналастырылған [Кадырбаев, Марьяшев, 1977].

А.Е. Рогожинскийдің пікірі бойынша Арпаөзендегі ерте темір дәуірінің кейбір петроглифтеріндегі бұғы, қабан және аю бейнелері б. д. д. VII–VI ғғ. Арал өңірі мен Памирдегі сақтар қолөнерінде белгілі болған зооморфты бейнелерді

қайталайды [2011]. Ешкіөлмес және Қаратаудағы қабандар бейнелері көркемдігі жағынан кем емес. Олардың көп бөлігі б. д. д. VII–VI ғғ. мен б. д. д. V–IV ғғ. деп мерзімделуі тиіс.

Аң стилінің ерте кезеңіне Ешкіөлмес тауындағы 12 сайда салынған бүркіттер бейнесін жатқызуға болады. Осы фигуралардың аналогтары ретінде Шілікті ескерткіштерінен табылған қолөнер бұйымдарын атай аламыз. С.С. Черников бүркіттер бейнеленген алтын құймаларды б. д. д. VII ғ. деп мерзімдеді [1947]. Археологтардың соңғы кезде тапқан бұйымдарының ішінен осы тектес көркем тәсілмен жасалған бүркіт бейнесі бар ескерткіштерден Талды-2 (Сарыарқа) және Бәйгетөбе қорымдарын атауға болады [Бейсенов, 2011; Самашев, Толеубаев, Джумабекова, 2004]. Осы кезеңге тұяқты жануарлар бейнеленген суреттер де жатқызылады. Ешкіөлместе қасқырлар бейнеленген сюжеттер де аз емес.

Аржан-майемер кезеңімен қабылан бейнеленген суретті байланыстыруға болады. Қабылан суреті Ешкіөлмес тауындағы 11-сайдан белгілі. Аржан-майемер кезеңіне Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудағы бұғылар бейнеленген біршама сюжеттер жатқызылады. Мұндай сюжеттердің едәуір мөлшері Ешкіөлмес тауларында және Кіші Қойтас шатқалында орналасқан (сурет 7). Жетісуда бұғылардың көркем салынған фигуралары Аюке, Үңгірлі, Ойжайлау ескерткіштерінен кездеседі. Аң стилінің ерте кезеңіне аяқтары бүгіліп салынған тауешкілер мен арқарлардың әсем бейнелерін жатқызуға болады. Жалпы алғанда осы суреттер стилі жағынан осы жануарлардың металға салынған түріне жақын.

Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудың ең маңызды ескерткіштерінің барлығында жыртқыштар бейнесі салынған. Ешкіөлмес ескерткішіндегі қасқырлар мен аңдар қабыланға ұқсас салынған. Оңтүстік Қазақстанда осы жыртқыштар мысық тұқымдас болып келсе, кейде олар итке көбірек ұқсайды. Суреттерде арыстан мен жолбарыс суреттері де аз кездеспейді. Онда бір аңда бірнеше аң кескіні араласып салынған ғажайып жәндік бейнеленген болуы мүмкін.

Маймақта ұзын құйрығының қайқая келуіне және жыртқышқа тән тұрысына қарап ілбіс бейнеленгендігін оңай ажыратуға болады. Маймақтағы жыртқышқа ұқсас аң Габаевкадан да табылды. Ол аң бейнелі бетперде киген адаммен айқасып жатқан түрде салынған. Аңның құйрығы Маймақтағыдай арқасына қарай иіріле келіп, оның ұшында шар бітімді шашақ бейнеленген.

Ешкіөлместен табылған бір фигураға қарағанда, жиырылған жыртқыштың образы Жетісу тұрғындарына да таныс болған. Бірақ, тасқа таңбалау өнерінде бұл образ кең тарала қоймады. Бұл осы образды жартастарға қашап салу арқылы жеткізудің қиындығына байланысты болса керек. Басқадай көптеген ескерткіштерден осы тектес суреттер кездеспейді.

Жартастарда қиял-ғажайыптық жыртқыш бейнеленген. Кейде ол шынымен де үлкен итке немесе жолбарысқа ұқсас. Мұның қиял-ғажайыптық аң екенін оның

бітімінде бірнеше аң белгілерінің салынуы айқындап тұр. Оның денесінің алдыңғы жағы үлкен болып келіп, аузы ақсиған, құйрығы арқасына қарай иіріліп келіп, оның ұшында дөңгелек шашақ бейнеленген. Осы суреттермен қатар жартастарда арыстан (?) мен ілбістің бейнелері де бар. Суреттердің осы үлкен тобын кейінгі қола дәуірімен немесе б. д. д. I мыңжылдықпен белгілеу қажет сияқты.

Д.Г. Савиновтың Еуразия ескерткіштерінде кездесетін бірнеше аңның келбеті бар қиял-ғажайыптық жыртқыштар туралы Аржан 2 қорғандарының материалдары бойынша жасаған ескертпелері қызықты болып есептеледі [1998].

Тастағы таңбалар өнерінің ескерткіштерінде айқасып жатқан немесе тұяқты жануарларды қуып келе жатқан жыртқыштар өте көп кездеседі. Габаевқадағы тақта тастардың бірінде жолбарыстың тауешкіге шабуылдап жатқан сценасы бейнеленген. Талауға түскен тауешкінің бейнесі қосұшбұрыш стилінде салынуымен айрықшалаанады. Мұндай суреттер Я.А. Шердің анықтамасы бойынша едәуір көнеге саналып, б. д. д. III–II мыңжылдықтар шамасында мерзімделеді [1980].

Құлжабасыда қанжар және балта ұстаған жаяулар бейнесі бар петроглифтер топтамасы кездеседі. Маңайындағы келесі бір тақтада сүйір тұғыры бар қазан мен босанған әйел бейнеленген (фото 77, 78). Қару мен қазан бейнесінің негізінде суреттер ерте темір дәуірі деп мерзімделеді. З. Самашев [2011a] жаяу әскерлері бар сценаны б. д. д. V–III ғғ.-ға жатқызады. А.Е. Рогожинский қазаннан да, қару жарақтар мен бас киімнен б. д. д. VI–IV ғғ. тән ежелгі көшпелілер сәйкестігін табады [2011]. Сценаны қарастырған Б. Железняков композицияны б. д. д. V–III ғғ.-мен мерзімдейді [Марьяшев, Железняков, 2013]. А.Н. Марьяшевтың пікірі бойынша жаяу жауынгерлер бейнесінің стилистикасы қола дәуіріне тән. Қасында орналасқан арбаның бейнесі осы пайымды растай түседі. Сондықтан, суреттердің осы тобы б. д. д. I мыңжылдықтарда пайда болып, сақтар заманында толықтырылған деп есептеуге болады.

Аң стилінің шығу тегіне қатысты көптеген еңбектер бар. Я.А. Шер скиф заманында аң стилі пайда болды дерлік бір орталық болған жоқ деп атап өтті. Қола дәуірі мәдениетінен бастап оның жекелеген элементтерін әртүрлі мамандар қарастырды [Шер, 1998, с. 218–230]. Д.Г. Савинов аң стилінің қайнарларын іздеуді жалғастыра отырып, бір мезгілде үлкен итке де, қасқырға да ұқсайтын ғажайып аңның кескініне назар аударды. Осы образ батыс өңірлерде бірнеше рет кездеседі де б. д. д. I мыңжылдықтың бас кезінде Орта Азияның шығыс өңірлеріне тарайды. Кейінірек осы образ Қытайға да тарайды [Савинов, 1998].

К.В. Чугунов Аржан 2 қорғанынан табылған аң стиліне тән материалдарды сараптай отырып, ең көне композициялар Наньшаньгэнь (б. д. д. IX–VIII ғғ.) секілді ескерткіштерден бастау алуы мүмкін деген қорытындыға келеді. Біздің Қаратаулық материалдарымыз аң стилін Қазақстанның оңтүстігінен іздеуге мүмкіндік береді. Қолда бар материалдар Я.А. Шердің Иран мәдениеті б. д. д.

II мыңжылдықтағы тайпалардың өнеріндегі аң стилінің қалыптасуына белгілі деңгейде әсер етті деген пікірін растай түскендей болып отыр [1998]. В.А. Кореняко аң стилін көшпелілер ортасынан шығарып, аңды қамалап ұстайтын тәсілмен байланыстырады. Ол егіншілер емес, тек қана аңшылар ғана жыртқыш аңдардың дағдыларын жақсы білетіндіктен, солар ғана аңдардың келбетін жақсы сала алды дейді [Кореняко, 2002].

Кіші Қаратау петроглифтері скифтерге дейінгі тасқа таңба салу өнерінің үлкен бір қабатын құрайтындығымен қызықты. Үлкен Қаратаудан «күстүмсықты» бұғылар бейнеленген петроглифтер табылды, Арпаөзен сайында савромат құймаларына ұқсас таласып жатқан түйелер сцены бар. Сақтарға дейінгі кезеңнің өзінде Оңтүстік Қазақстан тұрғындарына да, Тыва мен Сібір тұрғындары сияқты, осы образдар таныс болды деуге болады.

Кейбір нәтижелерді қорытындылай келе, ерте темір дәуірінің петроглифтеріне байланысты пікірлер айтуға болады. 1. Жетісудың, сондай-ақ, Оңтүстік Қазақстанның ерте темір дәуіріндегі тасқа таңба салу өнері Кіндік Азия халықтарының тарихындағы ортақ үрдістер аясында дамыды; 2. Қазақстан петроглифтерінде басқа ескерткіштерде де мәлім болған аң стилінің негізгі образдары бар; 3. Қолөнердегі ұқсастықтарына сүйене отырып, аң стилінің пайда болуы мен дамуының негізгі кезеңдерін былай айқындауға болады: б. д. д. II мыңжылдықтың соңы мен I мыңжылдықтың басы; б. д. д. VIII–VII ғғ. ерте сақ кезеңі; б. д. д. I мыңжылдықтың ортасындағы сақ кезеңі.

Бұдан кейінгі кезекте аз зерттелген ғұн-сармат дәуірі (кейінгісақ және үйсін кезеңдері) суреттерінің қолданыста болған уақытын анықтау мәселесі тұр.

Arman Z. Beisenov, Aleksey N. Maryashev

EARLY IRON AGE PETROGLYPHS FROM JETYSU

Summary

Amazing historical and cultural monuments – petroglyphs – were discovered in many regions of Kazakhstan and studying them is a special field of archeology. Members of the older generation of scientists – K.I. Satpayev, A.Kh. Margulan, S.S. Chernikov, H.A. Alpysbayev, A.G. Maximova, A. Amanzholov, P.I. Marikovskiy conducted pioneer research in the field of petroglyph studies in Kazakhstan. The development of petroglyph studies in Kazakhstan is directly connected with the name of the outstanding scientist, archaeologist, one of the founders of our national archaeology Mir Kasymovich Kadyrbaev. He was one of the first scientists from Kazakhstan who laid the foundation of the systematic approach to the petroglyphs as a particular category of source. At the beginning of the 1970s. – after the discovery of Tasmola and before leaving for Atasu – M.K. Kadyrbaev together with A.N. Maryashev conducted research on petroglyphs of Karatau. That work on Karatau became the basis for the joint monograph of two researchers which was the first book about the petroglyphs in Kazakhstan [Kadyrbayev, Maryashev, 1977; 2007]. Periodization and chronology of South Kazakhstan petroglyphs and several periods of rock art were described in the monograph.

Since that time after conducting a number of research works on Karatau A.N. Maryashev prepared and defended his thesis under the supervision of M.K. Kadyrbaev. Starting from the 1980s such archaeologists as A.E. Rogozhinsky, A.A. Goryachev, A.M. Dosymbayeva, Yu.A. Motov, B.A. Zheleznyakov, S.A. Potapov and others worked in his group. They still successfully study ancient monuments and continue their studies on petroglyph studies.

Since that time M.K. Kadyrbayev's other student Z. Samashev has conducted researches in that direction as well. An important event for those years was introducing materials on Upper Irtysh into scientific use. His findings were reflected in his monograph "Rock Art of the Upper Irtysh", published in Russian and then in English in 1980s. [Samashev, 1992; 1993]. Further, the scientist conducted researches in many regions of Kazakhstan. He focused on a number of methodological and theoretical aspects of the

provisions in his works. Today his work is still in progress [Samashev, 2006; 2009; 2010; 2011a]. V.A. Novozhenov conducts his researches as well. He investigated a number of rock art sites in Kazakhstan and in other areas.

Numerous rock paintings of the early Iron Age in Kazakhstan have been known about for a long time. In the late forties of the XX century S.S. Chernikov found petroglyphs in the upper reaches of the Irtysh [Chernikov, 1947]. Preliminary periodization, proposed by him, was based on materials from Eastern Kazakhstan and was the result of research in Kalba and Naryn ridges. Kh.A. Alpysbayev revealed groups of petroglyphs belonging to different times and drew attention to the Sak drawings based on their stylistic features [Alpysbayev, 1956]. A significant event in the end of the 1950s. was opening of Tamgaly sanctuary in Bronze Age drawings by A.G. Maximova. Later it was found that the drawings of that time dominated over almost all primitive art. This has opened up the possibility for studying the semantics of the petroglyphs of Kazakhstan.

A.G. Medoyev paid attention to the fact that in the tract Arpaozen ancient artists drew a scene with deer over the earliest images of the Bronze Age intentionally, where it was inscribed earlier. In this case, the Sak prints are not a palimpsest. A.G. Medoyev emphasized that “the Sak master left works of his predecessor open, they are clearly seen through his painting “ [Medoyev, 1979]. It should be emphasized that A.G. Medoyev was one of the first to consider the petroglyphs in art criticism approach, and brought the ancient drawings from a purely archaeological framework, considering them as a part of the system. Later it became clear that both in Karatau and in the tract Urmal the Sak masters used similar techniques of fitting into the contours of a larger image silhouettes of deer or goats [Gaponenko, 1963].

In the 60–70 years of the XX century the style analysis of these engravings allowed to attribute these figures to the early Sak time. However, some difficulties arise in cases where other figures of nomadic animal style are not visible. Prior to the beginning or middle of the 80-ies of XX century the periodization of primitive art in Kazakhstan could be considered preliminary.

In 1982, the expedition of Kazakh National Pedagogic University after Abay opened two new monuments – in the mountains Eshkiolmes and Bayanjurek. Research works were carried out under the direction of A. Maryashev. For the studies of the early Iron Age petroglyphs the most important was the first of them. According to the Eshkiolmes materials, researchers used stylistic analysis and identified a large layer of petroglyphs of the early Sak time, based on analogues of the Sak art, known in the materials of the dating the monuments [Maryashev, Rogozhinsky, 1990].

Significant contribution to the studies of nomad petroglyphs was made by the general work of Y.A. Sher on the rock art of Middle and Central Asia [Sher, 1980]. Under the guidance of Y.A. Sher and Z. Samashev in the Talas Ridge joint Kazakh-Russian expedition explored the second tract in the upper river Urmal. Several periods of sanctuary functioning were stated [Sher, Miklashevich, Samashev, Sovetova, 1987].

The Sak images in tracts Lesser Koytas, Oyzhaylyau, Sholak were identified [Maryashev, Gorauchev, 2002]. There are no bright patterns which are characteristic for the early stage of the Sak era, a number of images related to the late Sak and Usun periods was identified. R. Sala's materials provide a rare picture of the early Iron Age from the fifth gorge in the mountains Kuljabasy with figures of men, boiler in conical pan and pregnant women [Rogozhinsky, Aubekerov, Sala, 2004]. Scientists still disagree on this rare scene. The boiler with tray indicating its belonging to the Sak period is shown there, and on the other hand, there are stylistic features (the image of walking man with a phallus in profile), indicating the proximity of the drawings to the Bronze Age. The same can be said about images with the figures of dismounted soldiers with daggers and picks [Maryashev, Zheleznyakov, 2013]. Armed warriors can represent a more compelling argument for dating. A surprising fact here is drawing faces of characters, because it was assumed that they are not depicted in the Sak cave paintings. Scientists noticed features of early Iron Age images of the Range Kuljabasy.

When materials are gathered, questions of the origin of the animal style can be considered, especially studying its early stages. In this regard, petroglyphs found in the gorge Jyngylshyk in Karatau by Z. Samashev are of great interest. These are figures of deer with beak-shaped snouts known in Mongolia [Samashev, 2006]. Their appearance in south Kazakhstan is connected with migration of people from the east even in the transition period from the Bronze Age to the early Iron Age.

Materials on the Lesser Karatau Ridge allow us to trace some of the earlier animal style elements in animal images. Here A.N. Maryashev distinguished a group of drawings belonging to the late Bronze Age and possibly to the transition period of the early Iron Age. The repertoire of the petroglyphs is significantly different from the drawings of the Bronze Age and Early Iron Age. There is a significant number of predator images (tigers, lions), which is not very typical for drawings of Jetysu. Poses of some figures are close to the famous images of lions and tigers in Western Asia. However, the Karatau rock art does not have the same animal images, which are known in the arts and crafts of Siberia, Altay, Jetysu, the most typical images of rock art common for the Early Iron Age. It gives the grounds to believe that during that period animal style was not developed [Baypakov, Maryashev, 2013].

A.E. Rogozhinsky detected and attributed mirror images not found in Jetysu [Rogozhinsky, Aubekerov, Sala, 2004]. S.S. Murgabaev [2010; 2011] attempted to identify the early formation of petroglyphs of proto-sak time and associated them with the previous culture of the Bronze Age. His thesis, certainly, should be considered, but it requires a more reasonable argument. The assumption that the origins of the animal style can be found in Kazakhstan, requires, above all, detailed studies.

Still one of most important theses in this area are ones suggested by Y.A. Sher on the formation of the animal style in the east – in Mongolia or Siberia [Sher, 1998]. It should be noted that more and more researchers pay attention to areas of North China, Ordos.

The research works by Z. Samashev on Berel mounds are quite informative [Samashev, 2011b]. They provided many materials with samples of the animal style. This data directly promotes the study of art of the Sak tribes.

Petroglyphs of Hun-Sarmatian (Usun) period still remain unclear. According to Kulzhabasy materials, R. Sala raised the question of chronology of pictures belonging to that time and gave a brief description to some drawings. But there not enough arguments for their dating [Rogozhinsky, Aubekerov, Sala, 2004]. B.A. Zheleznyakov also drew attention to this issue, but due to lack of petroglyph materials the problem has not been resolved, and it is unclear what kind tribes settled in the region during that period on the ridge Kuljabasy [Maryashev, Zheleznyakov, 2014]. It should be noted that in respect of archaeology these issues have not yet been developed.

One of the key aspects of the considered theme is the direction which is connected with searching, identifying, revealing and studying the ancient settlements in the area of petroglyph location. Lately the Iron Age settlements have been discovered and are studied in many areas of the Almaty region [Baypakov, Chang, 2000; Baypakov, Maryashev, 2001]. The number of newly opened settlements is increasing.

A.N. Maryashev and A.A. Goryachev have conducted research works in the settlements and burials of the early Bronze and Iron Ages in Bayanjurek which is known for its petroglyphs as well as in the tract Oijailau [Maryashev, 2002; 2003; Maryashev, Goryachev, 2008; Goryachev, 2007; 2008]. Z. Samashev notes that further discussions of the issues on petroglyph synchronization with already discovered archaeological complexes is a very perspective field for further investigations. Ancient settlements were opened and studied by A.E. Rogozhinsky on Kuljabasy [Rogozhinsky, 2012]. In 2013 a group of archaeologists under the guidance of A.Z. Beisenov revealed other settlements of the early Iron Age. Moreover, they revealed a considerable amount of settlements on Akkainar [Beisenov, 2015] which is on the eastern end of the range Kuljabasy.

Materials on burials of the Bronze and early Iron Age settlements play an important role in a complex research of Tamgaly petroglyphs and their dating [Rogozhinsky, 1999; 2011].

There is certain regularity in the position of the Bronze and early Iron Age images. The majority of images is represented by the Bronze Age images and are in the steppe areas, while the Sak images sometimes finish the galleries and are located somewhere higher – in the mountains. They can be found in the areas up to two thousand meter above the sea level. As a rule, the Sak images occupy the part of the mountain valley or debouchment.

Numerous Sak petroglyphs are found in the mountains Eshkiolmes. There are many images in animal style. At the foot of the mountains one of the biggest rivers of Zhetysu area – Koxsu can be revealed taking its origin from the glaciers of Jongarian Alatau. The

gorge with petroglyphs is located on the southern slopes of the ridge. More than 20 gorges were noted. Eshkiolmes petroglyphs are one of the major monuments of the rock art.

Detailed research works have not been carried out, it can only be approximately noted that about 10,000 petroglyphs were carved on the rocks. Here are pictures of the Bronze Age, early Iron Age, the Middle Ages, as well as of ethnographic time. It is quite difficult to single out any group and periodization by the fact that many petroglyphs were renovated later. It is not always possible to state this fact: a part of petroglyphs was renovated quite skillfully. Some drawings were made in the picketage technique, and the other in graffiti, there were some combined drawings.

Above the gorge with the majority of petroglyphs the river Koxu breaks out of the high canyon and forms a wide valley. On the upper flat terraces on the right river bank there are nomad kurgans, which stretch continuously for 10 kilometers along the ridge to the south and the bend of the river to the east. In several places from under the kurgans the edge of stone boxes with burials of the Bronze Age can be seen. On the terrace above the floodplain there are several cemeteries of the Bronze Age – Talapty I, Talapty II of the late Bronze Age and the settlement with the same name. A part of these burial sites was excavated in the 1980s by K.M. Karabaspakova and A.N. Maryashev. In three to five kilometers to the east of the archaeological complex Talapty there are a large Kuigan cemetery with burials in boxes and cysts XIV–XII cc. BC. and a number of burials of early nomads. The Bronze Age petroglyphs are carved mainly on the tops of hills or on the apical part of the mountains. The most expressive ones with religious subjects are located on the hills at the rocky edges with black patinization. However, in cases where rock outcrops do not have patina, there are not pictures, therefore, one of the conditions for the usage of drawings are plates with black patina. The tradition of engraving patterns on the tops is connected, apparently, with the cult of the mountains.

The appearance of the Sak subjects and their alternation with the older ones on this monument is not accidental. Apparently, plots with Orans, religious subjects, scenes with women in labor came there in the late Bronze Age. At that time the tradition to use graffiti became rather popular. This technique was subsequently used in the Sak times. On the other Jetysu monuments carving technique has not received such wide distribution. In Eshkiolmes a continuous chain in the evolution of rock art from the Bronze Age and the Middle Ages was observed. The use of new techniques of making images on the plane with the help of graffiti is evident during the Bronze Age. This tradition was further developed in the early Iron Age and the Middle Ages [Baypakov, Maryashev, Potapov, Goraychev, 2005]. The used technique allowed to put the smallest details that were most important in terms of ancient man on the plate such as arrowheads, arrows, quiver form, the spokes of a chariot, the teeth of a wolf and many other elements. On Eshkiolmes plates there are lots of engraved images. Similar images are available in Altay and Siberia. It should be noted that most of the images and hoofed animals from Jetysu are very close stylistically to Siberian Altay petroglyphs and the early Iron Age.

Petroglyphs of the Tract Lesser Koitas are is 42 km to the north of Jarkent. Petroglyphs were engraved on the large scrolls brought by glacier. On the right bank of the river Malyi Usek a part of stones was used for the construction of several settlements by the ancient population which are 100–150 m apart from each other. To the south of the settlements there are several burial mounds with stones. To the east from the main hills with petroglyphs in a wide river valley of the river Sredniy Usek there is a large repository of the early Iron Age. More than thirty years ago, while certifying the monuments 95 burial mounds were recorded there. The district has a number of other repositories. On the place of Malyi and Srednyi Usek junction on floodplain terrace large stones have carvings. They are found at a distance of one kilometer. Among them are large images of boars, larger than one meter, in total there are six figures. Images are made in the Scythian animal style and are located around the perimeter of a large stone. Analogous figures were found in Arjan I. They are thought to belong to Arjan-Mayemer stage of the early Iron Age [Mannai-Ool, 1970; Artamonov, 1973, p. 55, fig. 66; Gryaznov, Mannai-Ool, 1974, p. 194]. To the north of this stone about a hundred of large and medium-sized stones with petroglyphs were found. They plotted contour figures of deer, goats, sheep. At the top of the hill the figure of a bull chariot is shown, which gives the reason to believe that the image was made a long time ago. A part of petroglyphs appeared, according to the figures of wild boars, at an early stage of the Scythian animal style. There are many images of later time that can be attributed to the second half of the I millennium BC. The main cluster of figures of the early Iron Age is on nomadic path that leads to the high jaylau. The choice of the sanctuary was not accidental: petroglyphs are located in the place where the two rivers break out into a big valley. There were villages and ancestral burial grounds of the Sak tribes.

This type of petroglyphs arrangement is typical for high sites, where the bulk of the drawings date back to the early Iron Age. Monuments organized in a such way are the sanctuaries, which contain center, marked with a large stone and large figure in the animal style, and the area in front of it. Images found nearby reach the height more than one meter. In the neighborhood, on boulders other petroglyphs made in the animal style were found. These are petite goats: rear part of the goat body is filled with scrolls and it reminds petroglyphs in Maimak [Baypakov, Maryashev, 2013] in the area of the river Ters Jambyl. The farther it is from the center, the poorer becomes the repertoire of images.

A few petroglyphs made in animal style, have recently been examined in the tract Ayuke. Images are located in the low mountains in 35–40 km from the river Kurty in the western part of Almaty region. The most interesting paintings are ones with figures of wolves, goats and mountain sheep. Some petroglyphs with figures of wolves are close to iconographic figures of Altay, but technically these images are made by knockout technique, but not stone carvings. Some patterns have analogs in the materials of the

Siberian and Altay engraved drawings [Miklashevich, 2012]. Most of the pictures are located in the apical part of the mountains. A chain of kurgans is on the plain.

The biggest number of images was revealed in the mountains Kuljabasy. There are thousands of images on the rocks and gorges. This monument is of particular interest to archaeologists as the interposition of petroglyphs of several eras can be traced there. Here are pictures of the shepherds of the Bronze Age. The main part of them was created in the late III millennium BC or at the turn of the end of the II millennium – beginning of the I millenium BC. Sak images are not numerous there. A small group of petroglyphs depicting dismounted soldiers with daggers was revealed. The boiler with a conical tray and the scene with the a woman in labor is stamped on the plate [Maryashev, Zheleznyakov, 2014]. Judging by the arms and the boiler, both images are originated from the early Iron Age, but the figures of dismounted soldiers are made in the old traditions of the Bronze Age. Sexual characteristics of the men are seen, which is not typical for the Sak images. Recently traces of restoration were noticed. In addition to that, in the same group images of chariots were found. According to A.N. Maryashev, it is possible that this group of images appeared earlier, in the beginning of I thousand BC, and was later changed during the Sak time. Some images of the late phase of the early Iron Age are revealed. These are petroglyphs of late Sak-Uusun time (Hun-Sarmatian period). This large group of images is laid on the plate in the lower and middle part of the hill on the natural terraces. Characteristics of animal style are observed on most drawings.

Dardamty petroglyphs are in the eastern part of the Almaty region, in 7 km to south of the village with the same name, on the ridge Ketmen. They are located on the steep rock on the left bank of the dry creek. The bulk of the figures was carved in the early Iron Age. Images of the end of the second half the I millennium BC constitute a significant part. The exact time of knockout may be monitored on the basis of stylistic features. On the example of Dardamty petroglyphs it can be traced that many drawings have lost features of the animal style. There were no scenes of torment, nor the main images of the Scythian-Sak art. Only separate images of animals – deer, mountain sheep, goats which resemble figures in the animal style. In general, this is a group of later petroglyphs. As most sites of this type, pictures belong to different times – the sanctuary existed for a long time. Lower at the foot of the cliffs the settlement in the form of several fences, built of stones can be noticed. Outside the settlement there are many kurgans of the early Iron Age. Judging by the terrain, the sanctuary was located on the nomadic path towards jailau.

Monuments of the rock art in the south of Kazakhstan are located at a great distance from each other. They are found on the southern slopes of Karatau, and in the north. To the north from the mountains the desert Betpakdala begins to the southeast there is the ridge Lesser Karatau. Just behind it there are ranges of the Western Tien Shan. These are Talas Alatau, Chatkal range and others, rising to the height of 4000 m to

5000 m above the sea level. Places with ancient drawings can be found everywhere. Among the famous monuments several the most significant can be allocated. These are Jaltyrak Tash (Urmalar) in Talas Alatau, Aksu Jabagyly, in the Great Karatau – Arpaozen, Jyngylshyk, Koibagar, in the Lesser Karatau – Gabayevka (Aktobe) and Maimak. Petroglyphs of the gorge in the Kyrgyz Alatau Karasay adjoin the latter. They are located in the same environmental conditions. They are united by similar topics and stylistic repertoire of the featured petroglyphs. Three monuments are located close to each other – Gabayevka (Aktobe) Maimak and Karasay. We can see the same stories and images on all these monuments. Drawings carved into the Scythian animal style appear in the early Iron Age.

A huge part of the ancient petroglyphs refers to the Bronze Age. Images of that time were placed on the most convenient plates, so the artists of the Early Iron Age used the free plates [Baypakov, Maryashev, 2013]. This pattern is clearly seen on the famous monuments such as Tamgaly, Kuljabasy, Arpaozen, Maimak. The largest number of the early Iron Age petroglyphs can be found in the upper level of the mountains and ridges (Kuljabasy, Tamgaly, Karakyr).

Early Iron Age petroglyphs are found everywhere, but their number is smaller than the number of images of the number of images of the earlier times.

The choice of the location for petroglyphs was determined by several factors: population density, availability of water sources, comfortable terraces and patinized rocks. In cases when there were no plates with patina or they were of low quality, the nearby rocks were used. These sanctuaries were smaller and poorer, but the repertoire of the petroglyphs remained unchanged.

Considering the location of petroglyphs in Jetysu and Southern Kazakhstan, it can be stated that a separate rock could be the center of the sanctuary, which is remarkable and differs by its size and shape, and the dominant in the group of rocks. Our observations show that there was some continuity of representations of the sacred rock. K. Yettmar reports about Hindu Kush kafirs, who visited the sacred rock with petroglyphs during the harvest festival [Yettmar, 1989]. Apparently, the same concepts were widespread in the Middle Ages, what is mentioned in L.P. Potapov's work. According to him, the medieval Turks, and then Altay, Shor, Kumanda population in XIX–XX centuries worshiped the sacred mountain, on top of which prayers took place. Each clan had its own mountain, towering over the closed gorge, and its own sacred grove. The mountain corresponded to the ideas of the world, where the deity and Tengri Ulgen were [Potapov, 1991].

Location of images on the tops of different heights, on plates or in the gorge on a large rock suggests that for the population of I millennium BC the site selection patterns depended on the space and environmental conditions. For the Sak tribes that have moved to the nomadic economy, winter settlements located nearby, traditional nomadic trails, mountain peaks played a significant role. Location of petroglyphs in

the highlands, in the areas of snow, can be explained by the use of jailau in vertical method of nomadism. Petroglyphs are located high in the tract Small Koitas, Dardamty on Jabagyly Aksu, in the highlands Jaltyrak Tash. These and other high-petroglyphs seem to confirm our hypothesis.

Eshkiolmes petroglyphs of the early Iron Age are engraved on rocks at an altitude of about 500–800 m. It can be assumed that once under the ridge the nomadic trail passed along the southern slopes. If we take for the basis the direction of Kazakh traditional migrations, the ancient people could pass on the ancient jailau from west to east. Perhaps, the movement on jailau began from Balkhash. Moreover, it cannot be excluded that the ancient winter roads located near the Eshkiolmes ridge. In general, this is a very interesting problem to be developed by involving complex data – petroglyphs, materials settlements and cemeteries located in the immediate vicinity of ethnographic data.

Defining the dates of rock art monuments is one of the most actual problems. V.D. Kubarev thinks that one of the most common and effective methods of historical bindings is “comparative method of petroglyphs with collections from synchronous funerary complexes” originating from the same geographical region [Kubarev, Internet resource]. As new materials were gained researchers got an opportunity to distinguish several groups of images within the same period. Thus, N.A. Bokovenko noted that, based on a number of methodological principles of dating among Neolithic petroglyphs Yenisei, Okunevo, Karasuk, Tagar, Tashtyk and Turkic layers of images were allocated [Bokovenko, 1987]. M.A. Devlet characterizing Sayan canyon petroglyphs of Yenisei selected pictures of the Bronze Age, Iron Age, Hun-Sarmatian time, the Middle Ages and ethnographic ones [Devlet, 1982].

In the 80s of last century, Ya.A. Sher based on the materials from the excavations Arzhan 1 allocated Arzhan-Mayemer stage as the earliest monuments of rock art, and a later stage with signs of animal style degeneration [Sher, 1980, p. 243]. Arzhan-Mayemer art style of the early nomads originally included pictures related to Mayemer stage of the culture of the early nomads. After discovering the kurgan Arzhan lower limit of the animal style existence in the eastern part of Eurasia was deepened. In turn, the images which were developed in this style chronologically split into two groups – early and late. These are, accordingly, Arzhan-Chernogorov and Mayemer-Kelermess groups [Savinov, 1998].

In 1991 petroglyph periodization of the Ridge Eshkiolmes based on stylistic analysis was offered [Maryashev, Rogozhinskyi, 1991]. Since that time, many materials were gathered, which allow to distinguish several stages in the development of the early Iron Age petroglyphs.

Currently, majority of researchers are discussing the early images which appeared in proto-Arzhan time.

Separate images of animals, known due to animal style, or deployed plots with laceration of hoofed animals by predators are found in the Late Bronze Age. These images include the scene of the fighting camels from the tract Arpaozen in Karatau (foto 72), which is close to the bronze badge of the burial Pyatimary I in style [Kadyrbaev, Maryashev, 1977].

In the mountains Eshkiolmes a religious scene with several figures of people and animals was revealed. At the top pregnant women with their legs apart are shown, on stylistic grounds they are close to the same plots of the Bronze Age. In the middle of the plate the major figures of deer with their legs pulled up, and in the bottom there is a group of dismounted soldiers with guns, and the scene itself is similar to the style of a similar scene from Tamgaly. On the right at the top of the plate two dismounted men opposite each other are seen – both of them are sitting, images are profile, next to them there is a blur image of a woman in a three-horned headdress. In the center two deer, one above the other, both with their legs pulled up in the animal style are shown (foto 11, 11a, 11б).

If we consider the details of the scene, it gives the impression that it was knocked out in the transition period from the Bronze Age to the early Iron Age. All subjects with dismounted people, including women in childbirth are typical figures of the Bronze Age and are available in almost all the monuments of that period. But the deer figures in the center of the scene cause some doubts concerning their belonging to the Bronze Age. Repeated examination revealed that the whole scene was renovated accurately as that was found out only recently. Perhaps it was restored back in the early Iron Age, as the images of deer with its legs pulled up are typical for that time. But the presence of bitriangular headdress on the head of one of the women suggests the idea that drawings were renewed repeatedly, and the last was renovation, perhaps, during the ancient times. Consequently, the ancient images and ideas were understood by the public for several epochs.

Petroglyphs from the gorge Jyngylshyk in the Karatau Mountains in southern Kazakhstan, which include a group of five, was discovered Z. Samashev and can easily be attributed to the earliest ones [Samashev, 2006]. Deer images are on the large rock placed one above the other. This group includes “beak” deer known by Mongolian deer stones. V.V. Volkov thinks that similar images belong to the II–I cc. BC or to the beginning of the I c. BC [Volkov, 2002]. V.D. Kubarev believes that the image of the “roaring” deer with open mouth was known in the Altay in III–II cc. BC and in Early Scythian petroglyphs of Mongolia [Kubarev, Tsevenzhorz, Jacobson, 2005]. Judging by the accompanying images from Karatau, they should be dated, according to V.V. Volkov, to the II–I thousand BC or the beginning of the I c. BC.

L.L. Barkova cites N.L. Chlenova’s opinion on the fact that the appearance of a deer “with bent legs” in Scythian art image is directly connected with the art of ancient Iran. However, E.A. Novgorodova petroglyphs depicting chariot and a deer “with bent legs” and long “beak muzzle” found in northern Mongolia on the river Chuluut dates back to

the Bronze Age. These petroglyphs were opened in 1977–1979. The author suggests that this image of a deer, which combines different stylistic and chronological signs, is a “one of the earliest versions of the deer in the animal style” [Chlenova, 1986]. M.A. Devlet refers images of deer “on its tiptoes”, with “long rostrum” and “its legs bent” on the Upper Yenisei with the end of the Bronze Age and early Iron Age [Devlet, 1982]. L.L. Barkova concludes: deer pose “with bent legs” and “deer” stones of Mongolia and Tyva is known among petroglyphs since the late Bronze and early Iron Age [Barkova, 1990].

Despite the fact that all these figures are not similar with each other both in content and in form, they may form a small group of early petroglyphs. Possibly, after the research works, they can be attributed to the transition stage.

The second group consists of petroglyphs of Arzhan-Mayemer stage of the early Iron Age. These images are quite numerous and have a wide range of analogues. From Kazakh petroglyphs a large stone with figures of six boars from the tract Lesser Koitas can be included into this group (foto 37-50). These images are central to a large group of Saka drawings, and the stone itself plays the role of an altar, followed by numerous large and smaller stones with figures of deer, goats and mountain sheep. The Saka sanctuary is surrounded on three sides by numerous cemeteries and settlements, the figures of boars are similar in style to petroglyphs of Arzhan 1. This core group with boars should be attributed to the early stage of the animal style. Images from the tracts Maydamtal Arpaozen in Karatau can be linked with the same time. They are made in the same style: boar muzzles are hypertrophied relative to the torso, teeth are seen. On one of the rocks in the gorge Ushozen at about 6–7 meters above the ground large pictures of these animals are symmetrically arranged [Kadyrbaev, Maryashev, 1977]. Some of them are stamped at an altitude of about 20 meters above the water’s edge.

According to A.E. Rogozhinskyi, some early Iron Age petroglyphs from Arpaozen with large images of deer, wild boar, bear reproduce zoomorphic images known in the objects of Saka applied art of Aral and Pamir in VII–VI cc. BC [Rogozhinskyi, 2011]. No less expressive are images of a boar in the mountains Eshkiolmes and Karatau. Most of them should be dated to VII–VI cc BC and V–IV centuries BC. These drawings have counterparts in different regions of Kazakhstan.

Eagle images from the gorge 12 in the mountains Eshkiolmes can be included into the group of the early stage of the animal style. The interpretation of the image bird of prey – a turned back head is inscribed in the contour of its figure. Sufficiently accurate analogues of these figures are on the monument of applied art from Tarbagatay (Shilikty). The nearby images of these birds are marked by beak and eyes (tabl. 15). These two compositions include images of a goat and argali. S.S. Chernikov dated gold plaque with eagles to the VII c. BC [Chernikov, 1947]. Among the latest findings of archaeologists, confirming the early Saka dating there are an image of an eagle in this artistic performance and some other objects from the burial Taldy-2 (Saryarka) and Baygetobe [Beisenov, 2011; Samashev, Toleubaev, Jumabekova, 2004].

Images of ungulates are associated with that time as well. On Eshkiolmes there are many scenes with the wolves. There are several versions of these images. 1. The outline drawing of a running wolf. Its eyes, claws, opened mouth and teeth are well depicted (fig. 47, 48). 2. Wolves are tearing the prey. Images of the more primitive, simplistic, eyes and teeth are not marked. 3. Wolves from the tract Ayuk. Stylized figures of predators: muzzles are slightly exaggerated, the tip of the nose is blunt, the front teeth are marked, mouth is half open. Analogies to the listed figures can be found in the applied arts of Altay and Siberia, including Bashadar complex [Baypakov and etc, 2005] (foto 67–69).

Images with panthers can be associated with the Arzhan-Mayemer stage. Two images of panthers are known (foto 9–10) in the gorge 11 of the mountains Eshkiolmes on the apical part of the hill. Drawings are made in animal style. Predators are shown on the same plate in the hunting scene: a hunter from a complex bow is shooting a predator, the second predator is carved above. Both are moving, the top predator has its tail dropped, while the other one has its tail curled over the back. In the same group of petroglyphs drawings of two more panthers were found. They are made in a different style. Animal figures are relative. They bear little resemblance to predators and are probably signs of a panther, its emblem: contour images, round eyes and ears, short and slightly upturned tails. Analogies to these drawings are found on the stone slab from Arzhan II [Chugunov, Partsiner, Nagler, 2009].

Techniques of drawing predator figures on the plate are used for wild boars from Ushozen in Karatau [Kadyrbaev, Maryashev, 2007].

One of the most common images in the rock art of Kazakhstan are images of deer in different poses. Figures of these animals are found in most regions over several eras. The earliest drawings are of the Bronze Age, but they are few. Deer images of the early Iron Age are of great interest to researchers. A number of scenes with deer from southern Kazakhstan and Jetysu belong to Arzhan-Mayemer period. These are images of deer standing “on their toes” lying with bent legs, standing in the pose of “sudden stop” running with the other deer, as well as figures, ornamented by scrolls on the hips. The greatest number of such patterns was found in the mountains Eshkiolmes. Drawings with renewed figures of other animals made in the animal style were found there. Among them there were figures of the reindeer whose figure has been changed into camel’s – humps were added to the figure of the deer, and nearby there were figures of two rams with their legs pulled up [Baypakov and etc, 2005].

Often deer images in the animal style were complemented: their contour shapes are ornamented with vertical stripes or a grid. This technique of decorating is most fully represented in the gorge of the mountains 11 Eshkiolmes and Lesser Koitas tract (foto 25, 29, 36). In Jetysu graceful figures of deer are known on such monuments as Ayuke, Ungurli, Oyjaylyau. Often near the deer figures wolves goats and argali with their legs pulled up, and other figures in the animal style are depicted. The dating of these figures

does not cause any doubts and controversy. Graceful images of goats and mountain sheep with their legs pulled up can be attributed to the early stage of the animal style (fig. 5), as well as goats their legs being close to each other.

Some figures have goats on hip scrolls. These petroglyphs are known in the tract Zhaltyrak-Tash in Kyrgyzstan, Maimak [Baypakov and others, 2005]. They date from the middle of I c. BC [Baypakov, Maryashev, 2013].

The image of predators is presented almost on all significant monuments of Jetysu and Southern Kazakhstan. In Eshkiolmes these are wolves and beasts similar to panthers. It is difficult to determine the type of these animals based on their figures. In Southern Kazakhstan these are predators of the cat breed, sometimes they resemble dogs more. Often the depicted figures are lions and tigers (foto 82, 86, 87, 88). Perhaps there are fantastic creatures with features of several different animals [Baypakov, Maryashev, 2013]. Most predators are depicted on the Lesser Karatau Ridge.

Animals of different species are featured in Gabaevka (Aktobe) and Maimak. Most predators have their front torso exaggerated, their tail is thrown behind back, sometimes seen on the tail end the round ball and beast claws are depicted. The animal is attacking animals whose figure cannot be identified. On one of such plates an archer shooting a predator is seen [Baypakov, Maryashev, 2013]. In Maimak we can easily determine that a leopard is depicted: it has a long tail, which is curled at the end, and a distinctive posture of a predator [Baypakov, Maryashev, 2013]. An animal, similar to the predator from Maimak, was detected in Gabaevka. He is shown in a fight with a man in an animal mask. The animal tail is thrown behind the back and, as in Maimak, its tail is in the shape of a ball. One of the predators in Gabaevka is depicted differently. This is a contour drawing, the body of the beast is filled with dots. Under it there is a hoofed animal (fig. 50).

The image of a predator curled into the ring, according to one of Eshkiolmes figure, was familiar to the population of Jetysu as well. That image was not widespread in the rock art. Apparently, this is due to the fact that engraving this image on the rocks caused a great difficulty for artists or they were familiar with it to a lesser extent. In the gorge 11 of Eshkiolmes on a separate plate there is an engraved figure of curled unknown predator. The figure is not totally curled. The image contour is sectioned, there are strips around the body. The front and rear legs are shown by thin lines, the eye in the form of a small circle is distinguished (fig. 72), short claws are indicated. In general, it is a schematic view of a predator with an open mouth. On the other numerous monuments such figures are not known. This image is different in style and technique – the artist used exclusive carving.

A fantastic predator is repeatedly presented in K.M. Baypakov and A.N. Maryashev's book [2013]. Sometimes it is really similar to a big dog or even tiger. The fact that this is a fantastic beast, that indicates the combination of several different animals in its image. Seeing drawings from Lesser Karatau for the first time, one may think that it is a tiger, as its body is decorated with oblique stripes.

Archaeologists believe that this pattern is the reference sign of animal identification. But it turned out that predators have short pointed ears reminding short horns at the same time. This image of the animal is well expressed on the rocks of Gabaevka (fig. 49, 51; tabl. 12). It has a wide front part of the body, sometimes its mouth is open, its tail is thrown behind the back. In addition to these figures, perhaps, there are images of a lion and leopards on the rocks (?). This large group of images should probably be dated to the late Bronze Age or the beginning of the I c. BC. In general, the rock art is markedly different from Karatau, Jetysu petroglyphs.

Comments made by D.G. Savinov about fantastic predator with few signs of animals in the monuments of Eurasia are interesting and productive including the materials from Arzhan 2 [Savinov, 1998]. This type of pictures with predators is found in the mountains of southern Kazakhstan in Lesser Karatau.

Snow leopards or tigers sometimes can be recognized among the images of the Lesser Karatau. However, some unidentified figures can be allocated that combine features of a large dog, tiger and panther. This fantastic image on stylistic grounds is close to the petroglyphs on the broken slab of the kurgan Arzhan 2 [Chugunov, Partsiner, Nagler, 2009]. The most famous monuments in the rock art are fighting scenes or pursuing hoofed animals by predators. On one of the Gabaevka plates has a scene of a tiger attacking a goat. By all indications, the figure of a goat is different from Zhetysu goats – it is stamped in bitriangular style. These drawings based on Ya. Sher's definitions are the most ancient and dated to III–II c. BC [Sher, 1980]. This style is used only on two monuments of Western Tien-Shan – in Fergana and Talas ridges, and in the chronology of the petroglyphs there is not clearly established.

A scene on the rocks Kuljabasy is ambiguously dated by researchers. This is a group of petroglyphs depicting dismounted soldiers, armed with daggers and chisels. On the other image near the boiler with a conical tray there is a scene with a new mother [Maryashev, Zheleznyakov, 2013]. The image is based on weapons and boiler, the drawings date back to the early Iron Age. Z. Samashev [2011a] related the scene with dismounted soldiers to the V–III cc. BC. A.E. Rogozhinskiy concludes that the boiler, mirrors, objects of arms have analogs in the culture of the early nomads of VI–IV cc. BC [2011]. The scene was considered by B. Zheleznyakov, who dates the composition to V–III cc. BC [Maryashev, Zheleznyakov, 2013]. According to A.N. Maryashev, style images of dismounted soldiers is common for the Bronze Age. Images located next to the chariots confirm this assumption. Therefore we can assume that this group of drawings appeared in the beginning of I millennium BC and was supplemented during the Saka time.

Summing up all the things said above, it can be noted that the bestiary and main stylistic devices used in depicting animals in the early Saka time are very close to the various areas of eastern Eurasia.

There are a lot of research works related to the origins of the animal style. Ya.A. Sher said that during the Scythian time there was a single center, where animal style could appear. Separate elements were marked by different specialists, starting from the Bronze Age cultures [Sher, 1998]. D.G. Savinov continuing the search on the origins of the animal style, drew attention to the figure of a fantastic animal, which resembled both a wolf or large dog. This image is often found in the western regions and in the beginning of I c. BC it penetrates into the eastern regions of Central Asia. Later, this image got into China [Savinov, 1998]. K.V. Chugunov analyzing animal style of the findings from the kurgan Arzhan 2, came to the conclusion that the earliest composition could have been originated from monuments such as Nanshangen (IX–VIII cc. BC). [Chugunov, Internet resources]. Our materials of Karatau allow to continue the search of the animal style in the south of Kazakhstan. Available data seems to confirm Ya.A. Sher's thesis about a certain influence of Iran tribes on the art culture in II c. BC and the formation of the animal style [1998]. V.A. Korenyako takes out the animal style from the nomads' custom to practice encompass hunting. He argues that only hunters, not farmers, could know well the habits of wild animals and so accurately convey their posture [Korenyako, 2002].

Petroglyphs of the Lesser Karatau are of great interest as they represent a whole layer of the rock art of Pre-Scythian time. If we consider that petroglyphs of “beak-shaped” deer were found in the Big Karatau in the tract Arpaozen and there is a scene with fighting camels similar to savromat plaque from the kurganPyatimary I, then we can say that in the Scythian time the population of southern Kazakhstan was familiar with these images, as well as to the population of Tyva and Siberia. Summing up, we can make preliminary conclusions regarding the early Iron Age petroglyphs.

1. Rock Art of the Early Iron Age in Jetysu and Southern Kazakhstan developed in line with the general processes in the history of the people of Central Asia;

2. Kazakhstan petroglyphs have similarities with other basic images of animal style;

3. Based on the analogy in the applied arts the main periods of emergence and development of the animal style can be noted: the period from the end of II millennium BC – beginning of I millennium BC; early Saka period VIII – the first half of the VI c. BC; Saka period mid – third quarter of the I c. BC. The time of existence of little-known figures until Hun-Sarmatian time comes as a separate group (late Saka and Usun' periods).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ** – Алтайский госуниверситет
АН КазССР – Академия наук Казахской ССР, г. Алма-Ата
АН МНР – Академия наук Монгольской народной Республики
АСГЭ – Археологический сборник ГосЭрмитажа, г. Санкт-Петербург
ВЭГУ – Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, г. Уфа
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ICOMOS – International Council on Monuments and Sites
ИИМК – Институт истории материальной культуры, г. Санкт-Петербург
КазНУ – Казахский национальный университет
КазПИ – Казахский пединститут, г. Алма-Ата
КарГУ – Карагандинский госуниверситет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии, г. Москва
ҚР ҰҒА – Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясы
МОН-НАН РК – Министерство образования-Национальная академия наук Республики Казахстан
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
ОФ «Берел» – Общественный фонд «Берел»
РИО КемГУ – Редакционно-издательский отдел Кемеровского госуниверситета
САИ – Свод археологических источников, г. Москва
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СПбГУ – Санкт-Петербургский госуниверситет
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР
ФИА – Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана

Приложение I

**ПРОРИСОВКИ
ИЗОБРАЖЕНИЙ**

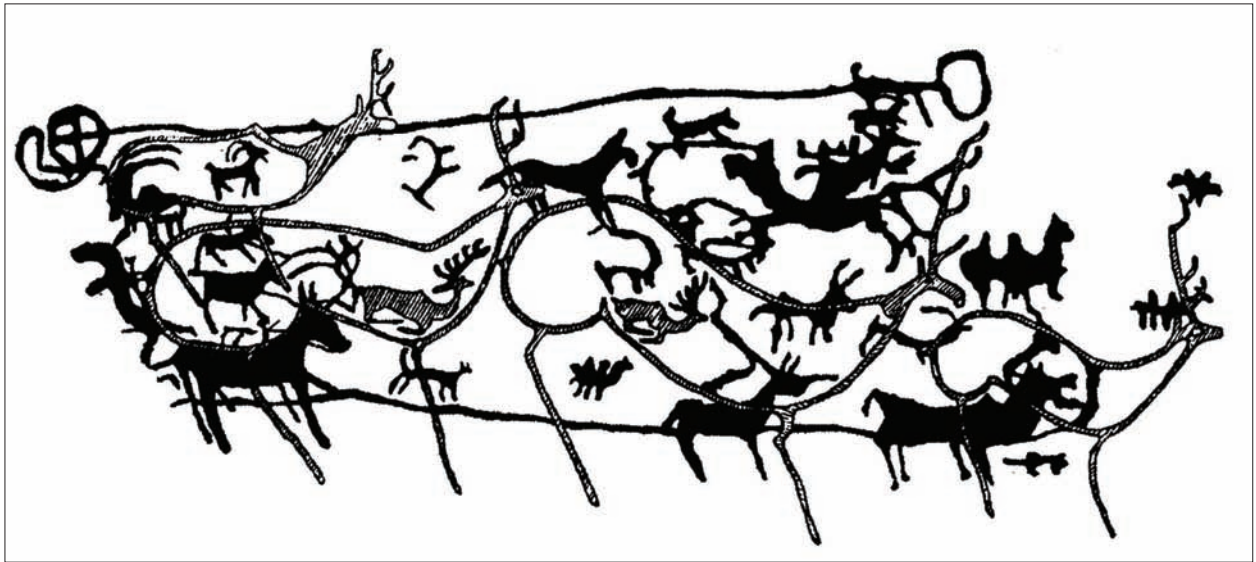

Рис. 1. Петроглифы эпохи бронзы, перекрытые фигурами сакских оленей. Арпаузен
 Сур. 1. Үстінен сақ дәуірі бұғыларымен жабылған қола дәуірінің петроглифтері. Арпаөзен
 Fig. 1. Bronze Age petroglyphs covered by figures of Sak deer. Arpaozen

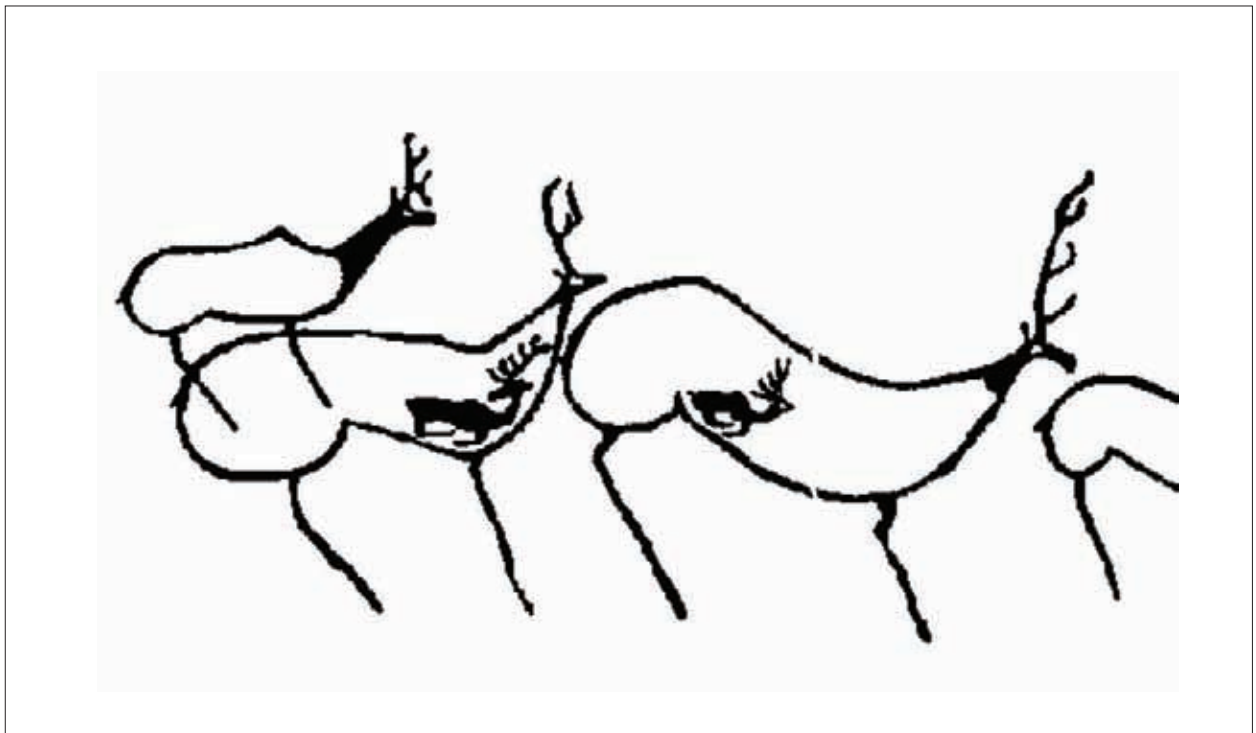

Рис. 2. Контурные рисунки оленей, стоящих на кончиках копыт, и силуэтные изображения оленей, с поджатыми ногами. Арпаузен
 Сур. 2. Бақайының ұшымен тұрған бұғылар мен аяқтарын бүгіп тұрған бұғылар. Арпаөзен
 Fig. 2. Contour images of deer standing on the tips of their hoofs, and silhouette images of deer with their legs pulled up. Arpaozen

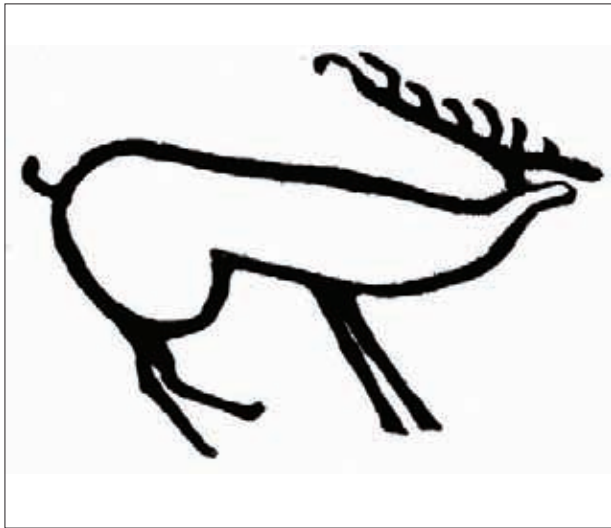

Рис. 3. Клювовидные олени. Жыңғылшық
Сур. 3. Құстұмсықты бұғылар. Жыңғылшық
Fig. 3. Rostralis deer. Jyngylshyk

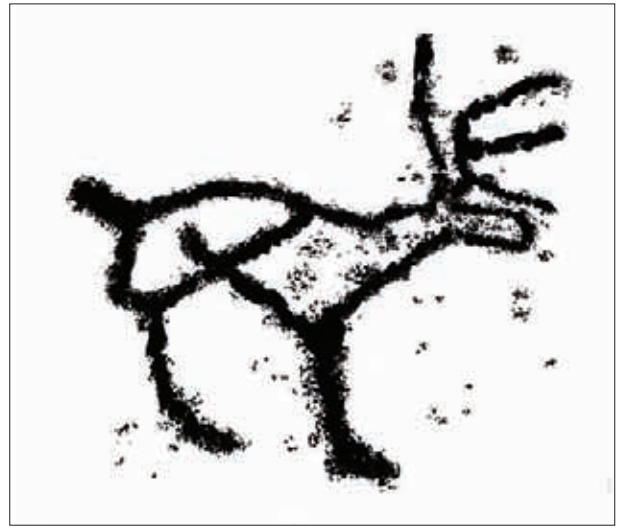

Рис. 4. Козлы и хищники. Арпаузен
Сур. 4. Текелер мен жыртқыштар. Арпаөзен
Fig. 4. Goats and carnivore. Arpaozen

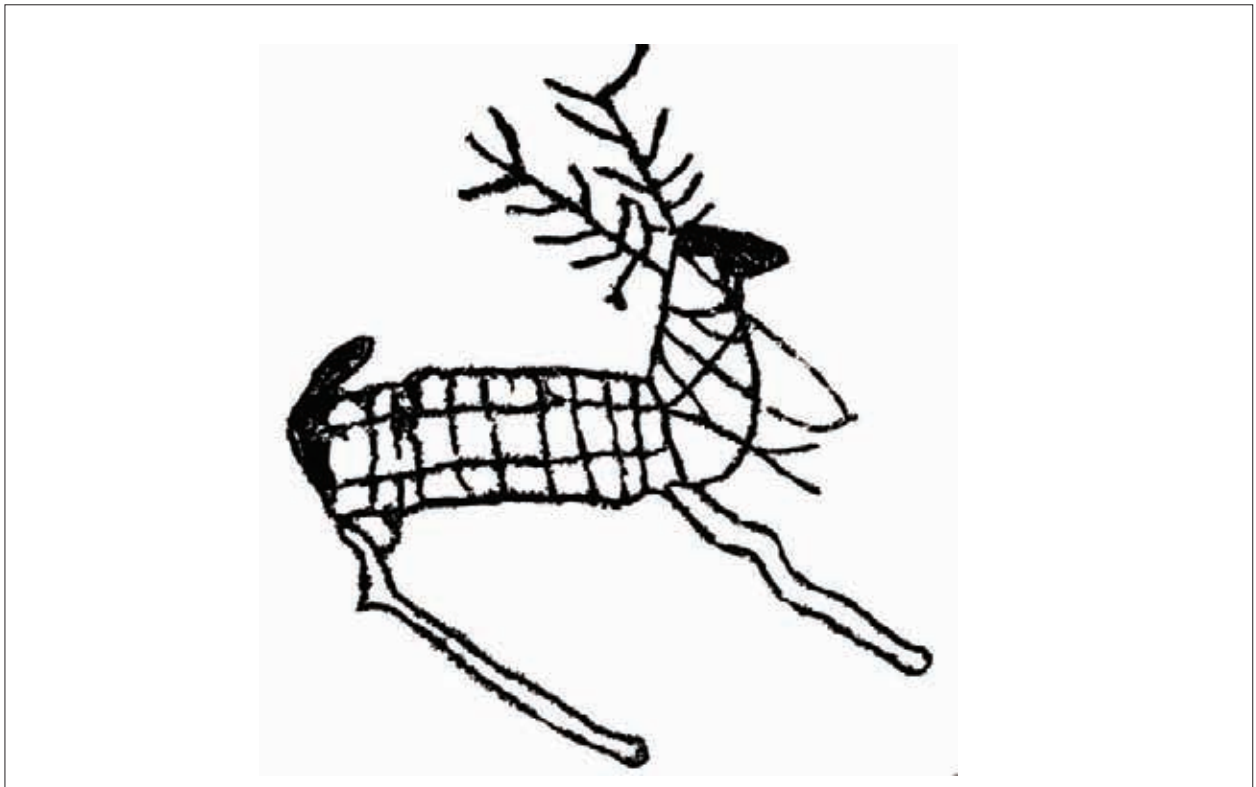

*Рис. 5. Олень. Ешкиолмес
Сур. 5. Бұғы. Ешкіөлмес
Fig. 5. Deer. Eshkiolmes*

*Рис. 6. Олень. Малый Койтас
Сур. 6. Бұғы. Кіші Қойтас
Fig. 6. Deer. Lesser Koitas*

*Рис. 7. Олень с орнаментом по корпусу в форме сетки. Малый Койтас
Сур. 7. Денесі тормен өрнектелген бұғы. Кіші Қойтас
Fig. 7. Deer with ornaments on its body in the form of a net. Lesser Koitas*

Рис. 8. Сцена охоты: олени, архары, козлы, лучник и человек. Ешкиолмес
Сур. 8. Аңшылық көрінісі: бұғылар, арқарлар, текелер, садақшы және адам. Ешкіөлмес
Fig. 8. Hunting scene: deer, argali, goats, archer, man. Eshkiolmes

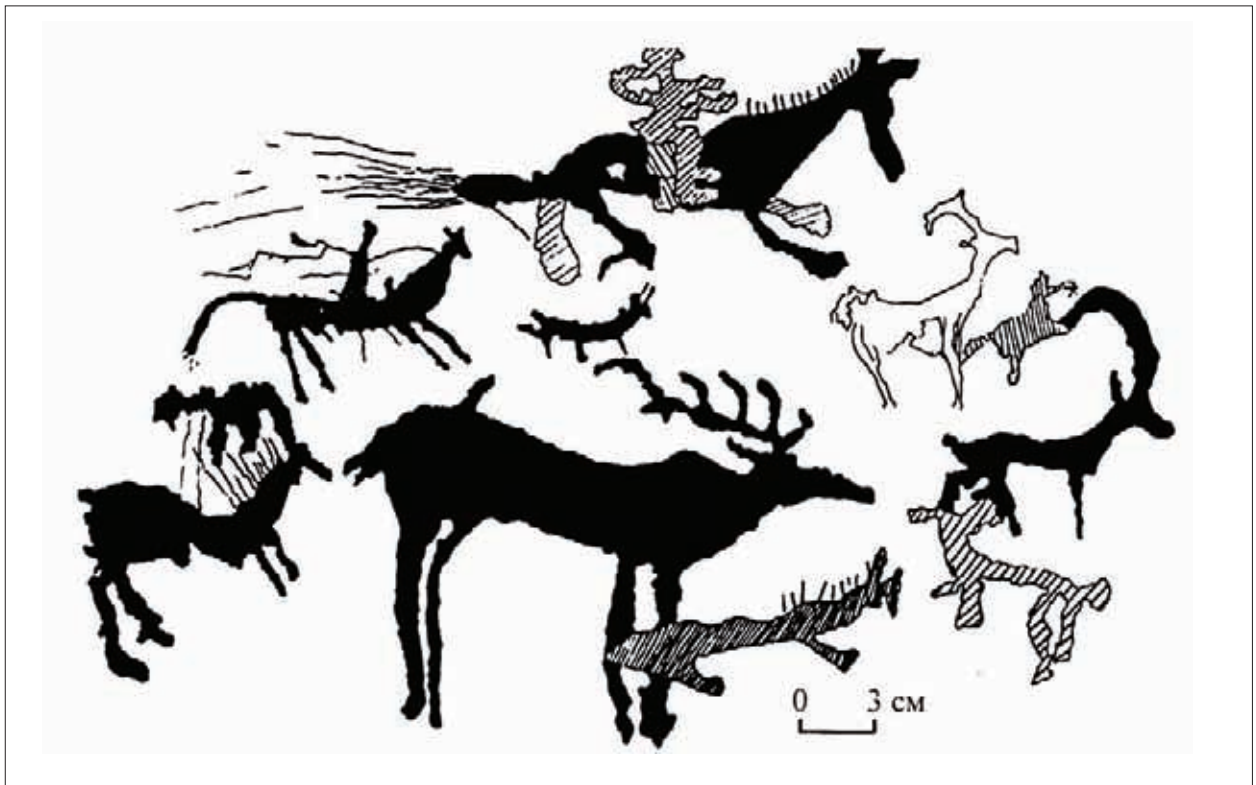

Рис. 9. Всадники на лошадях, олени, собаки. Ешкиолмес
 Сур. 9. Аттылы адамдар, бұғылар, иттер. Ешкіөлмес
 Fig. 9. Horsemen, deer, dogs. Eshkiolmes

Рис. 10. Олени. Маймак
 Сур. 10. Бұғылар. Маймақ
 Fig. 10. Deer. Maimak

Рис. 11. Сцена охоты на оленей, хищник и нечеткие фигуры. Ешкюлмес
Сур. 11. Бұғы аулау көрінісі, жыртқыш және көмескі бейнелер. Ешкюлмес
Fig. 11. Scenes of hunting deer, carnivore and other figures. Eshkiolmes

Рис. 12. Олень, козел и лошадь. Ешикиолмес
 Сур. 12. Бұғы, теке және жылқы. Ешкіөлмес
 Fig. 12. Deer, goat, horse. Eshkiolmes

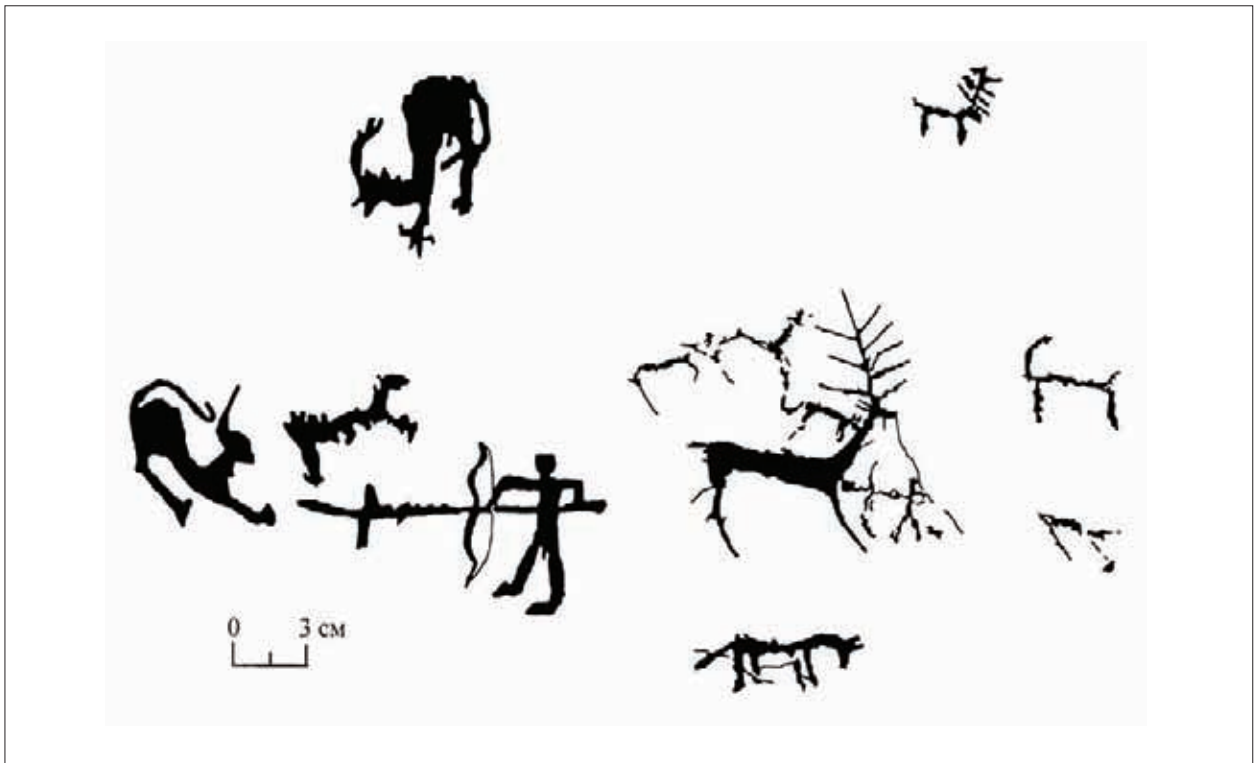

Рис. 13. Сцены охоты на хищников и оленя. Внизу лошадь. Ешикиолмес
 Сур. 13. Жыртқыштар мен бұғыны аулау көрінісі. Ешкіөлмес
 Fig. 13. Scenes of hunting carnivore and deer. Horse. Eshkiolmes

Рис. 14. Олень с поджатыми ногами. Ешкиолмес
Сур. 14. Аяқтары бүгілген бұғы. Ешкіөлмес
Fig. 14. Deer with its legs pulled up. Eshkiolmes

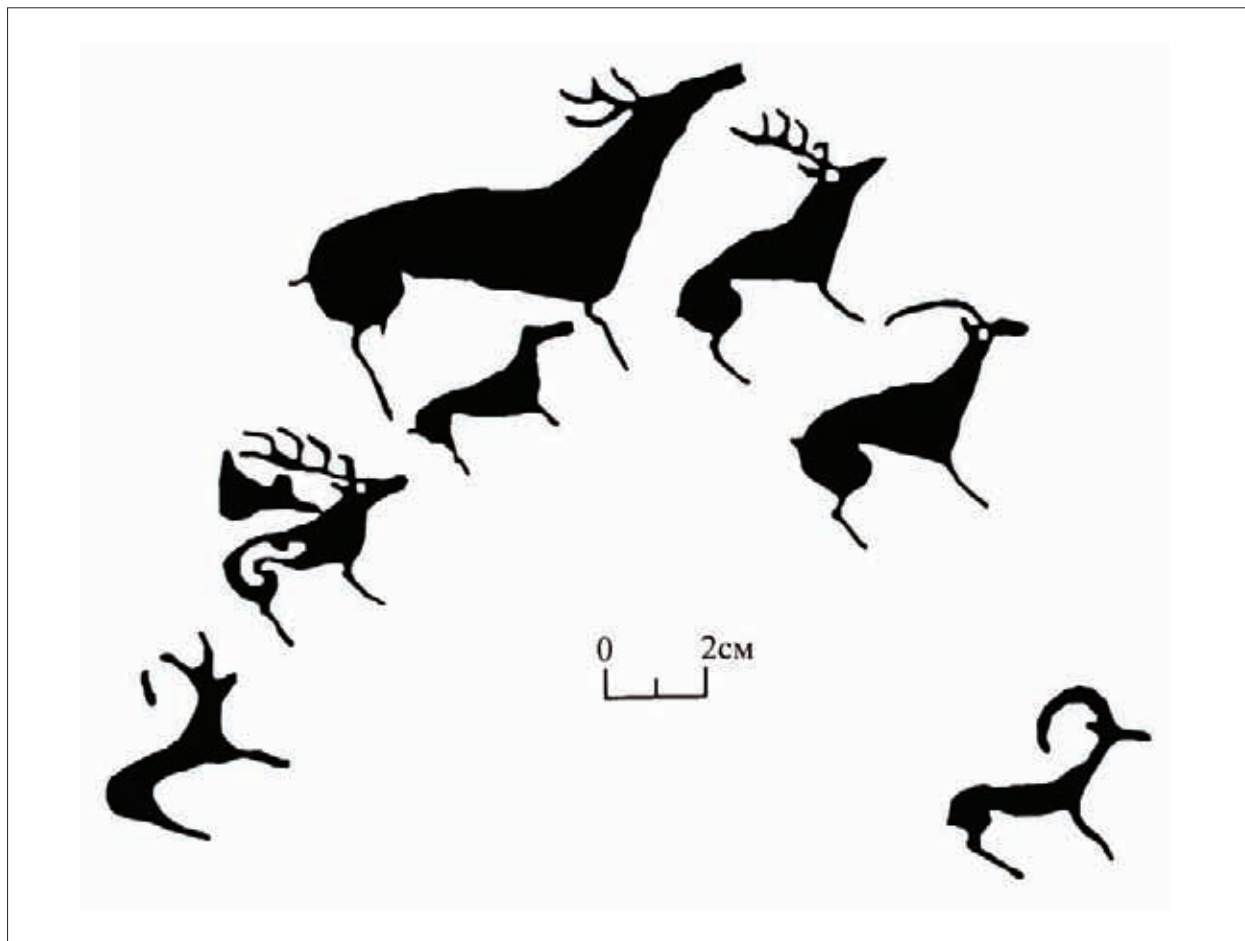
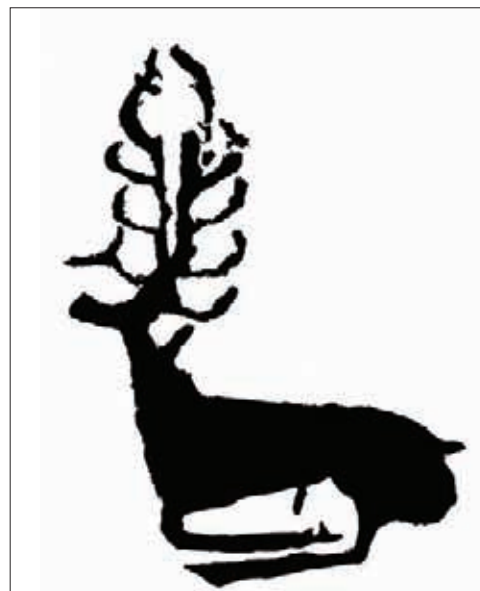
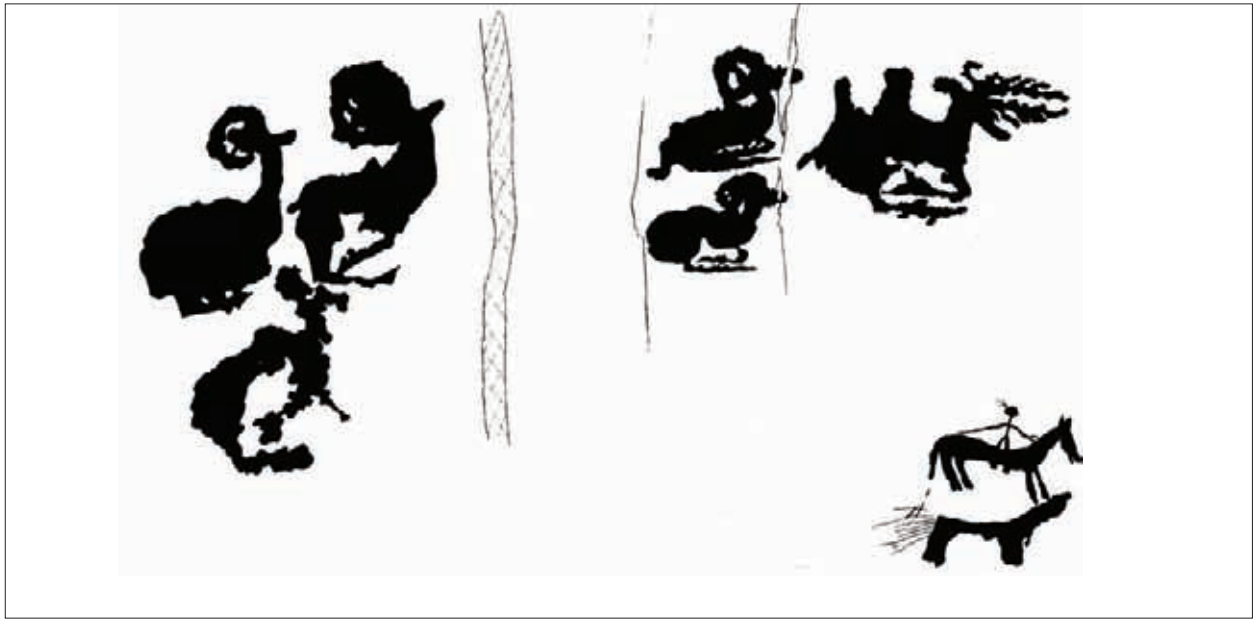

Рис. 15. Олени и козлы. Ешкиолмес
Сур. 15. Бұғылар мен текелер. Ешкіөлмес
Fig. 15. Deer and goats. Eshkiolmes

Рис. 16. Архары и олень, фигура которого была дополнена верблюжскими горбами, архары с поджатыми ногами. Ешкюлмес

Сур. 16. Арқарлар және денесіне түйе өркештері жапсырылған бұғы, аяқтары бүгілген арқарлар. Ешкіөлмес

Fig. 16. Argali and deer, the figure of which was finished by camel hunch, argali with their legs pulled up. Eshkiolmes

Рис. 17. Архары, внизу олень и незаконченное изображение лучника. Ешкюлмес

Сур. 17. Арқарлар, астыңғы жақта бұғы және садақшының салынып бітпеген бейнесі. Ешкіөлмес

Fig. 17. Argali, below a deer and not finished image of an archer. Eshkiolmes

Рис. 18. Олень, архар, козел и хищники. Құлжабасы
 Сур. 18. Бұғы, арқар, теке және жыртқыштар. Құлжабасы
 Fig. 18. Deer, argali, goat and carnivores. Kuljabasy

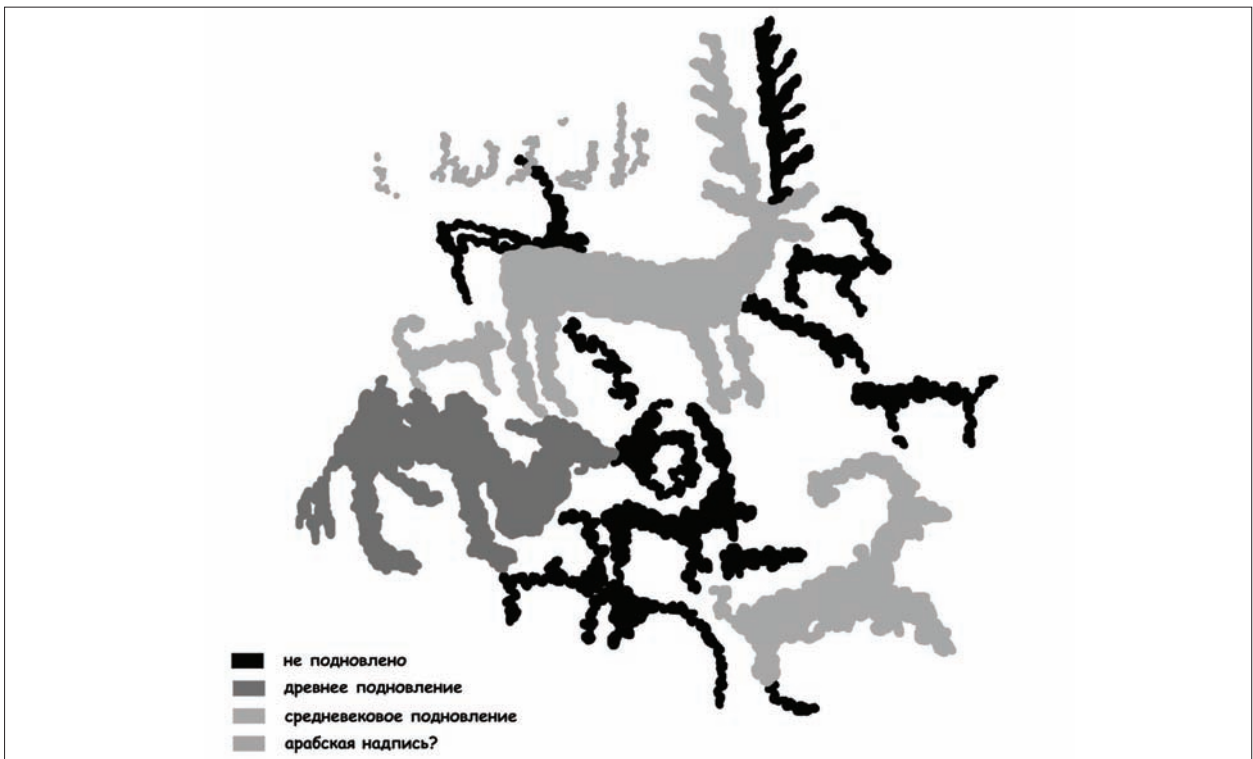
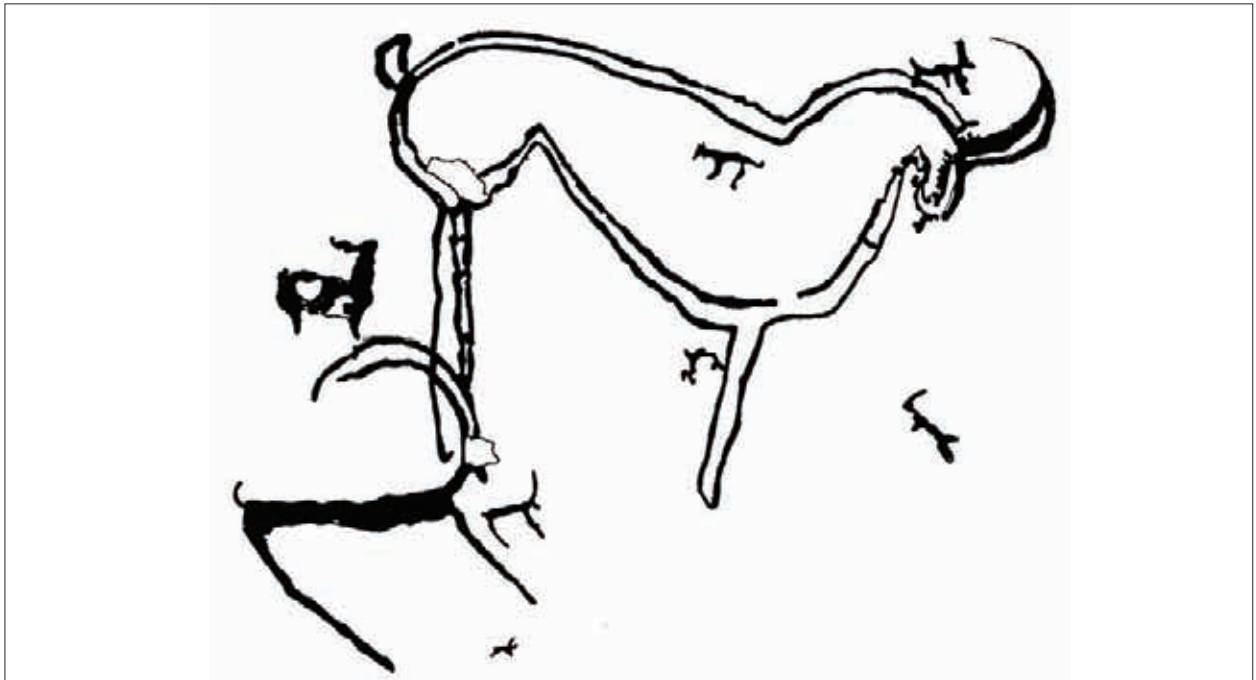

Рис. 19. Разновременные рисунки: сверху – козлы и перекрывающие их фигуры оленя и собаки. Внизу – олень, козлы и нечеткие фигуры. Фрагмент. Дардамты
 Сур. 19. Әртүрлі дәуір суреттері: үстінде – текелер және оларды жауып тұрған бұғы мен ит бейнелері, астында – бұғы, текелер және көмескі бейнелер. Дардамты
 Fig. 19. Images of different periods: upper image – goats and figures of deer and dogs covering them. Below – deer, goats and some other figures. Fragment. Dardamty

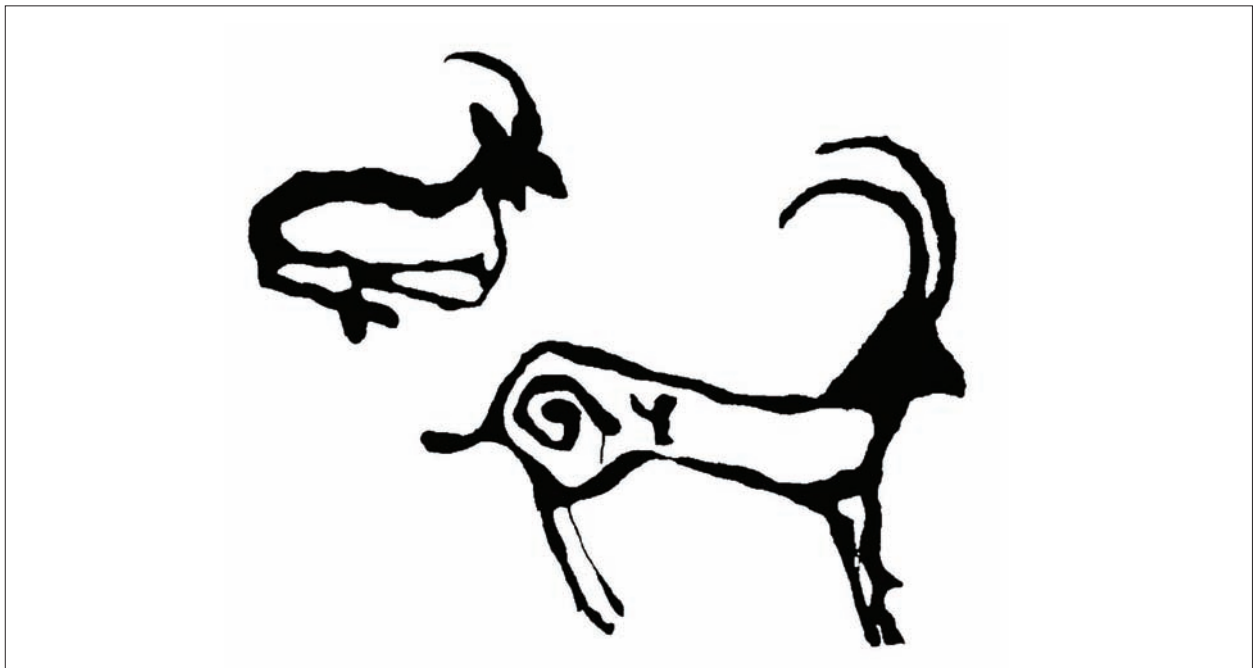
Рис. 20. Контурная фигура козла, внутри которого выбито изображение собаки (?).

Слева ниже козлы. Ешкиолмес

Сур. 20. Ишине ит бейнесі (?) салынган теке суреті. Ешкіөлмес

Fig. 20. Contour figure of a goat inside which the image of a dog is imprinted.

Below on the left -goats. Eshkiolmes

Рис. 21. Козлы. Ешкиолмес

Сур. 21. Текелер. Ешкіөлмес

Fig. 21. Goats. Eshkiolmes

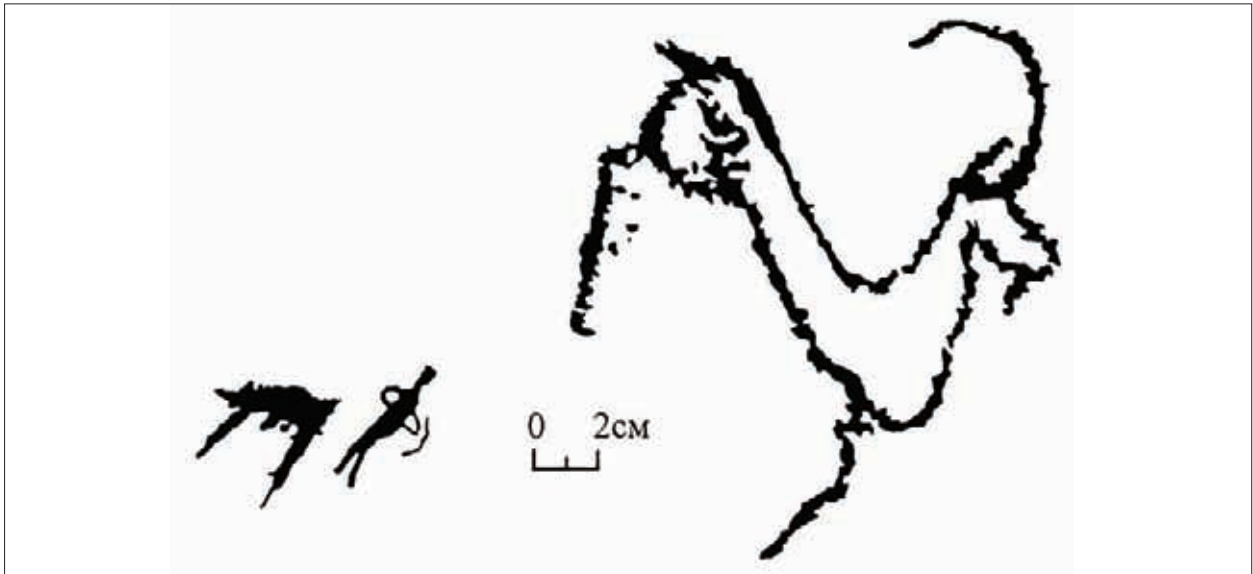

Рис. 22. Контурная фигура козла и человек. Ешкіолмес
 Сур. 22. Теке мен адам суреттері. Ешкіөлмес
 Fig. 22. Contour figure of a goat. Eshkiolmes

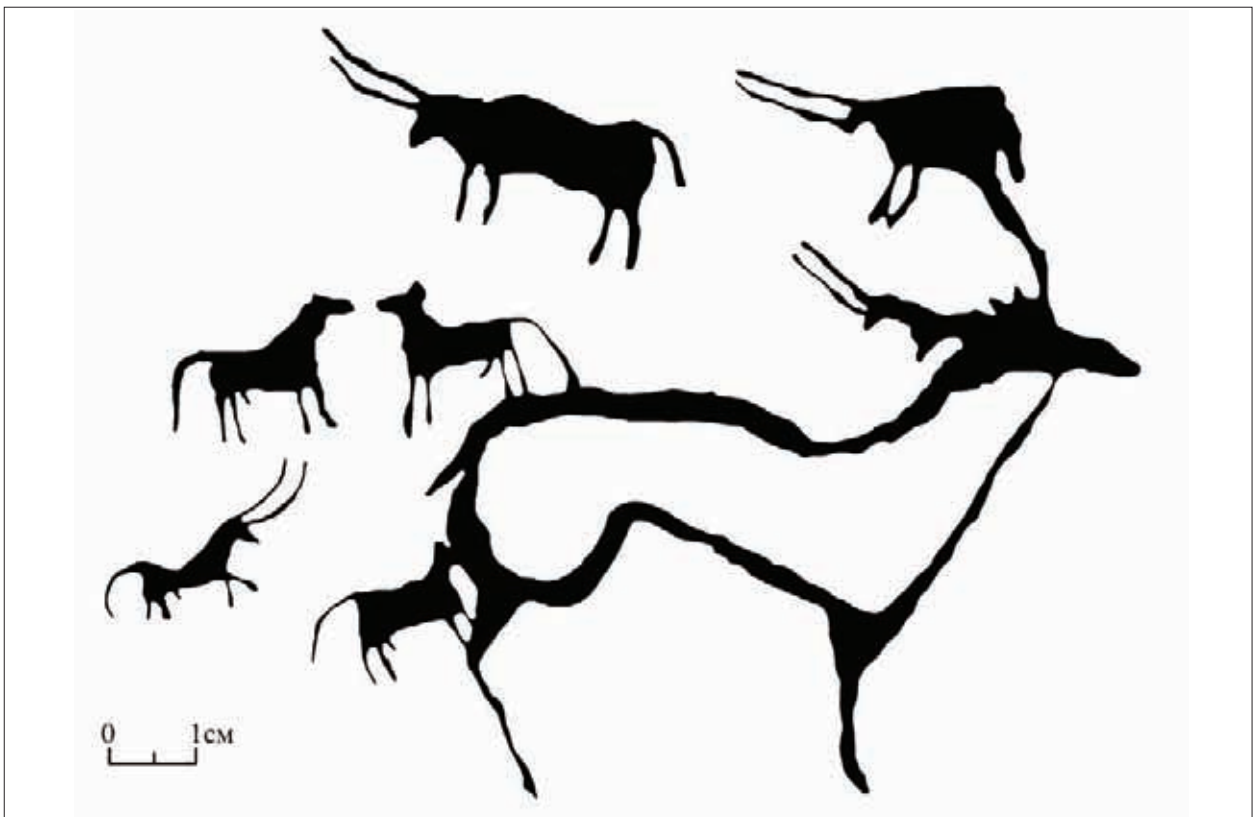

Рис. 23. Контурная фигура козла, перекрывающая изображения быков и лошадей. Ешкіолмес
 Сур. 23. Бұқалар мен жылқылардың бейнелерін жауып тұрған теке суреті. Ешкіөлмес
 Fig. 23. Contour figure of a goat covering images of bull and horses. Eshkiolmes

Рис. 24. Вверху козлы. Внизу – сцена охоты всадника с луком на верблюде. Ешкиолмес
 Сур. 24. Үстінде – текелер. Астында – түйе мінген садақшының аңдағы көрінісі. Ешкіөлмес
 Fig. 24. At the top – goats. In the bottom – a man with a bow on a camel. Eshkiolmes

Рис. 25. Контурное изображение козла и нечеткая фигура. Ешкиолмес
 Сур. 25. Теке суреті және көмескі бейне. Ешкіөлмес
 Fig. 25. Contour image of a goat and some other figure. Eshkiolmes

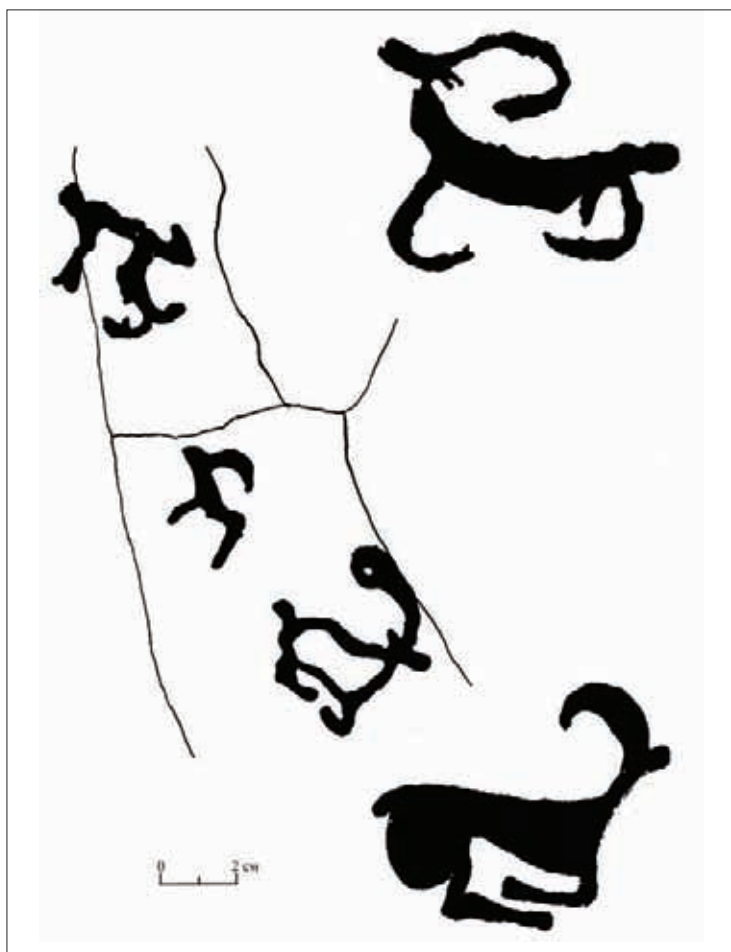

Рис. 26. Козлы и хищники. Ешкиолмес
Сур. 26. Текелер және жыртқыштар. Ешкіөлмес
Fig. 26. Goats and carnivores. Eshkiolmes

Рис. 27. Козлы и архары. Ақсу-Жабағылы
Сур. 27. Текелер және арқарлар. Ақсу-Жабағылы
Fig. 27. Goats and argali. Aksu-Jabagyly

*Рис. 28. Козлы. Ешкиолмес
Сур. 28. Текелер. Ешкіөлмес
Fig. 28. Goats. Eshkiolmes*

*Рис. 29. Козлы. Ешкиолмес
Сур. 29. Текелер. Ешкіөлмес
Fig. 29. Goats. Eshkiolmes*

*Рис. 30. Сцена охоты пеших лучников на козлов. Ниже – козлы лучник и олень со сведенными ногами.
Долина реки Коксу*

*Сур. 30. Жаяу садақшылардың текелерді аулау сәті. Астында – садақшы және аяқтарын жинап
тұрған бұғы. Көксу өзені алқабы*

Fig. 30. Archers hunting goats. Lower – goats and deer with its legs rolled up. Koksu river valley

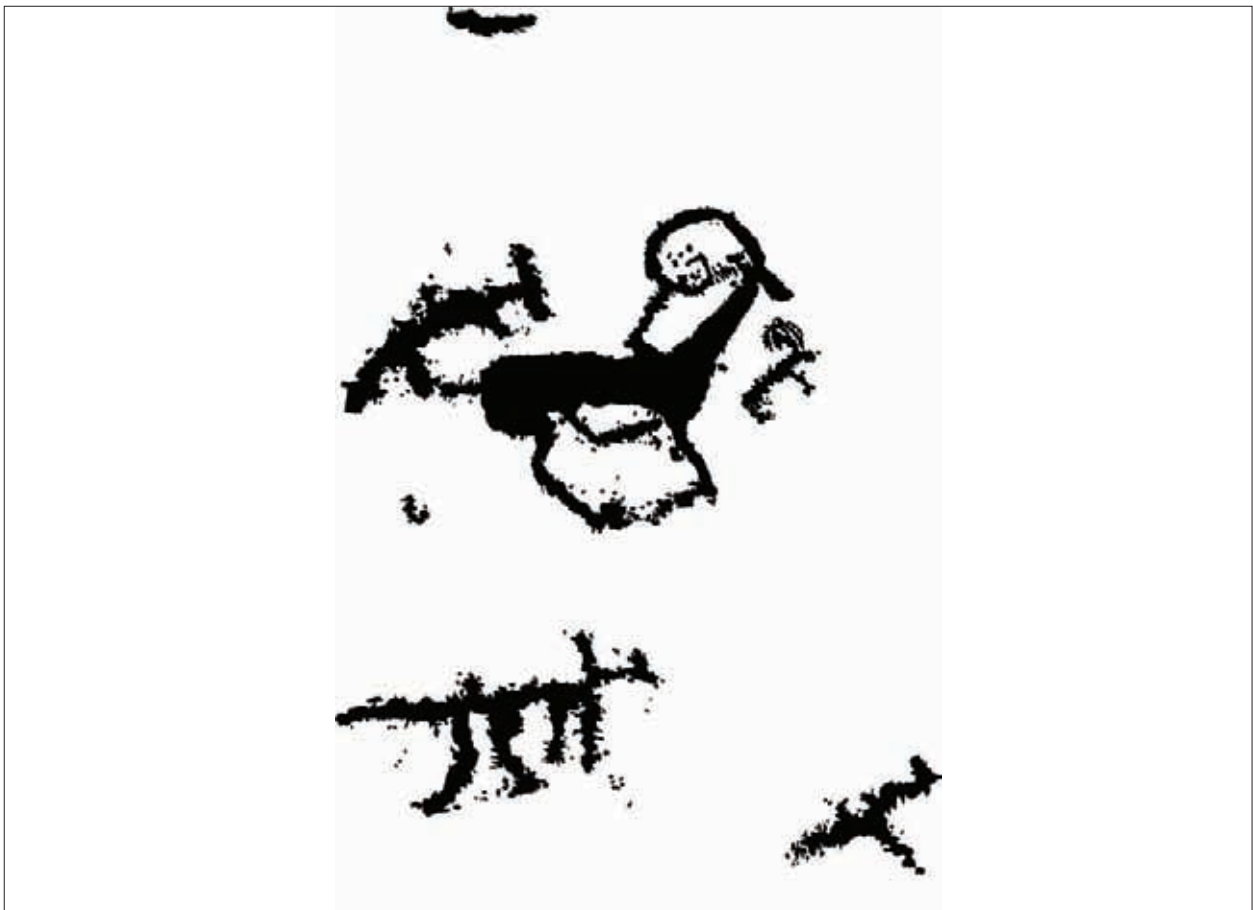
Рис. 31. Сцена преследования хищником козлов. Долина реки Коксу
Сур. 31. Жыртқыштың текелерді қуып жүрген көрінісі. Көксу өзені алқабы
Fig. 31. Carnivores pursuing goats. Koksu river valley

Рис. 32. Сцена охоты с собаками. Тектурмас
Сур. 32. Иттермен аңға шығу. Тектұрмас
Fig. 32. Hunting with dogs. Tekturmas

Рис. 33. Козлы и нечеткая фигура. Тектурмас
Сур. 33. Текелер және көмескі бейне. Тектурмас
Fig. 33. Goats and some other figures. Tekturmas

Рис. 34. Архары и хищники. Құлжабасы
Сур. 34. Арқарлар және жыртқыштар. Құлжабасы
Fig. 43. Argali and carnivores. Kuljabasy

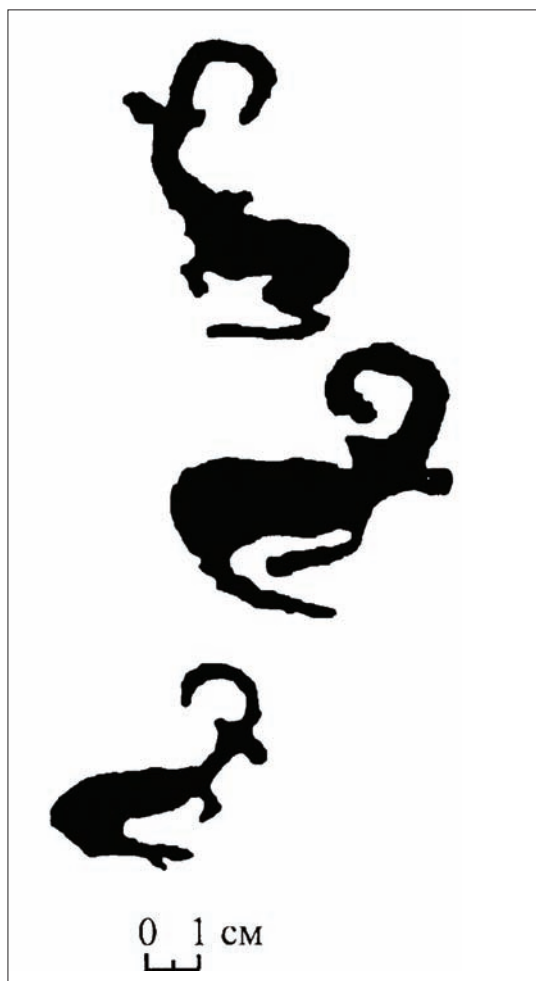

Рис. 35. Копытные с поджатыми ногами. Ешкиолмес
 Сур. 35. Аяқтары бүгілген тұяқтылар. Ешкіөлмес
 Fig. 35. Hoofed animals with their legs crossed. Eshkiolmes

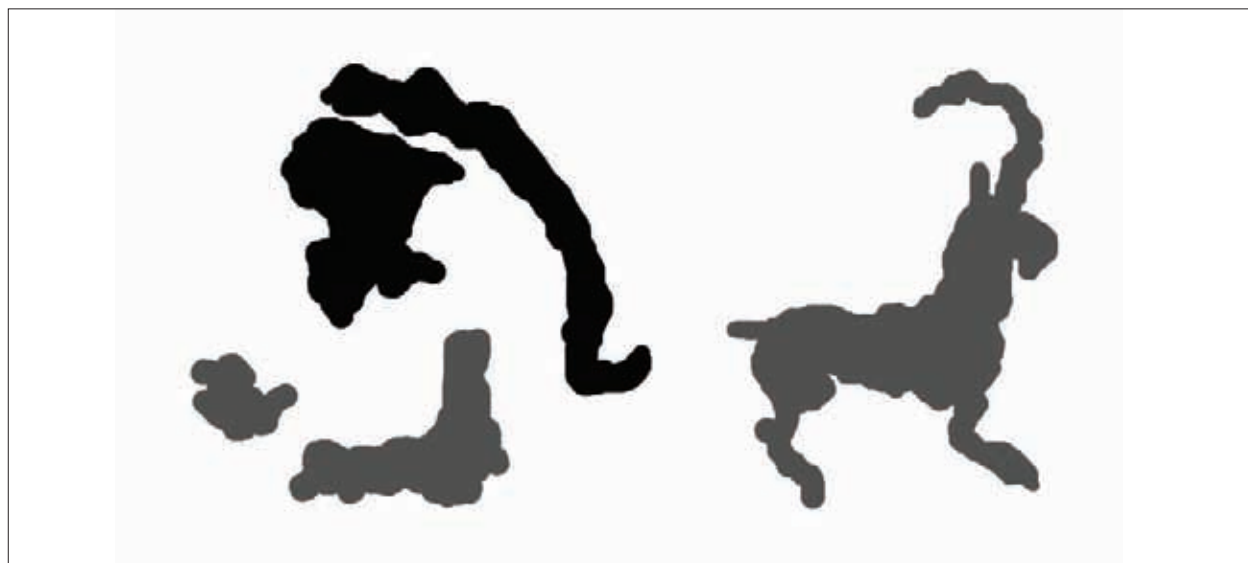
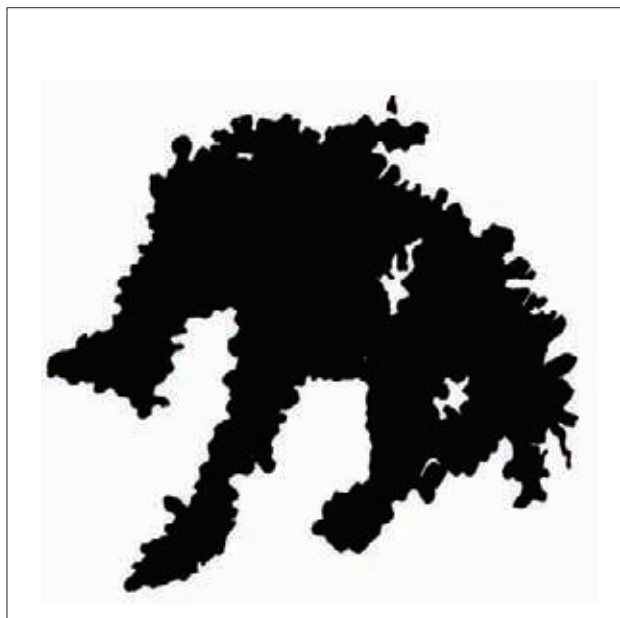
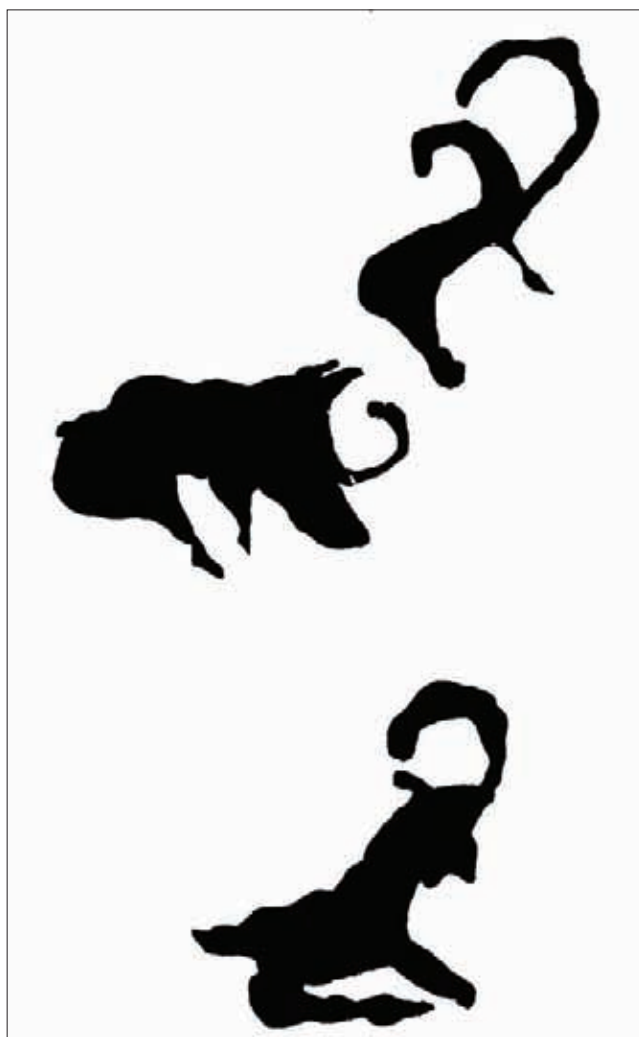

Рис. 36. Козел. Ешкиолмес
 Сур. 36. Теке. Ешкіөлмес
 Fig. 36. Goat. Eshkiolmes

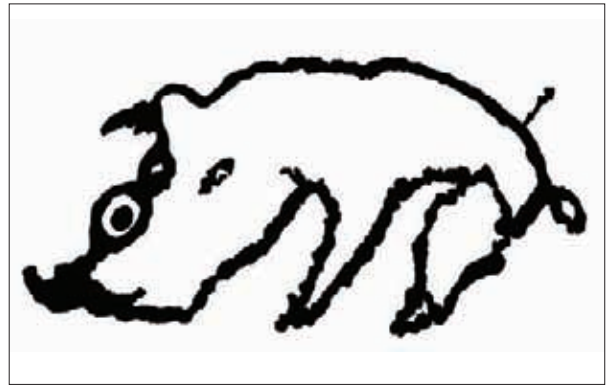
Рис. 37. Козел, кабан и архар. Ешкиолмес
Сур. 37. Теке, қабан және арқар. Ешкіөлмес
Fig. 37. Goat, boar, argali. Eshkiolmes

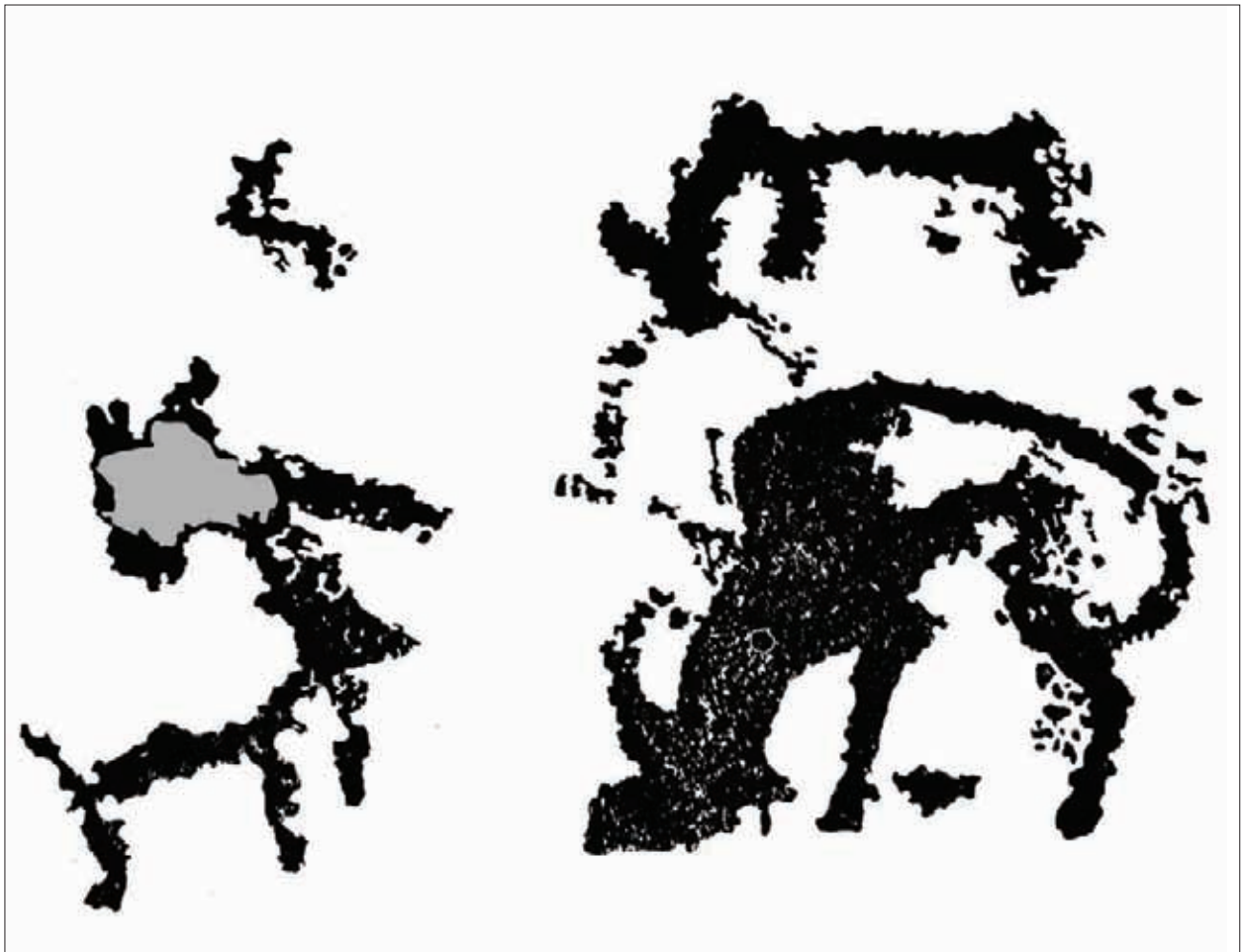
Рис. 38. Кабан. Ешкиолмес
Сур. 38.Қабан. Ешкіөлмес
Fig. 38. Boar. Eshkiolmes

Рис. 39. Кабан. Малый Койтас
Сур. 39. Қабан. Кіші Қойтас
Fig. 39. Boar. Lesser Koitas

Рис. 39а. Кабан. Малый Койтас
Сур. 39а. Қабан. Кіші Қойтас
Fig. 39а. Boar. Lesser Koitas

Рис. 40. Кабан и нечеткие фигуры. Боролдай
Сур. 40. Қабан және көмескі бейнелер. Боролдай
Fig. 40. Boar and some other figures. Borolday

Рис. 41. Кабаны. Арпаузен
Сур. 41. Қабандар. Арпаөзен
Fig. 41. Boars. Arpaozen

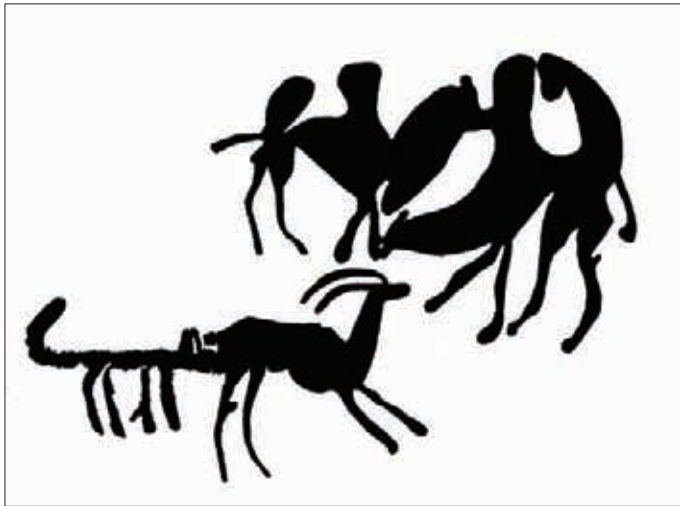

Рис. 42. Дерущиеся верблюды, копытное и хищник.
Фрагмент сцены. Арпаузен
Сур. 42. Шайқасқан түйелер, тұяқтылар және
жыртқыш. Көрініс бөлігі. Арпаөзен
Fig. 42. Fighting camels, hoofed animals and carnivore.
Scene fragment. Arpaozen

Рис. 43. Верблюд с поджатыми ногами.
Ешкіолмес
Сур. 43. Аяқтары бүгілген түйе. Ешкіөлмес
Fig. 43. Camel with its legs crossed.
Eshkiolmes

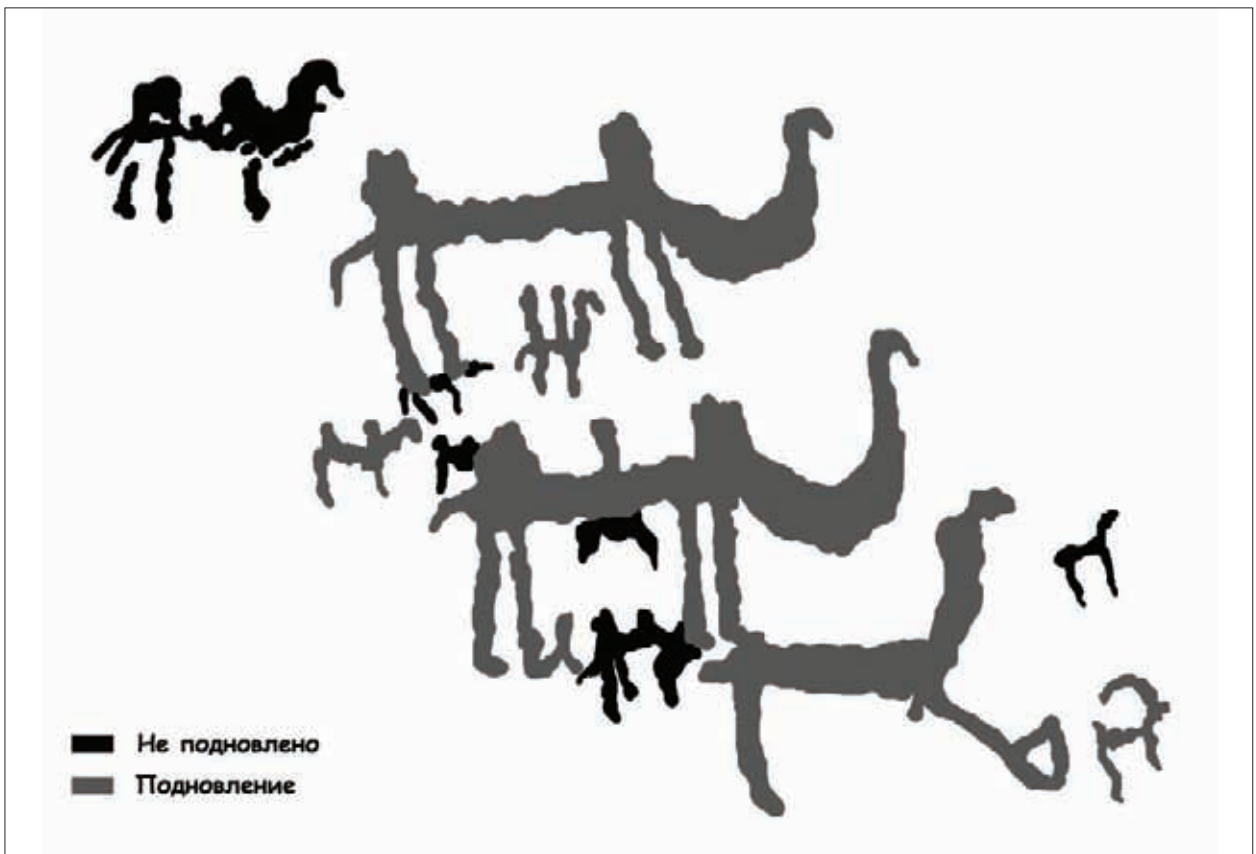

Рис. 44. Верблюды, козел и нечеткие фигуры. Дардамты
Сур. 44. Түйелер, теке және көмескі бейнелер. Дардамты
Fig. 44. Camels, goat and some other figures. Dardamty

Рис. 45. Многофигурная композиция из нескольких сюжетов. Часть рисунков с более поздними дополнениями перекрывает изображения, сделанные ранее. Ешкюлмес

Сур. 45. Бірнеше сюжеттен тұратын көпбейнелі композиция. Кейінірек толықтырылған жерлері бар біраз суреттер ерте кезеңнің бейнелерін жауып тұр. Ешкіөлмес

Fig. 45. Multifigured composition from several plots. Part of pictures with additions made later covers the original image. Eshkiolmes

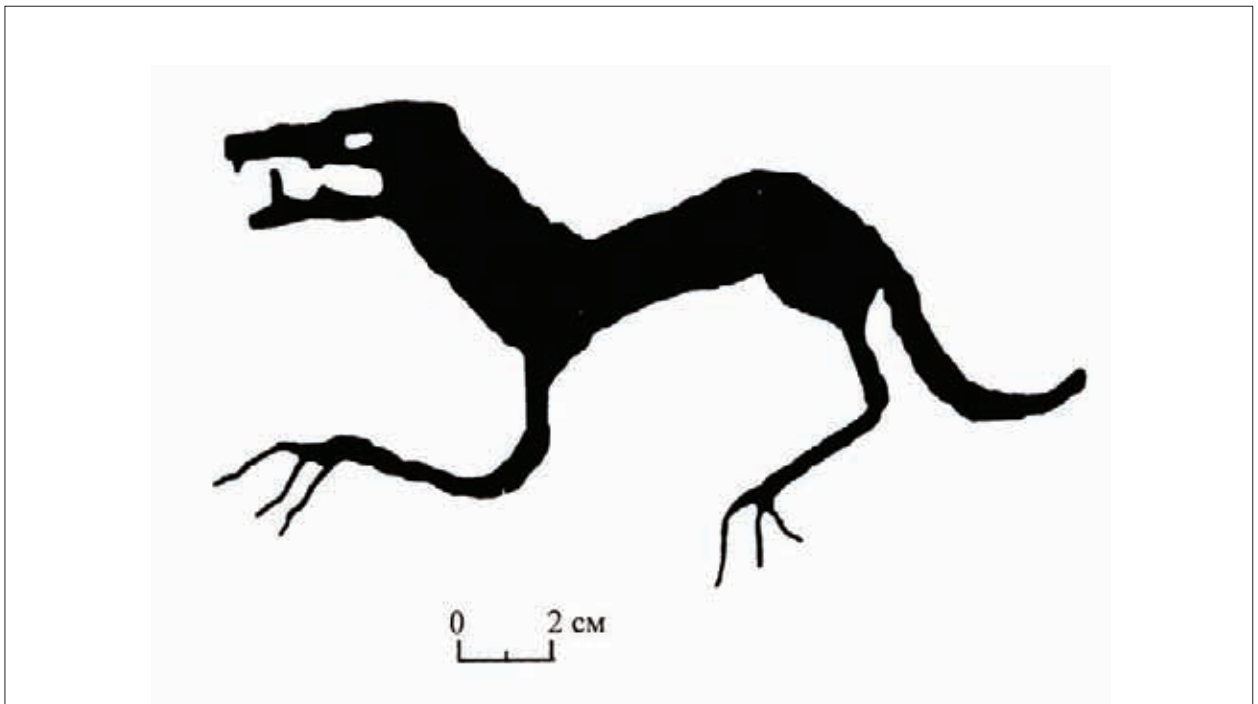

Рис. 46. Хищник. Ешкиолмес
Сур. 46. Жыртқыш. Ешкіөлмес
Fig. 46. Carnivore. Eshkiolmes

Рис. 47. Хищник. Ешкиолмес
Сур. 47. Жыртқыш. Ешкіөлмес
Fig. 47. Carnivore. Eshkiolmes

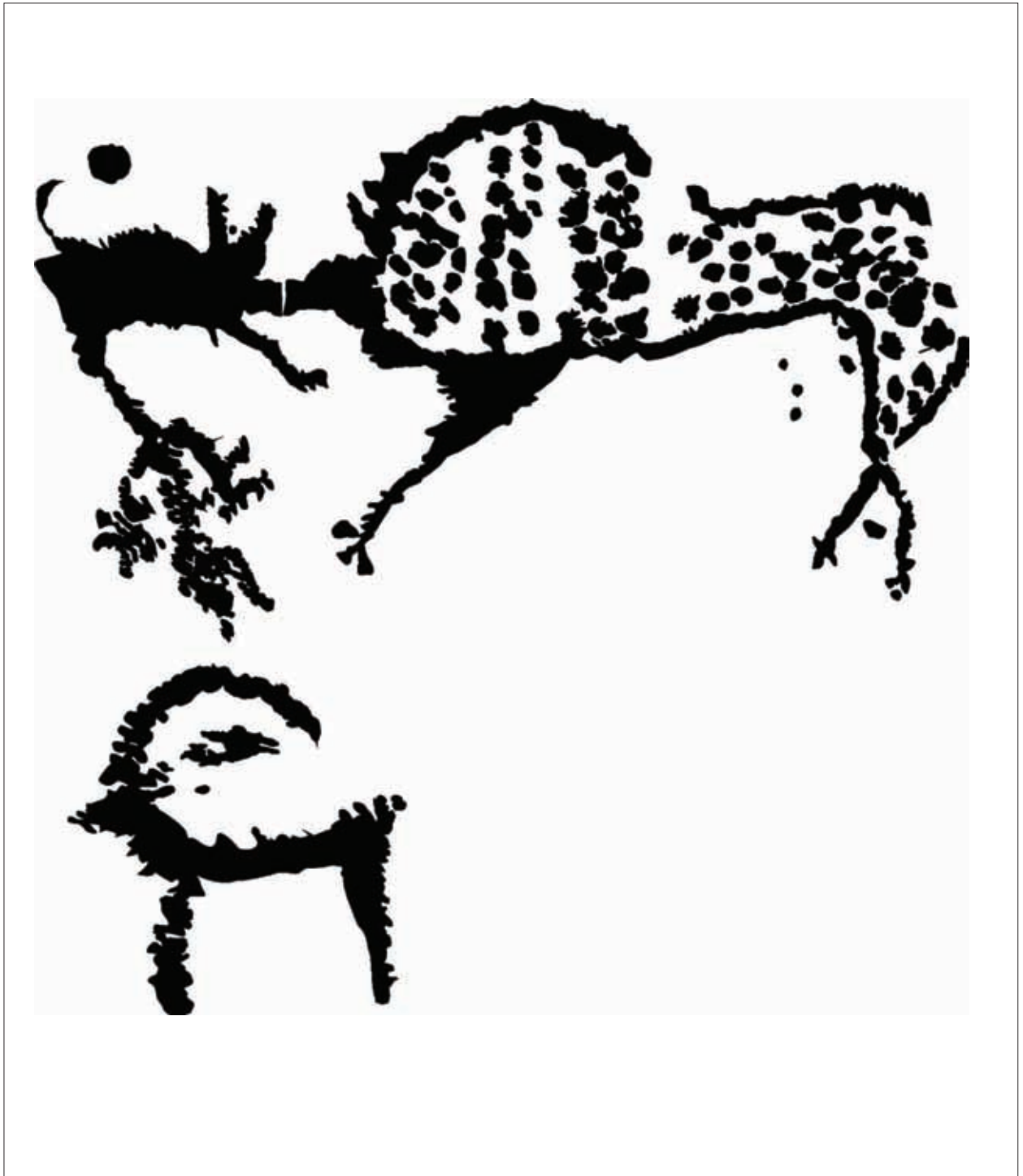
Рис. 48. Волк. Ешкиолмес
Сур. 48. Бөрі. Ешкіөлмес
Fig. 48. Wolf. Eshkiolmes

Рис. 49. Многофигурная композиция из нескольких сюжетов. Вверху – сцена охоты лучника в маске с рогами оленя на хищника. Ниже – изображение крупного хищника, с фигурой, орнаментированной полосами по корпусу и пятнами в районе головы, и копытных. Слева – сцена терзания хищником козла. Фигура козла орнаментирована точками и выполнена в битреугольном стиле. Эпоха бронзы. Габаевка

Сур. 49. Бірнеше сюжеттен тұратын көпбейнелі композиция. Үстінде – бұғы мүйізді бетпердесі бар садақшының жыртышты аулау сәті. Астында – денесі жолақтармен, басы дақтармен өрнектелген ірі жыртыштың және тұяқтылардың бейнелері. Солда – жыртыштың текені талауы көрінісі. Текенің денесі нүктелермен өрнектелген және қосұшбұрыш үлгісімен салынған. Қола дәуірі. Габаевка

Fig. 49. Multifigured composition from several plots. At the top – archer in a mask with deer horns hunting a carnivore. Below – a big carnivore with a figure ornamented by stripes and spots near its head, and hoofed animals. On the left – carnivore pursuing a goat. Figure is ornamented by spots and made in bitriangular style. Bronze Age. Gabayevka

Рис. 50. Сцена борьбы двух хищников разного вида. Внизу – козел. Габаевка
Сур. 50. Өртүрлі екі жыртқыштың шайқасу сәті. Астында – теке бейнесі. Габаевка
Fig. 50. Two carnivores fighting. Below-goat. Gabayevka

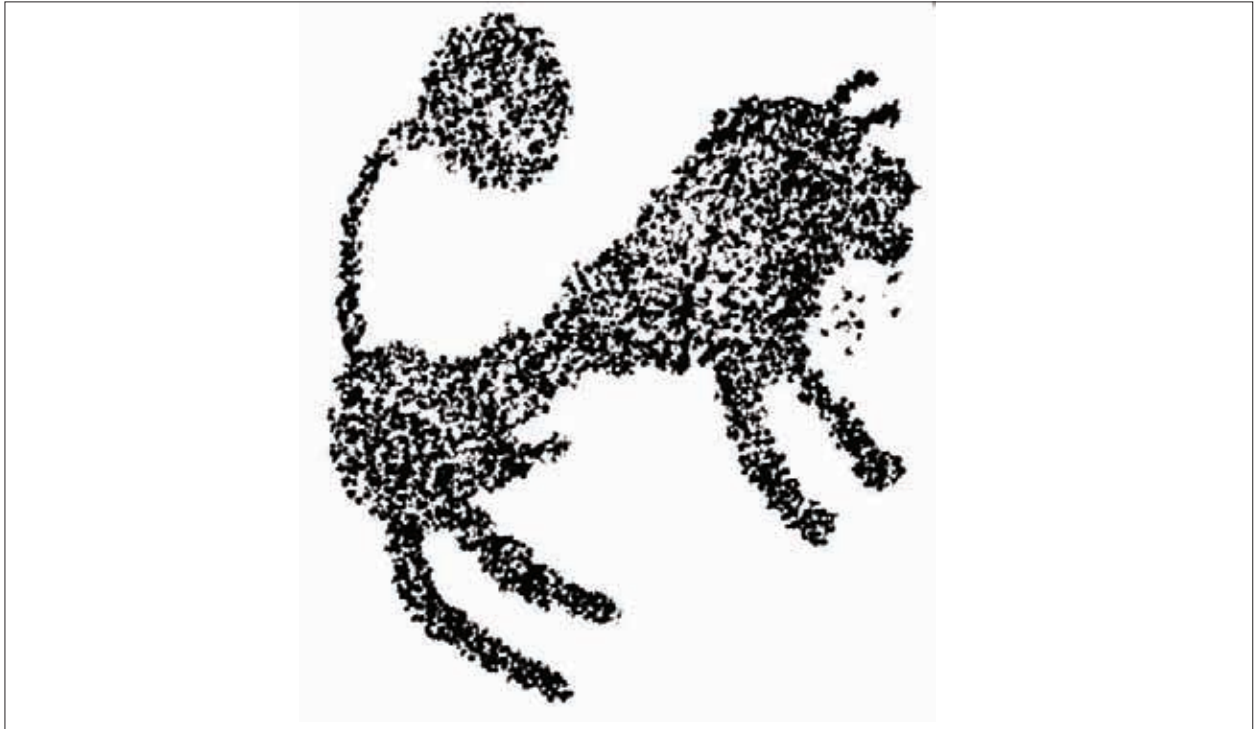

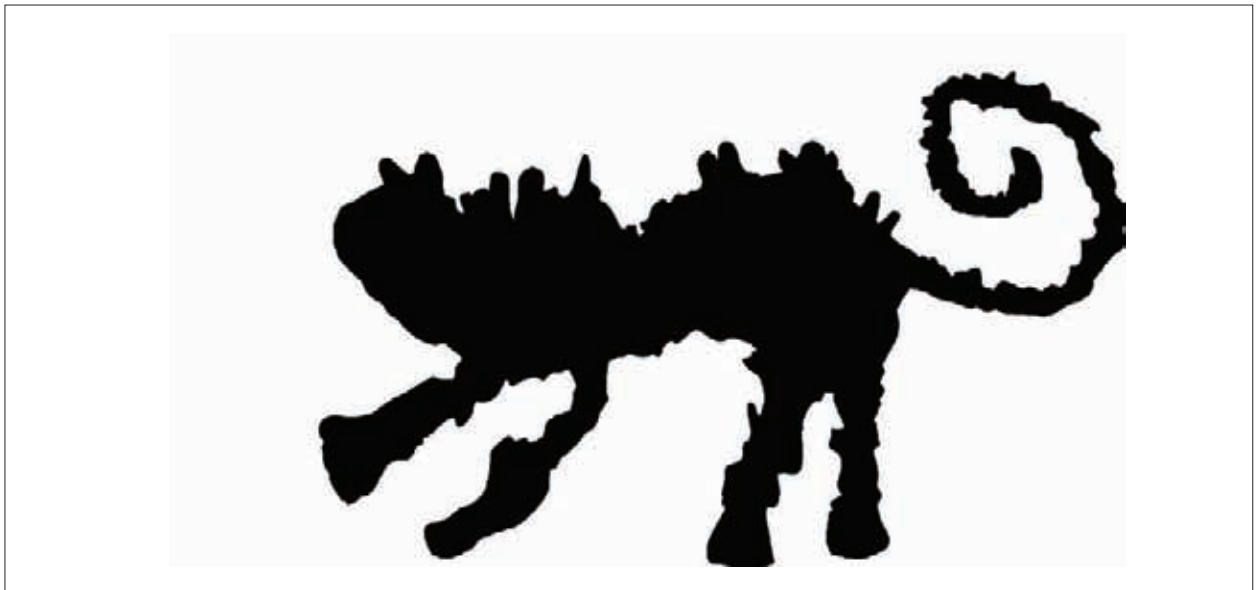
Рис. 51. Многофигурная композиция. В верхней части и в центре – три хищника с фигурами, орнаментированными полосами, кисти на хвостах в виде шаров. В нижнем ряду – хищники с закрученными хвостами, кисти в форме шара. Справа сверху – лучник (?) в маске, слева – пара адорантов, обращенных друг к другу. Эпоха бронзы. Габаевка

Сур. 51. Көпбейнелі композиция. Үстінде, ортада – денелері жолақтармен өрнектелген үш жыртыш, құйрық шашақтары шар тәрізді дөңгеленген. Астыңғы қатарда – оралған құйрықтарының шашақтары шар тәрізді дөңгеленген жыртықшылар. Оң жақта жоғарыда – бетперделі садақшы (?), сол жақта – тәңірге жалбарынушылар жұбының бір-біріне қараған бейнелері. Қола дәуірі. Габаевка

Fig. 51. Multifigured composition. At the top and in the center – three carnivores with figures ornamented by stripes, tails in the form of balls. In the bottom row – carnivores with curled penicillate tails in the form of balls. On the right – archer in a mask, on the left – a pair of orants facing each other. Bronze Age. Gabayevka

Рис. 52. Лев (?). Габаевка
Сур. 52. Арыстан (?). Габаевка
Fig. 52. Lion (?). Gabayevka

Рис. 53. Барс (?). Габаевка
Сур. 53. Барыс (?). Габаевка
Fig. 53. Panther (?). Gabayevka

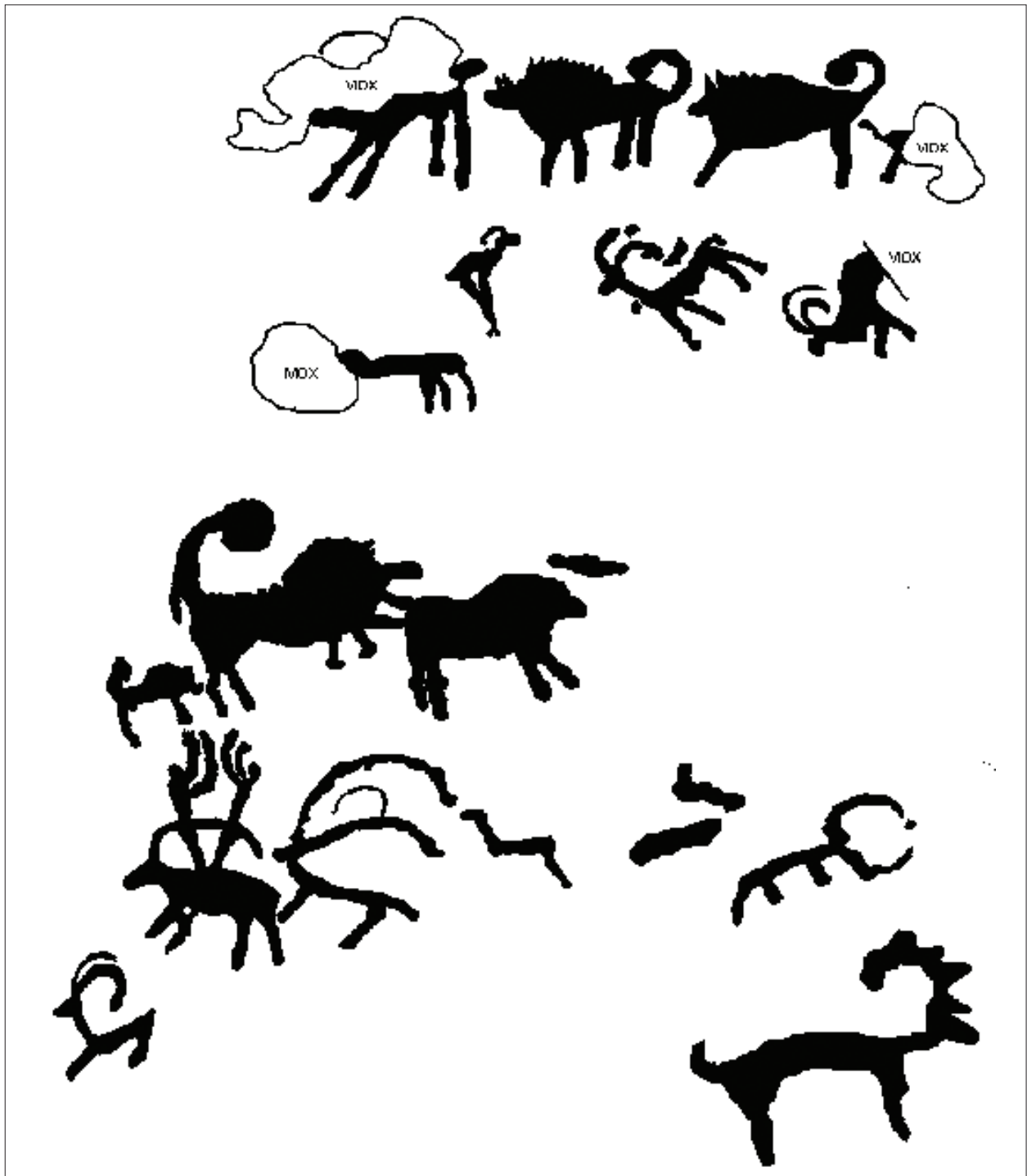

Рис. 54. Многофигурная композиция с фигурами хищников с закрученными хвостами с кистями в форме шара, а также козлов. Слева – пара адорантов, обращенных друг к другу. Жыңғылшық
 Сур. 54. Оралған құйрықтарының шашақтары шар тәрізді дөңгеленген жыртқыштар және текелер берілген көпбейнелі композиция. Солда – тәңірге жалбарынушылар жұбының бір-біріне қаратылған бейнелері. Жыңғылшық
 Fig. 54. Multifigured composition of carnivores with their legs pulled up and tails in the form of ball and goats. On the left – a pair of orants facing each other. Jyngylshyk

Рис. 55. Хищник и козлы. Ешкюлмес
Сур. 55. Жыртқыш және текелер. Ешкіөлмес
Fig. 55. Carnivore and goats. Eshkiolmes

Рис. 56. Хищник. Ешкюлмес
Сур. 56. Жыртқыш. Ешкіөлмес
Fig. 56. Carnivore. Eshkiolmes

Рис. 57. Сцена преследования собаками козлов. Баянжурек
Сур. 57. Иттердің текелерді қуған сәті. Баянжурек
Fig. 57. Dogs pursuing goats. Bayanjurek

Рис. 58. Хищники и копытные. Кулжабасы
Сур. 58. Жыртқыштар және тұяқтылар. Құлжабасы
Fig. 58. Carnivores and hoofed animals. Kuljabasy

Рис. 59. Многофигурная композиция. Вверху – верблюд и люди. В центре – сцена охоты хищников на козла. Ниже – верблюд и нечеткая фигура. Баянжурек
Сур. 59. Көпбейнелі композиция. Үстінде – түйе мен адамдар. Ортада – жыртқыштардың текені аулау сәті. Астында – түйе және көмескі бейне. Баянжурек
Fig. 59. Multifigured composition. At the top – camel and people. In the center – carnivores pursuing a goat. Lower – camel and some other figure. Bayanjurek

Рис. 60. Преследование козла хищником. Сарканд
 Сур. 60. Жыртқыштың текені қуған сәті.
 Сарқант
 Fig. 60. Pursuing a goat by a carnivore. Sarkant

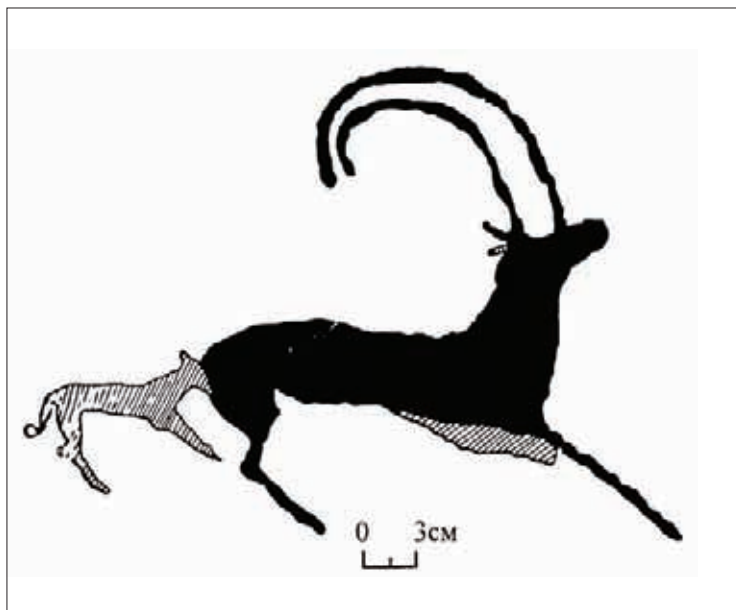
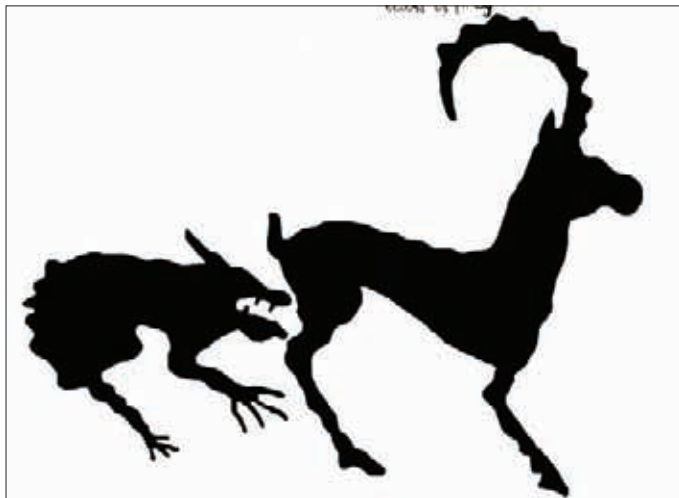

Рис. 61. Преследование козла хищником.
 Ешкіолмес
 Сур. 61. Жыртқыштың текені қуған
 сәті. Ешкіөлмес
 Fig. 61. Pursuing a goat by a carnivore.
 Eshkiolmes

Рис. 62. Преследование козла хищником.
 Ешкіолмес
 Сур. 62. Жыртқыштың текені қуған сәті.
 Ешкіөлмес
 Fig. 62. Pursuing a goat by a carnivore.
 Eshkiolmes

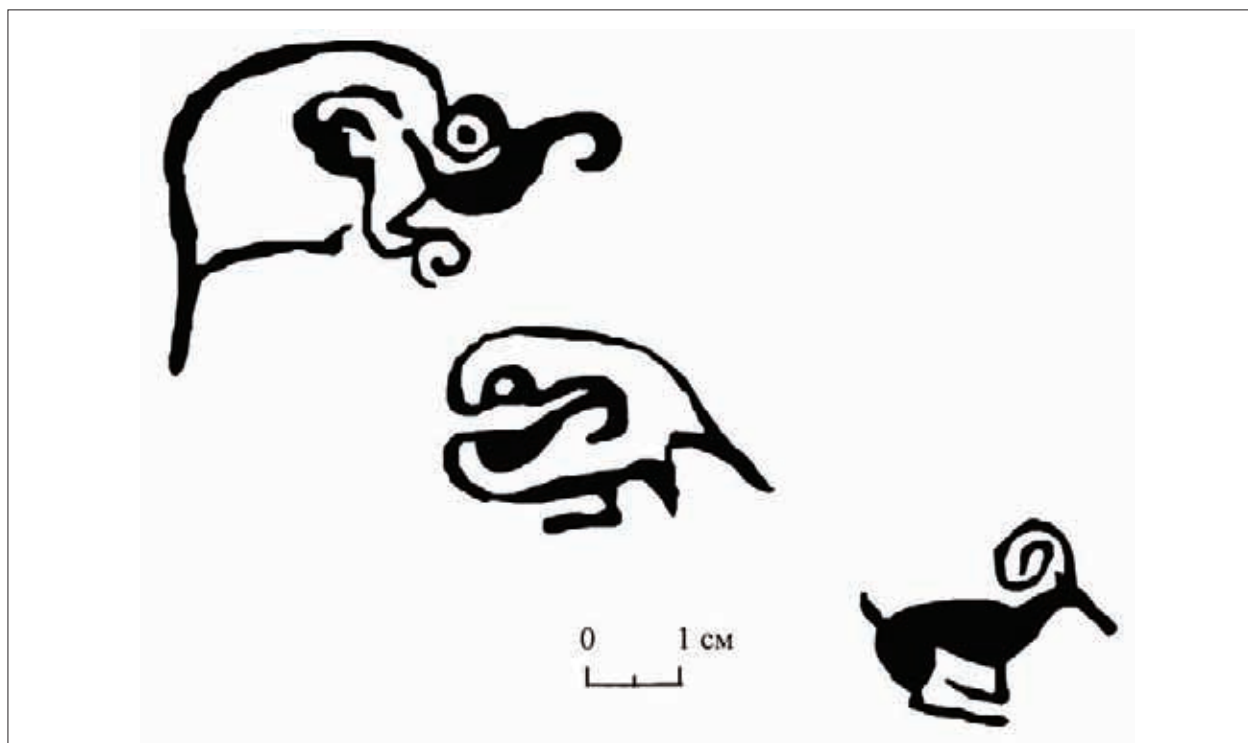

Рис. 63. Барс и козел. Маймак
Сур. 63. Барыс және теке. Маймақ
Fig. 63. Panther and goat. Maimak

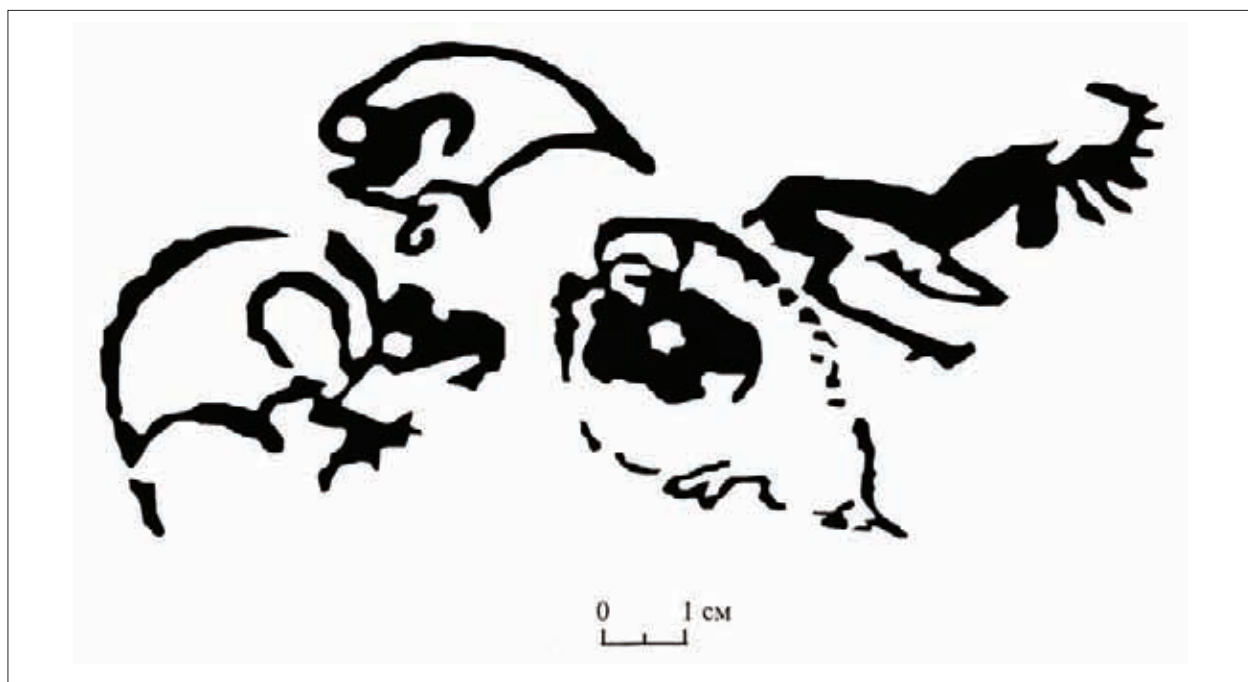

Рис. 64. Пантеры (?). Фрагмент сцены. Ешкюлмес
Сур. 64. Қабыландар (?). Көрініс бөлігі. Ешкіөлмес
Fig. 64. Leopards (?). Scene fragment. Eshkiomes

Рис. 65. Орлы и архар. Ешкиолмес
Сур. 65. Бүркіттер және арқар. Ешкіөлмес
Fig. 65. Eagles and argali. Eshkiolmes

Рис. 66. Орлы и архар. Ешкиолмес
Сур. 66. Бүркіттер және арқар. Ешкіөлмес
Fig. 66. Eagles and argali. Eshkiolmes

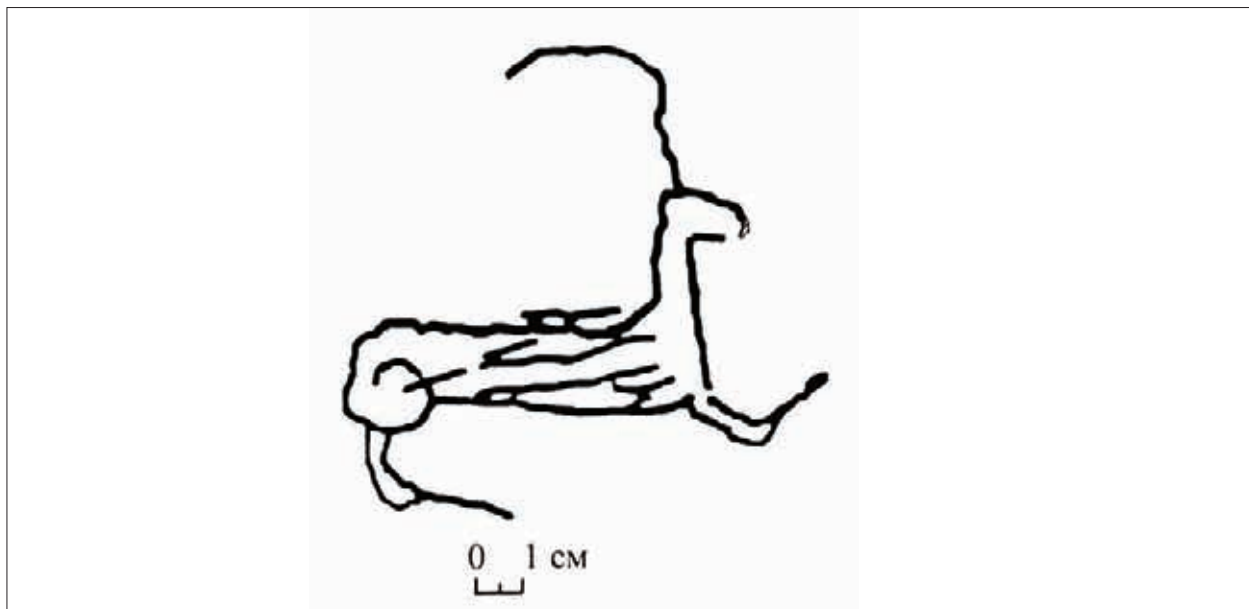

Рис. 67. Многофигурная композиция. Палимпсест. В центре – сцена охоты лучника на оленей. Фигуры выполнены в технике граффити со следами шлифовки. Изображения частично подновлены в более позднее время. В правой части композиции несколько силуэтных изображений копытных и человека.

Часть этих фигур перекрывают граффити. Ешкюлмес

Сур. 67. Көпбейнелі композиция. Палимпсест. Ортада – садақшының бұғы аулау сәті. Бейнелер граффити тәсілімен салынған, жылтырату іздері бар. Кейінірек шамалы жаңартылған. Оң жақта – бірнеше тұяқтылар мен адам бейнесі. Бейнелердің біразын граффити жауып тұр. Ешкюлмес

Fig. 67. Multifigured composition. Palimpsest. In the center – archer hunting deer. Figures are in the technique of graffiti with traces of polishing. Images were partially reconstructed later. Some silhouettes of hoofed animals and people are on the right part. A part of figures is covered by graffiti. Eshkiolmes

Рис. 68. Козел в технике граффити. Ешкиолмес
Сур. 68. Граффити тәсілімен берілген теке. Ешкіөлмес
Fig. 68. Goat in the technique of graffiti. Eshkiolmes

Рис. 69. Хищник в технике граффити. Ешкиолмес
Сур. 69. Граффити тәсілімен берілген жыртқыш. Ешкіөлмес
Fig. 69. Carnivore and goat in the technique graffiti. Eshkiolmes

Рис. 70. Хищник и козел в технике граффити и нечеткие фигуры. Ешкюлмес
Сур. 70. Граффити тәсілімен берілген жыртықши пен теке, көмескі бейнелер. Ешкюлмес
Fig. 70. Carnivore and goat in the technique graffiti and some other figures. Eshkiolmes

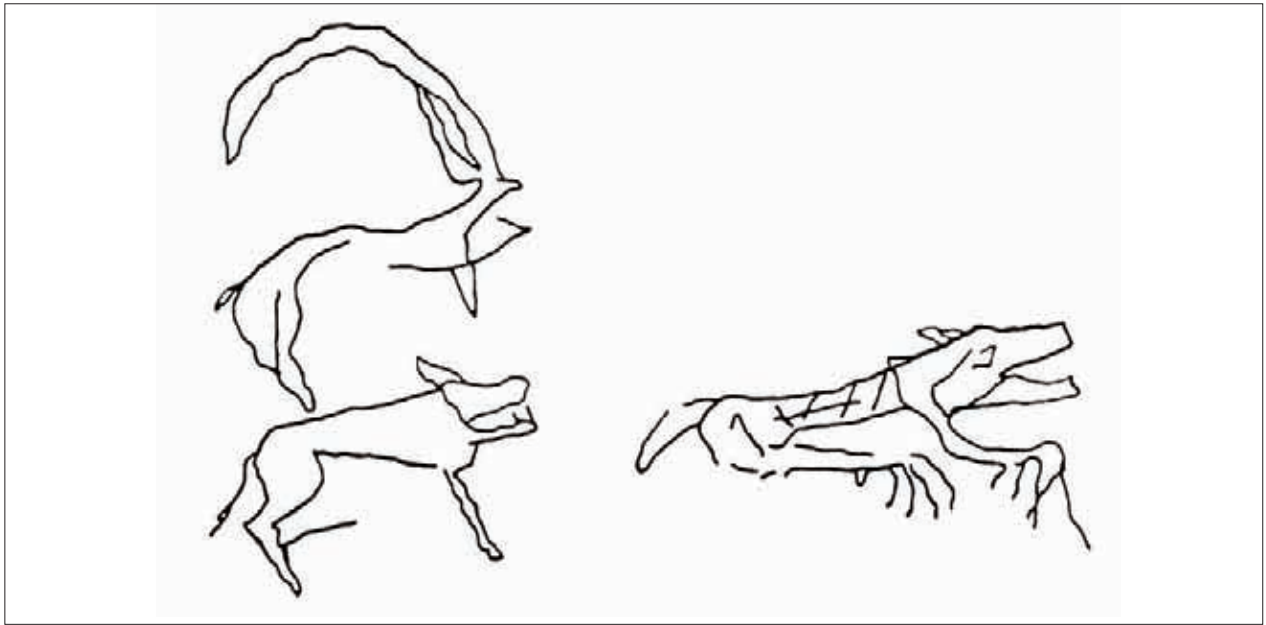

Рис. 71. Волки и козлы в технике граффити. Ешкиолмес
 Сур. 71. Граффити тәсілімен берілген бөрілер мен текелер. Ешкіөлмес
 Fig. 71. Wolves and goats in technique and graffiti. Eshkiolmes

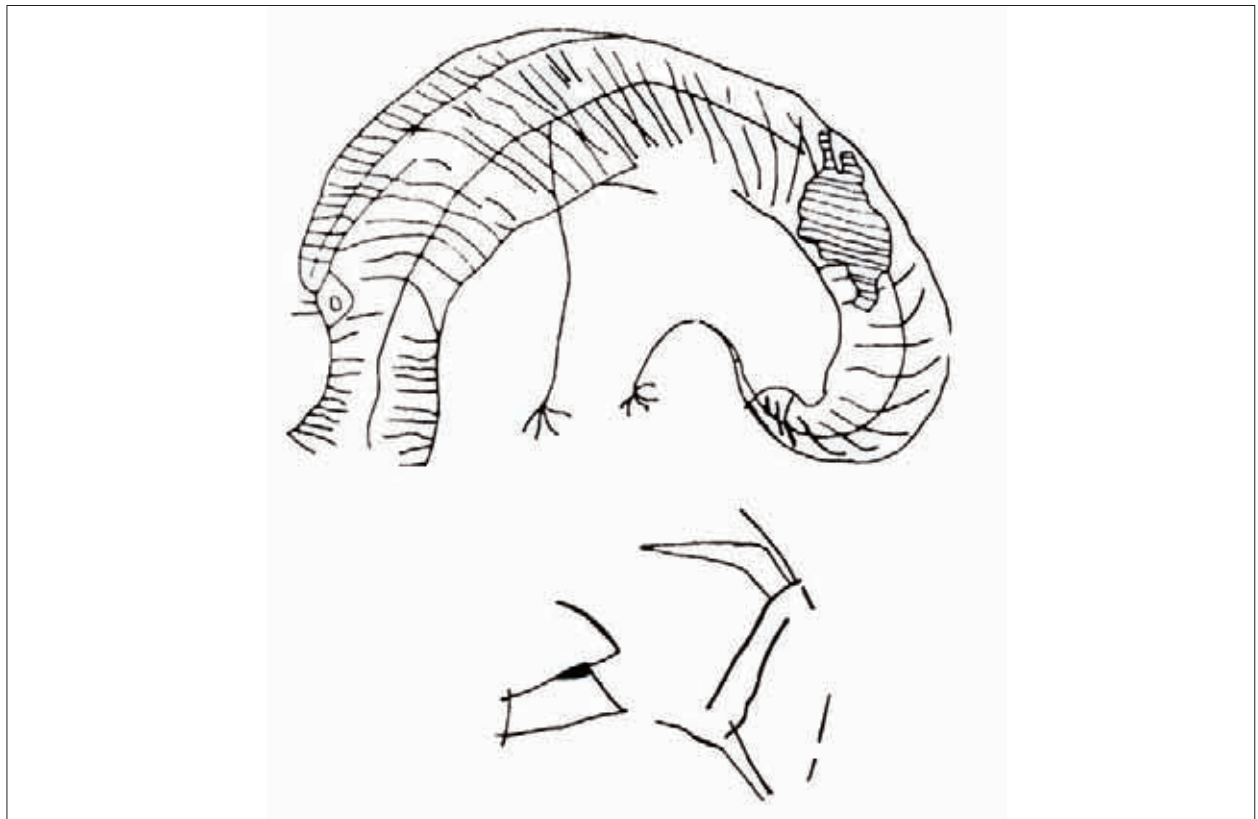

Рис. 72. Хищник в технике граффити. Ешкиолмес
 Сур. 72. Граффити тәсілімен берілген жыртқыш. Ешкіөлмес
 Fig. 72. Carnivore in technique and graffiti. Eshkiolmes

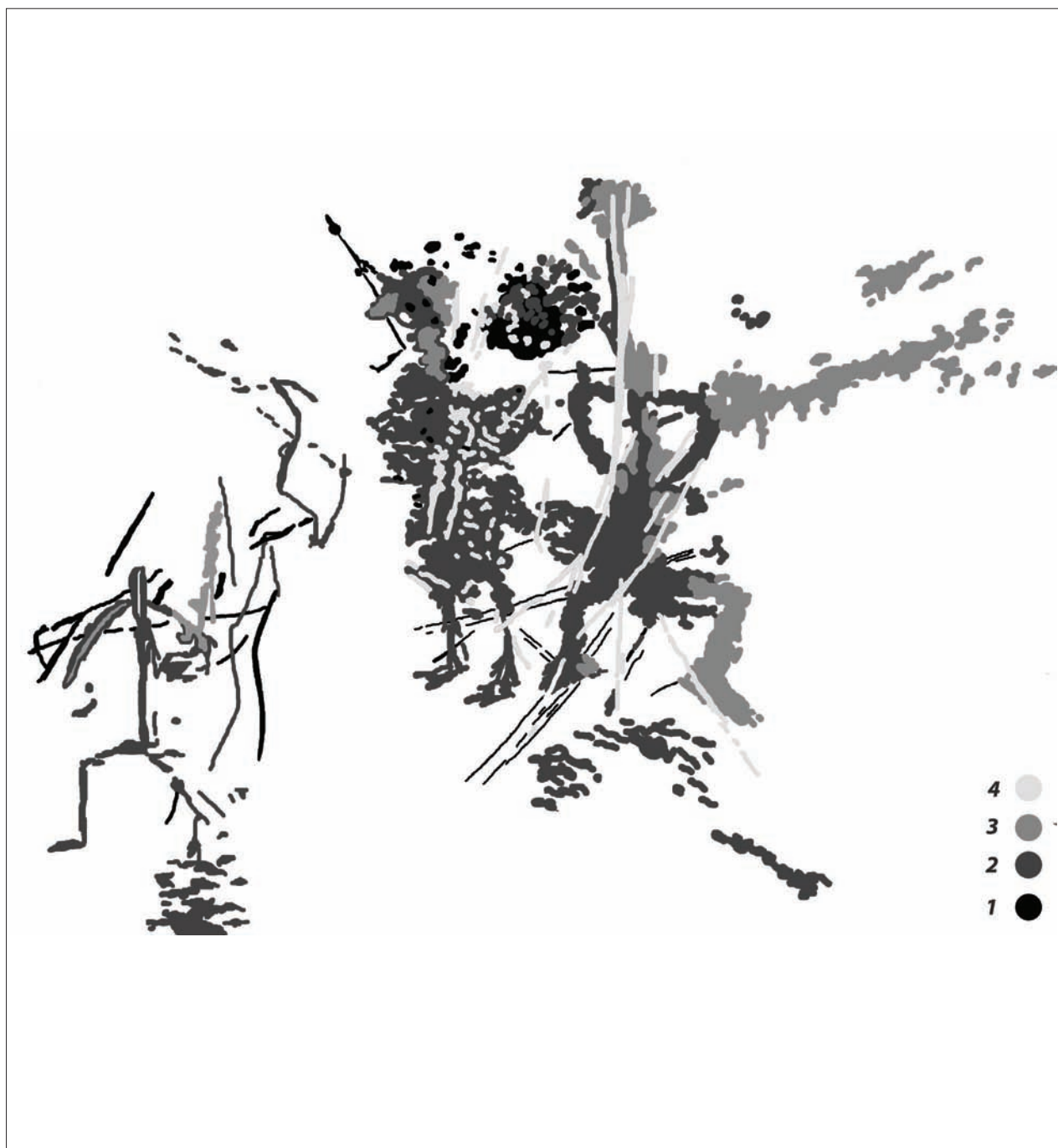

Рис. 73. Роженица. Фрагмент сцены. Ешкиолмес
Сур. 73. Босанатын әйел. Көрініс бөлігі. Ешкиолмес
Fig. 73. Woman in labor. Scene fragment. Eshkiolmes

Рис. 74. Охота на козлов. Ешкиолмес
Сур. 74. Теке аулау. Ешкіөлмес
Fig. 75. Hunting goats. Eshkiolmes

Рис. 75. Контурный олень, копытные и хищники. Ешкиолмес
Сур. 75. Бұғы бейнесі, тұяқтылар және жыртықшытар. Ешкіөлмес
Fig. 75. Contour deer, hoofed animals and carnivores. Eshkiolmes

Приложение II

ТАБЛИЦЫ

Таблица I. Клювовидные олени

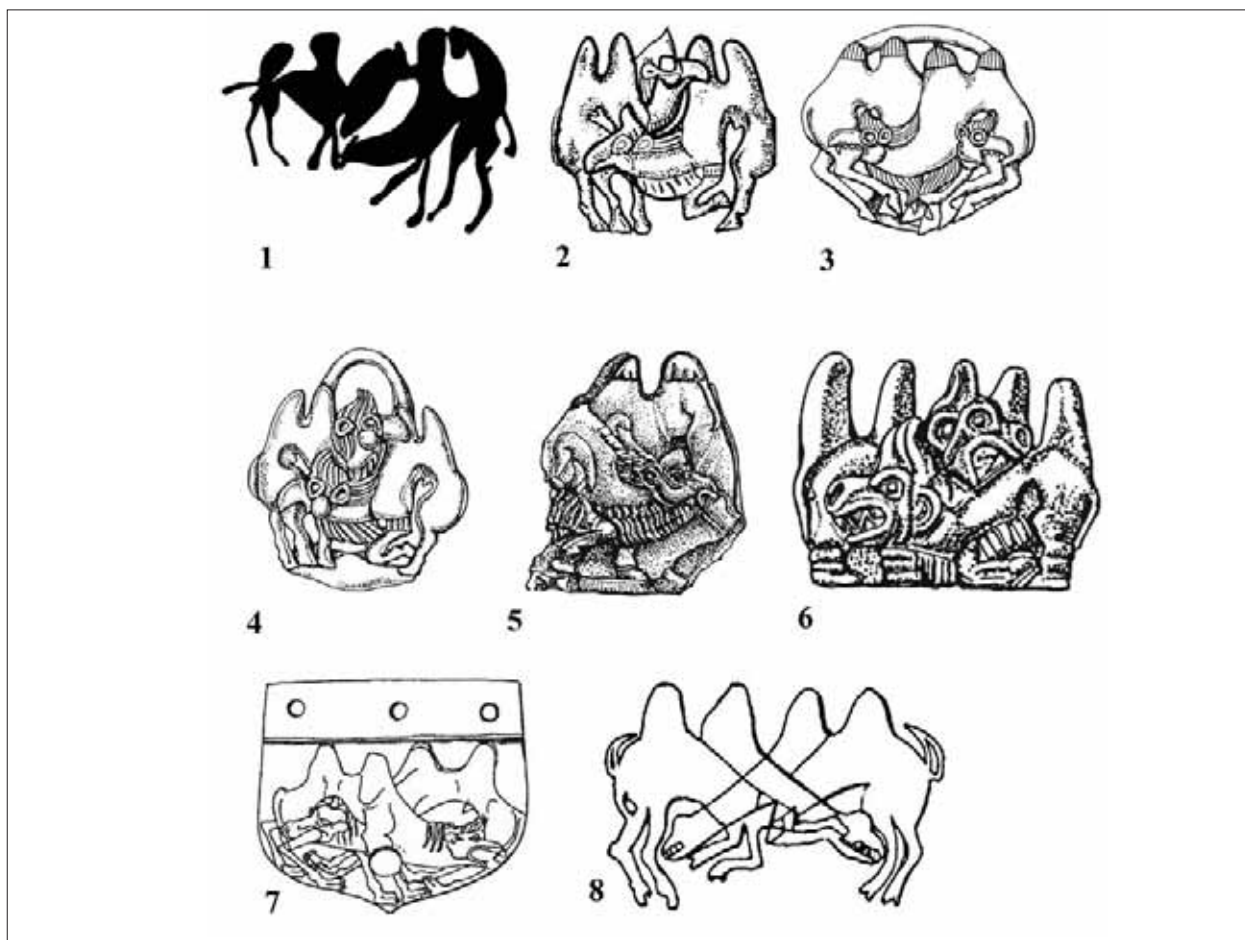
1. Жыңғылшық, Қазақстан
2. р. Хуни, Монғолия [по: Грязнов, 1978]
3. Кезек-Терек, Тыва [по: Грязнов, 1978]

Кесте I. Құстұмсықты бұғылар

1. Жыңғылшық, Қазақстан
2. Хуни өз., Монғолия [Грязнов, 1978]
3. Кезек-Терек, Тыва [Грязнов, 1978]

Table I. Beak-shaped deer

1. Jyngylshyk, Kazakhstan
2. riv. Huni, Mongolia [Gryaznov, 1978]
3. Kezek-Terek, Tyva [Gryaznov, 1978]

Таблица II. Изображения дерущихся верблюдов

1. Петроглифы. Арпаузен, Казахстан
2. Бляха. Могильник Пятимары I [по: Смирнов, Петренко, 1963]
- 3, 6. Бляхи. Филипповский курган, Южное Приуралье [по: Королькова, 2006]
4. Бляха от конского убора. Могильник Бесоба, курган 5, Западный Казахстан [по: Королькова, 2006]
5. Фрагмент амулета, камень. Тоголок 21, Маргиана, Средняя Азия [по: Королькова, 2006]
7. Композиция на костяной поясной пластине. Средняя Азия [по: Королькова, 2006]
8. Петроглифы. Сулек, Хакасия [по: Королькова, 2006]

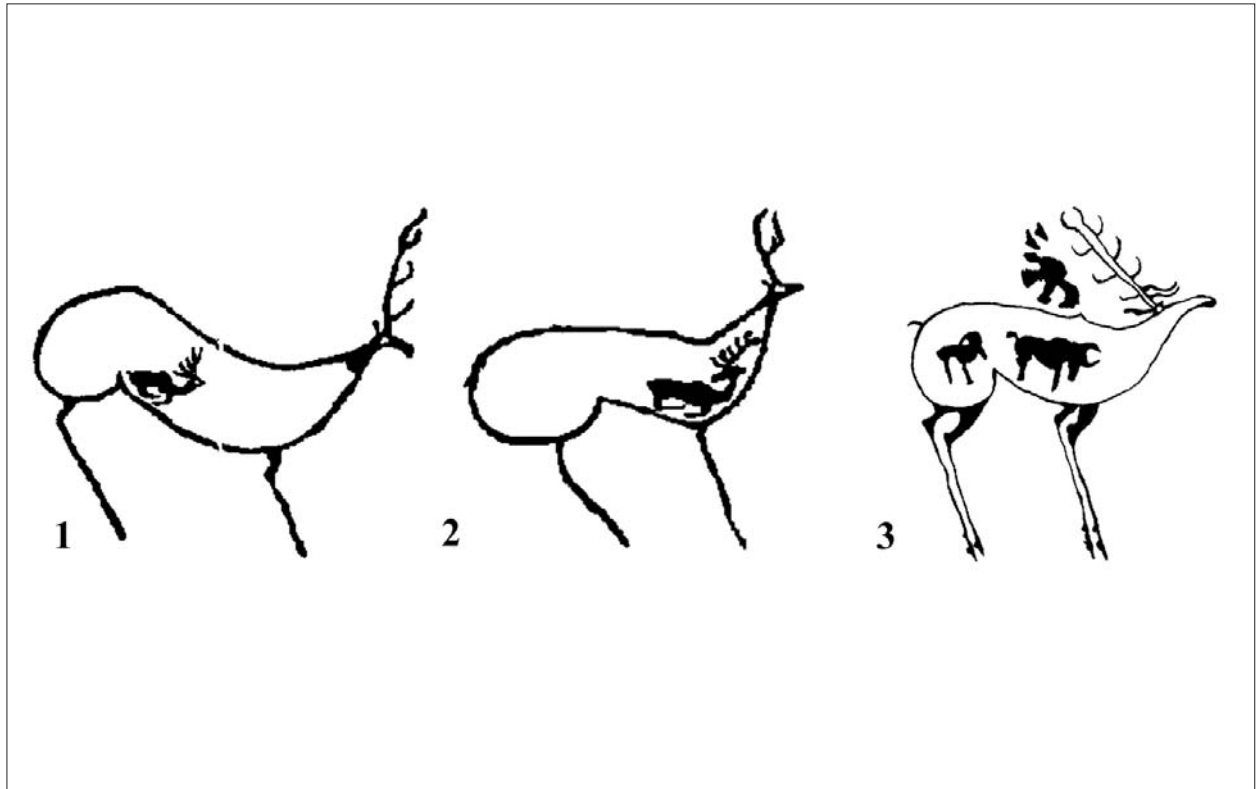
Кесте II. Шайқасқан түйелер бейнелері

1. Петроглифтер. Арпаузен, Қазақстан
2. Қапсырма. Пятимары I қорымы [Смирнов, Петренко, 1963]
- 3, 6. Қапсырмалар. Филиппов обасы, Оңтүстік Орал [Королькова, 2006]
4. Ат әбзелі капсырмасы. Бесоба қорымы, 5-ші оба, Батыс Қазақстан [Королькова, 2006]
5. Амулет бөлігі, тас. Тоголок 21, Маргиана, Орта Азия [Королькова, 2006]
7. Белдіктің сүйек жапсырмасындағы композиция. Орта Азия [Королькова, 2006]
8. Петроглифтер. Сулек, Хакасия [Королькова, 2006]

Table II. Images of fighting camels

1. Petroglyphs. Arpaozen, Kazakhstan
2. Metal plate. Burial Pyatimary [Smirnov, Petrenko, 1963]
- 3, 6. Metal plates. Kurgan Filippov, South Ural [Korol'kova, 2006]
4. Metal plates of decorative trappings. Burial Besoba, kurgan 5, West Kazakhstan [Korol'kova, 2006]
5. Amulet fragments, stone. Togolok 21, Margiana, Central Asia [Korol'kova, 2006]
7. Composition on stone belt plate. Central Asia [Korol'kova, 2006]
8. Petroglyphs. Sulek. Khakassia [Korol'kova, 2006]

Таблица III. Изображения оленей с вписанными фигурами

1, 2. Арпаузен, Казахстан

3. Жалтырак-Таш. Таласская долина (Урмарал), Кыргызстан [по: Шер, 1980]

Кесте III. Иштерине бейнелер салынган бұғы суреттері

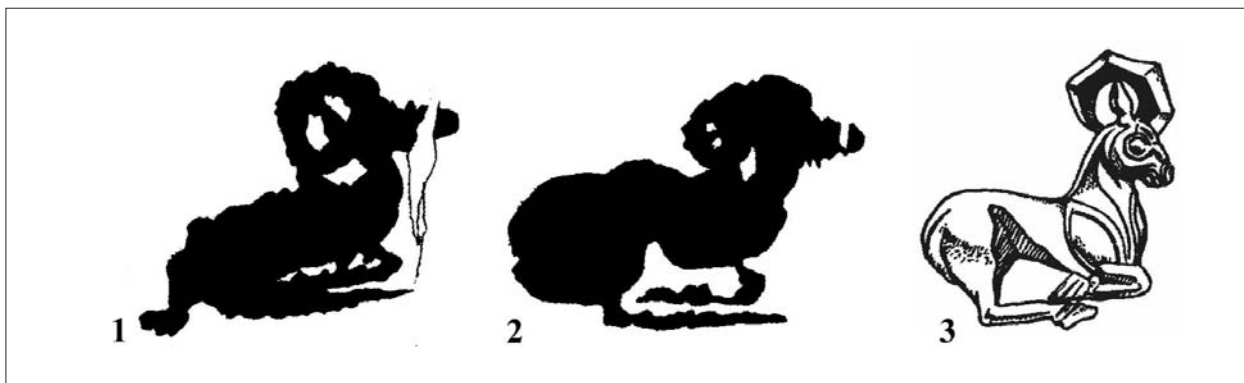
1, 2. Арпаузен, Қазақстан

3. Жалтырак-Таш. Талас алкабы (Урмарал), Қырғызстан [Шер, 1980]

Table III. Deer images with inscribed figures

1,2. Arpaozen, Kazakhstan

3. Jaltyrak-Tash, Talas valley (Urmara), Kyrgyzstan [Sher, 1980]

Таблица IV. Архары с поджатыми ногами

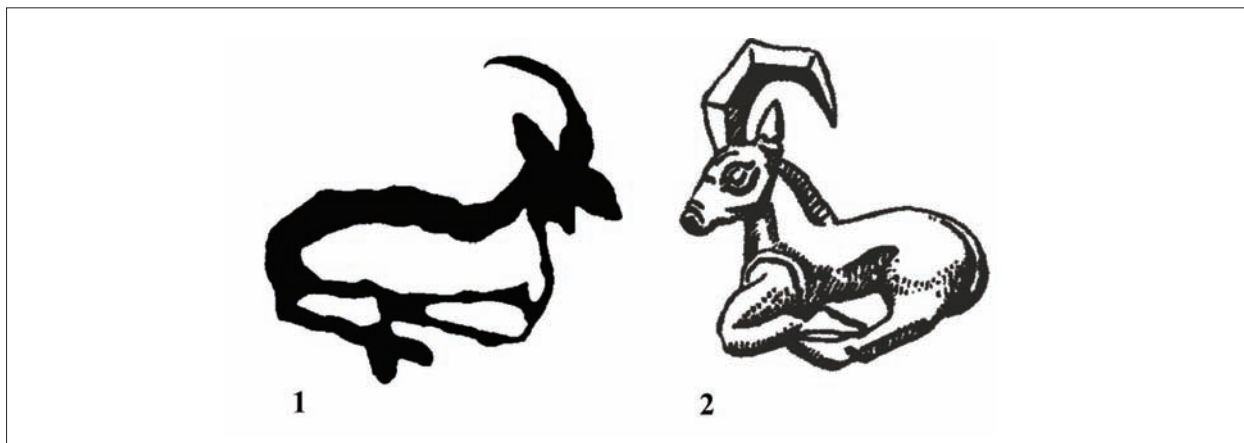
1, 2. Петроглифы. Ешкиолмес, Казахстан
3. Бляшка. Зивие, Иран [по: Погребова, Раевский, 1992]

Кесте IV. Аяқтары бүгілген арқарлар

1. Петроглифтер. Ешкіөлмес, Қазақстан
2. Қапсырма. Зивие, Иран [Погребова, Раевский, 1992]

Table IV. Argali with their legs pulled up

1, 2. Petroglyphs. Eshkiolmes, Kazakhstan
3. Metal plate. Ziviye, Iran [Pogrebova, Raevsky, 1992]

Таблица V. Козлы с поджатыми ногами

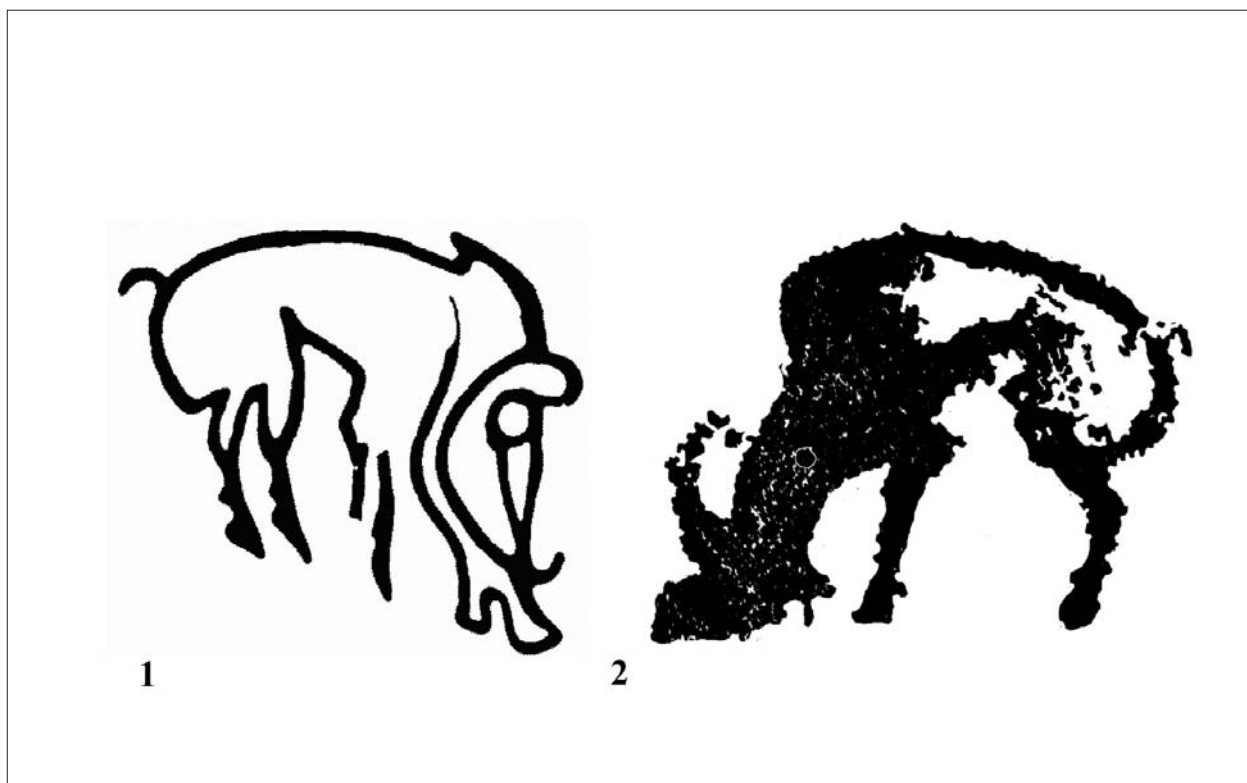
1. Петроглифы. Ешкиолмес, Казахстан
2. Бляшка. Зивие, Иран [по: Погребова, Раевский, 1992]

Кесте V. Аяқтары бүгілген текелер

1. Петроглифтер. Ешкіөлмес, Қазақстан
2. Қапсырма. Зивие, Иран [Погребова, Раевский, 1992]

Table V. Goats with their legs pulled up

1. Petroglyphs. Eshkiolmes, Kazakhstan
2. Metal plate. Ziviye, Iran [Pogrebova, Raevsky, 1992]

Таблица VI. Кабаны

1. Петроглифы. Боролдай, Қазақстан
2. Изображение на плите. Курган Аржан, Тыва [по: Грязнов, Маннай-Оол, 1974]

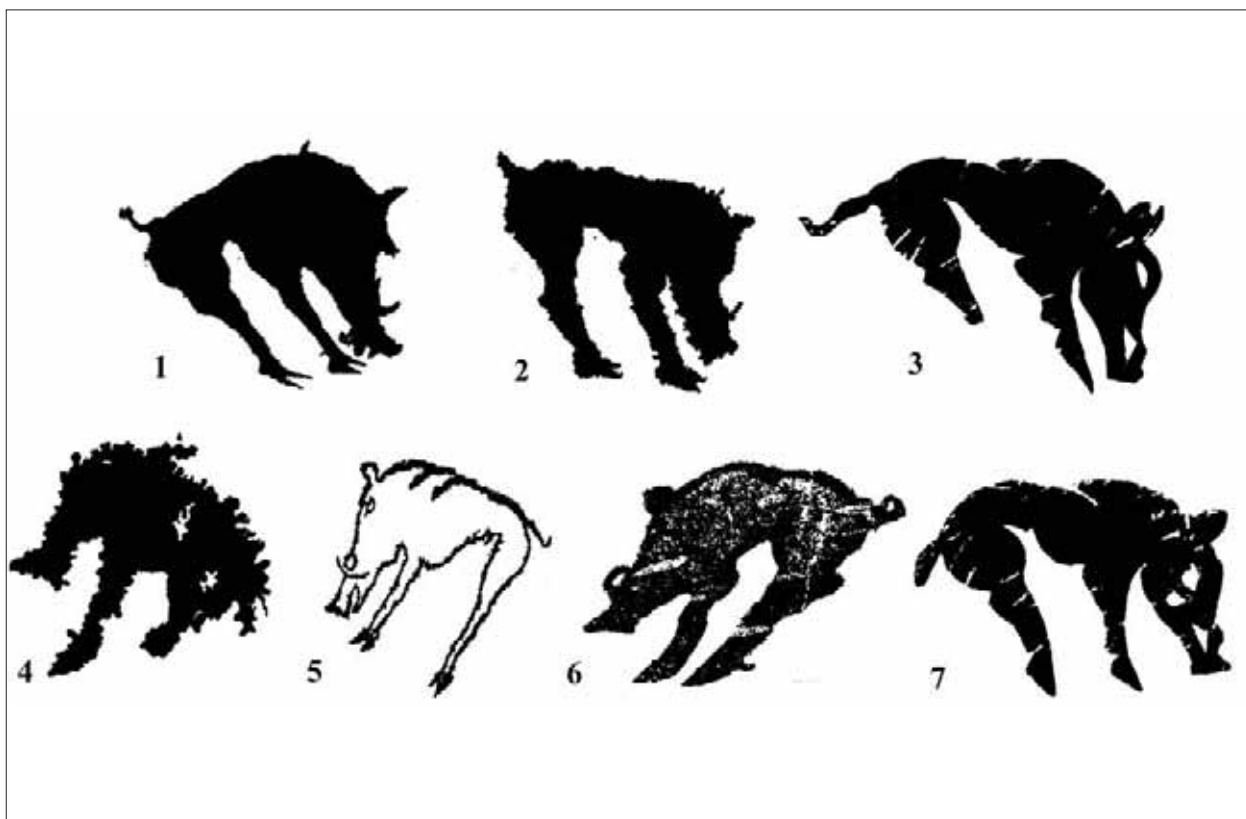
Кесте VI. Қабандар

1. Петроглифтер. Боролдай, Қазақстан
2. Аржан обасындағы тақтатастағы бейне, Тыва [Грязнов, Маннай-Оол, 1974]

Table VI. Boars

1. Petroglyphs. Borolday, Kazakhstan
2. Images on plates. Kurgan Arzhan, Tyva [Gryaznov, Mannay-Ool, 1974]

Таблица VII. Кабаны

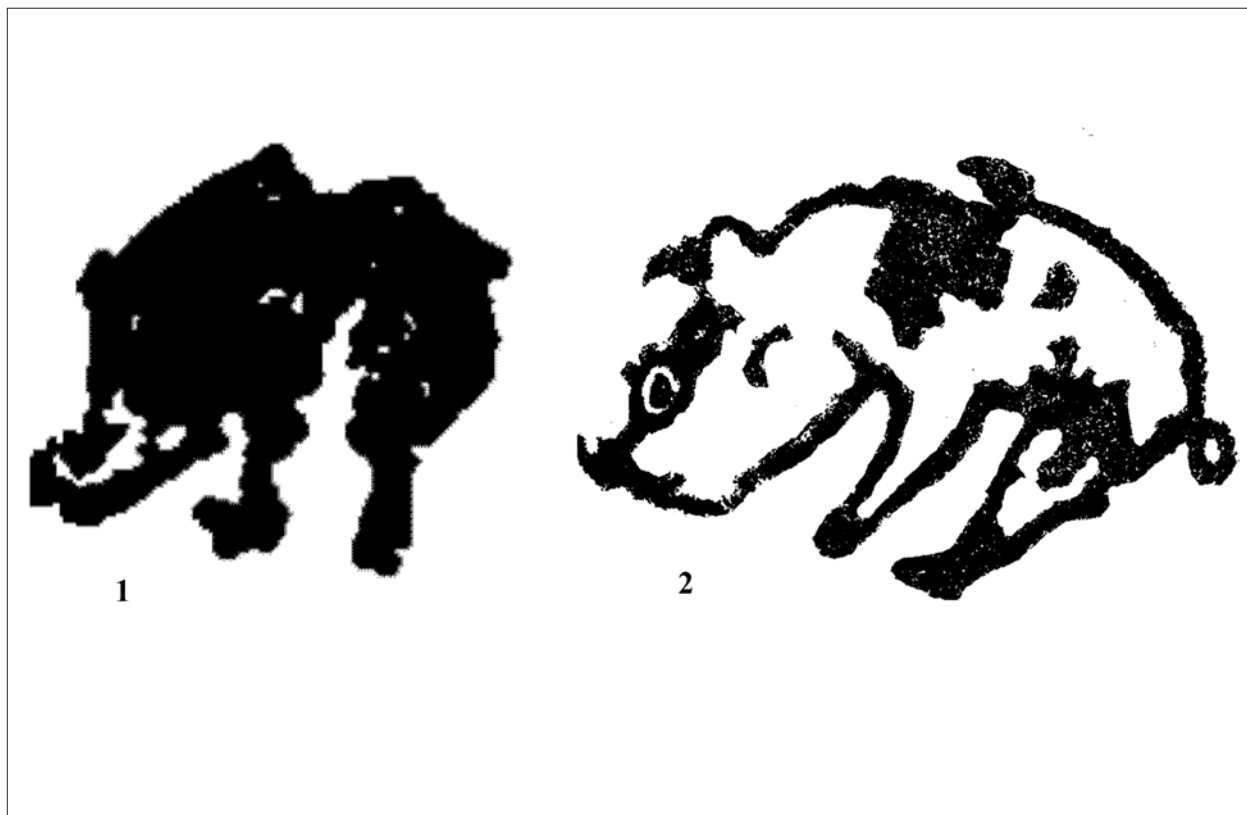
- 1, 2. Петроглифы. Арпаузен, Казахстан
 3, 7. Бляшки. Шиликты, курган 5 [по: Артамонов, 1973]
 4. Петроглифы. Ешкиолмес, Казахстан
 5. Петроглифы. Саускандык, Казахстан
 6. Петроглифы. Малый Койтас, Казахстан

Кесте VII. Қабандар

- 1, 2. Петроглифтер. Арпаөзен, Қазақстан
 3, 7. Қапсырмалар. Шілікті, 5-ші оба [Артамонов, 1973]
 4. Петроглифтер. Ешкіөлмес, Қазақстан
 5. Петроглифтер. Сауыскандық, Қазақстан
 6. Петроглифтер. Кіші Қойтас, Қазақстан

Table VII. Boars

- 1,2. Petroglyphs. Arpaozen, Kazakhstan
 3,7. Metal plates. Shilikty, kurgan 5 [Artamonov, 1973]
 4. Petroglyphs. Eshkiolmes, Kazakhstan
 5. Petroglyphs. Sauyskandyk, Kazakhstan
 6. Petroglyphs. Lesser Koitas, Kazakhstan

Таблица VIII. Кабаны

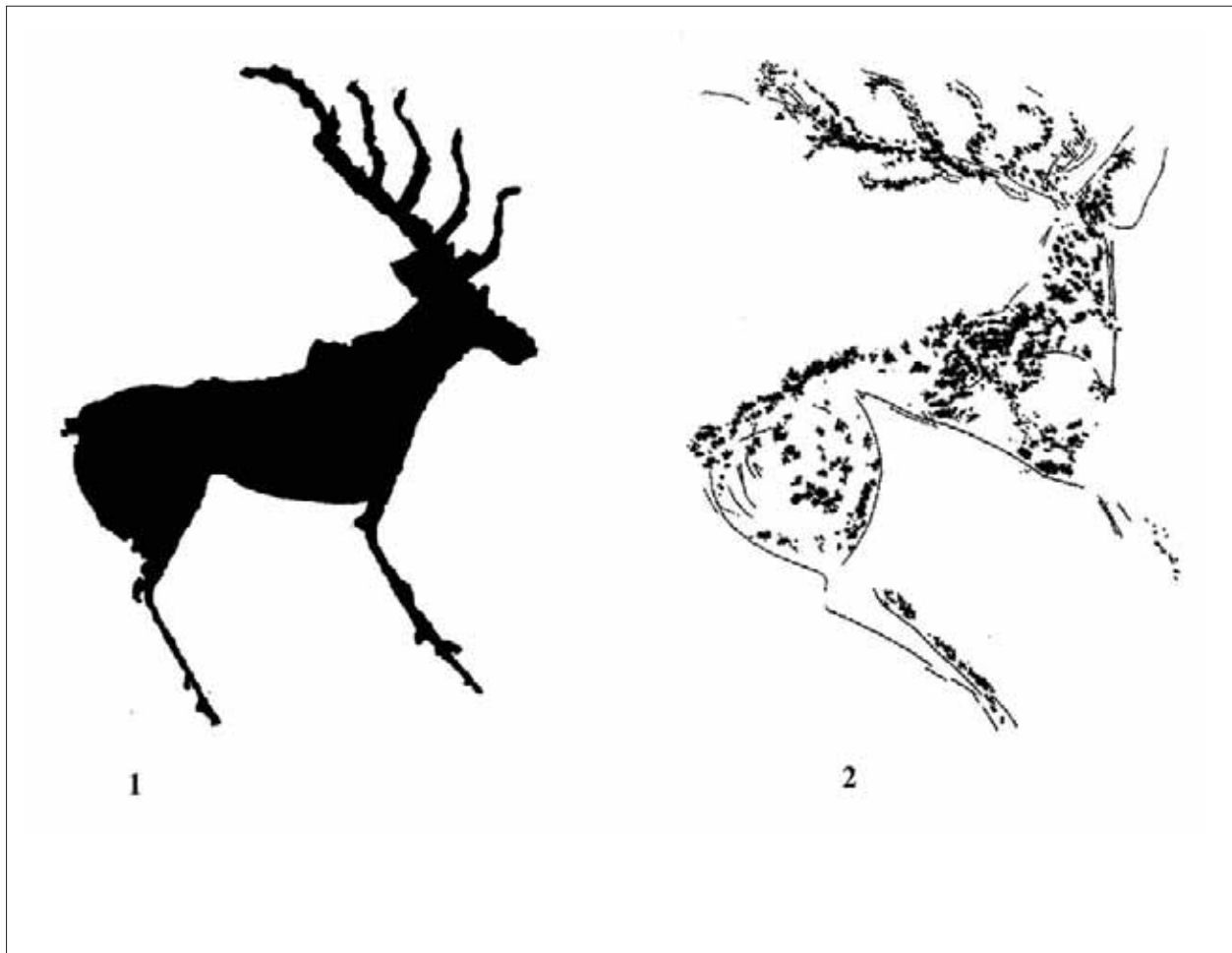
1. Петроглифы. Малый Койтас, Казахстан
2. Петроглифы. Оленные камни 2 типа, Тарят сомон, Монголия [по: Савинов, 1994]

Кесте VIII. Қабандар

1. Петроглифтер. Кіші Қойтас, Қазақстан
2. Петроглифтер. 2-ші типтегі бұғытастар, Тарят сомон, Монғолия [Савинов, 1994]

Table VIII. Boars

1. Petroglyphs. Lesser Koitas, Kazakhstan
2. Petroglyphs. Deer stone of the 2 type, Tarayt somon, Mongolia [Savinov, 1994]

Таблица IX. Олени

1. Ешкіолмес. Қазақстан
2. Жалтырақ-Таш. Қырғызстан [по: Миклашевич, 2012]

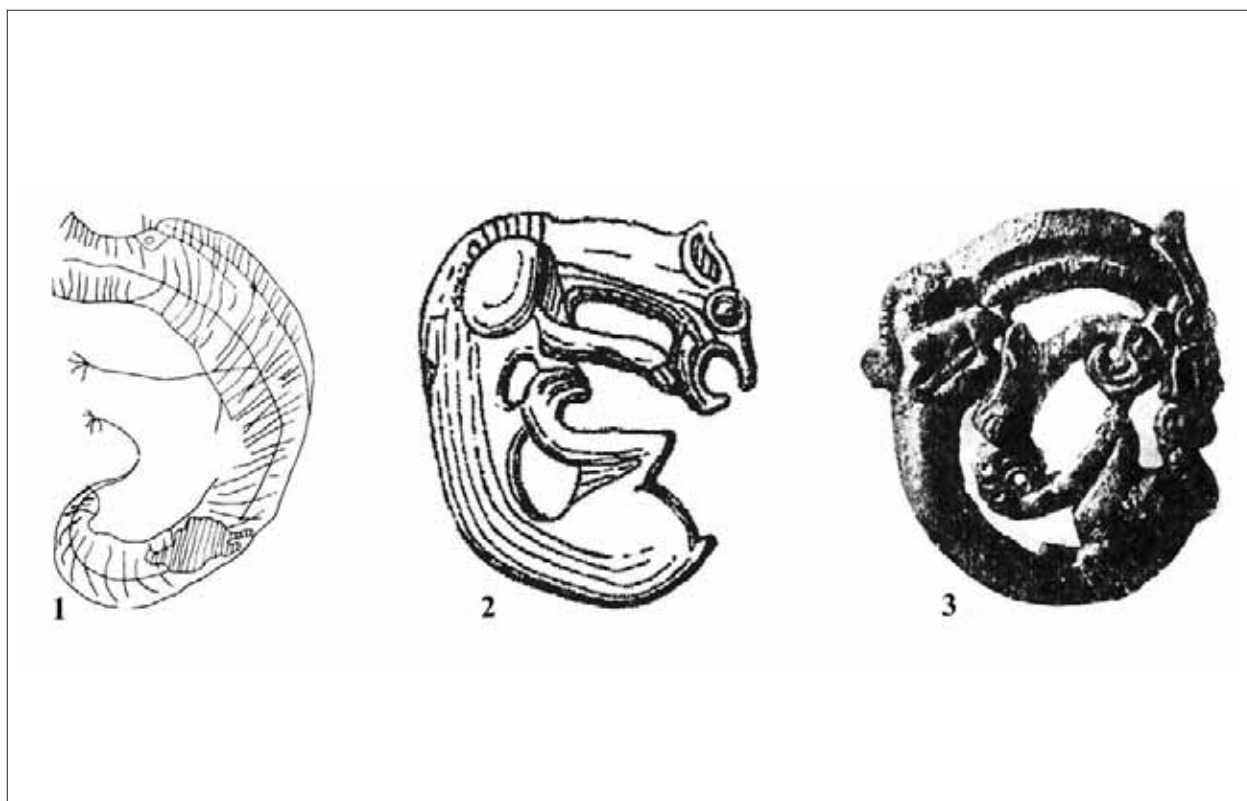
Кесте IX. Бұғылар

1. Ешкіөлмес. Қазақстан
2. Жалтырақ-Таш. Қырғызстан [Миклашевич, 2012]

Table IX. Deer

1. Eshkiolmes. Kazakhstan
2. Zhaltyrak-Tash, Kyrgyzstan [Miklashevich, 2012]

Таблица X. Хищник, свернувшийся в кольцо

1. Петроглиф. Ешкиолмес, Казахстан
2. Бляшка. Курган 499 у с. Басовка [по: Ильинская, 1971]
3. Бляшка, курган в окрестностях Симферополя [по: Ильинская, 1971]

Кесте X. Жиырылған жыртқыш

1. Петроглиф. Ешкіөлмес, Қазақстан
2. Қапсырма. Басовка с. маңындағы 499-шы оба [Ильинская, 1971]
3. Қапсырма. Симферополь маңындағы оба [Ильинская, 1971]

Table X. Coiled predators

1. Petroglyph. Eshkiolmes, Kazakhstan
2. Metal plate. Kurgan 499 near the village Basovka [Il'inskaya, 1971]
3. Metal plate, kurgan near Simferopol [Il'inskaya, 1971]

Таблица XI. Фантастические хищники

1. Петроглифы. Маймак, Казахстан

2. Рисунок на плите. Курган Аржан-2, Тыва [по: Чугунов, Наглер, Парцингер, 2006]

Кесте XI. Қиял-ғажайып жыртқыштар

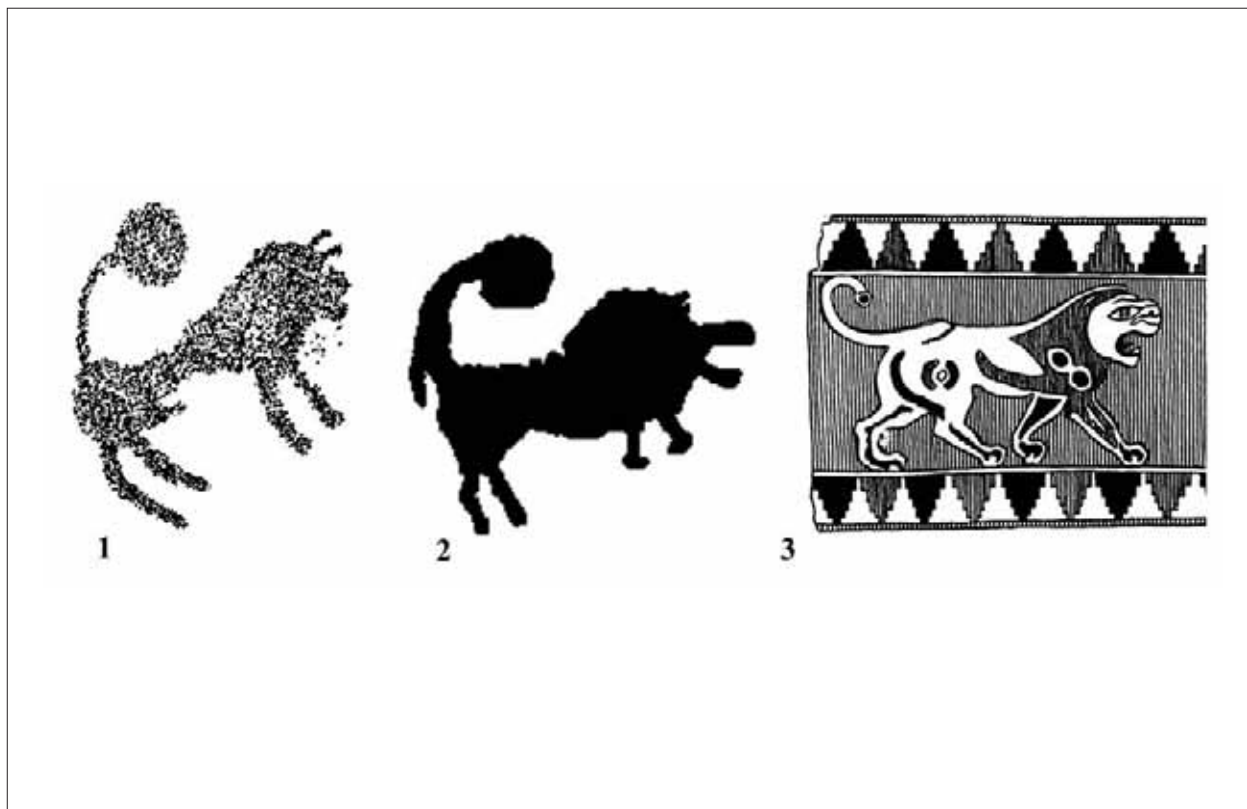
1. Петроглиф. Маймак, Қазақстан

2. Аржан-2 обасындағы тақтатастағы бейне, Тыва [Чугунов, Наглер, Парцингер, 2006]

Table XI. Fantastic predators

1. Petroglyphs. Maimak, Kazakhstan

2. Images on plates. Kurgan Arzhan-2, Tyva [Chugunov, Nagler, Partsinger, 2006]

Таблица XII. Львы (?)

1. Петроглифы, Габаевка, Казахстан
2. Петроглифы, Жыңғылшық. Казахстан
3. Изображение льва, узор шерстяной переднеазиатской ткани. Пятый Пазырыкский курган, Алтай [по: Руденко, 1961]

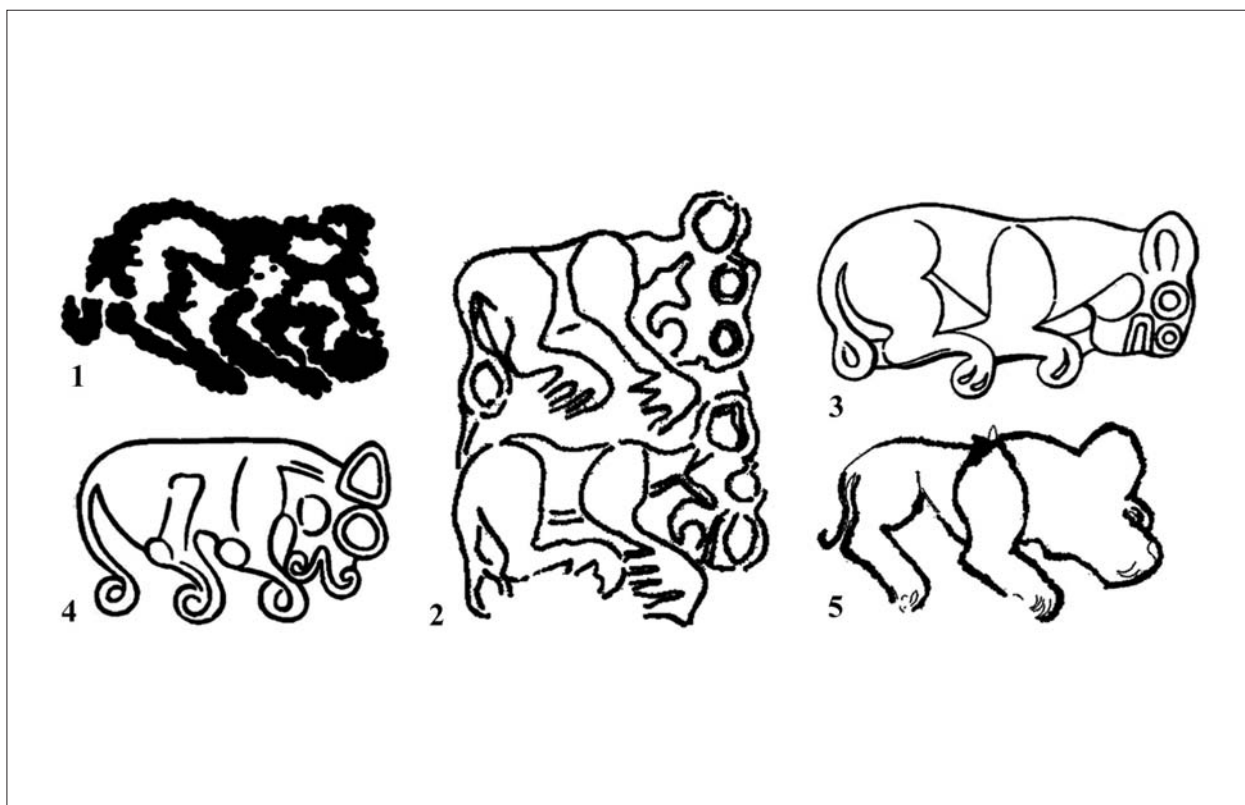
Кесте XII. Арыстандар (?)

1. Петроглифтер. Габаевка, Қазақстан
2. Петроглифтер. Жыңғылшық, Қазақстан
3. Арыстан бейнесі, алдыңғызиялық жүн матадағы өрнек. Бесінші Пазырық обасы, Алтай [Руденко, 1961]

Table XII. Lions (?)

1. Petroglyphs. Gabayevka, Kazakhstan
2. Petroglyphs. Jyngylshyk, Kazakhstan
3. Lion images, ornament of the woolen Western Asian fabric. Fifth Pazyryk kurgan, Altay [Rudenko, 1961]

Таблица XIII. Пантеры (?)

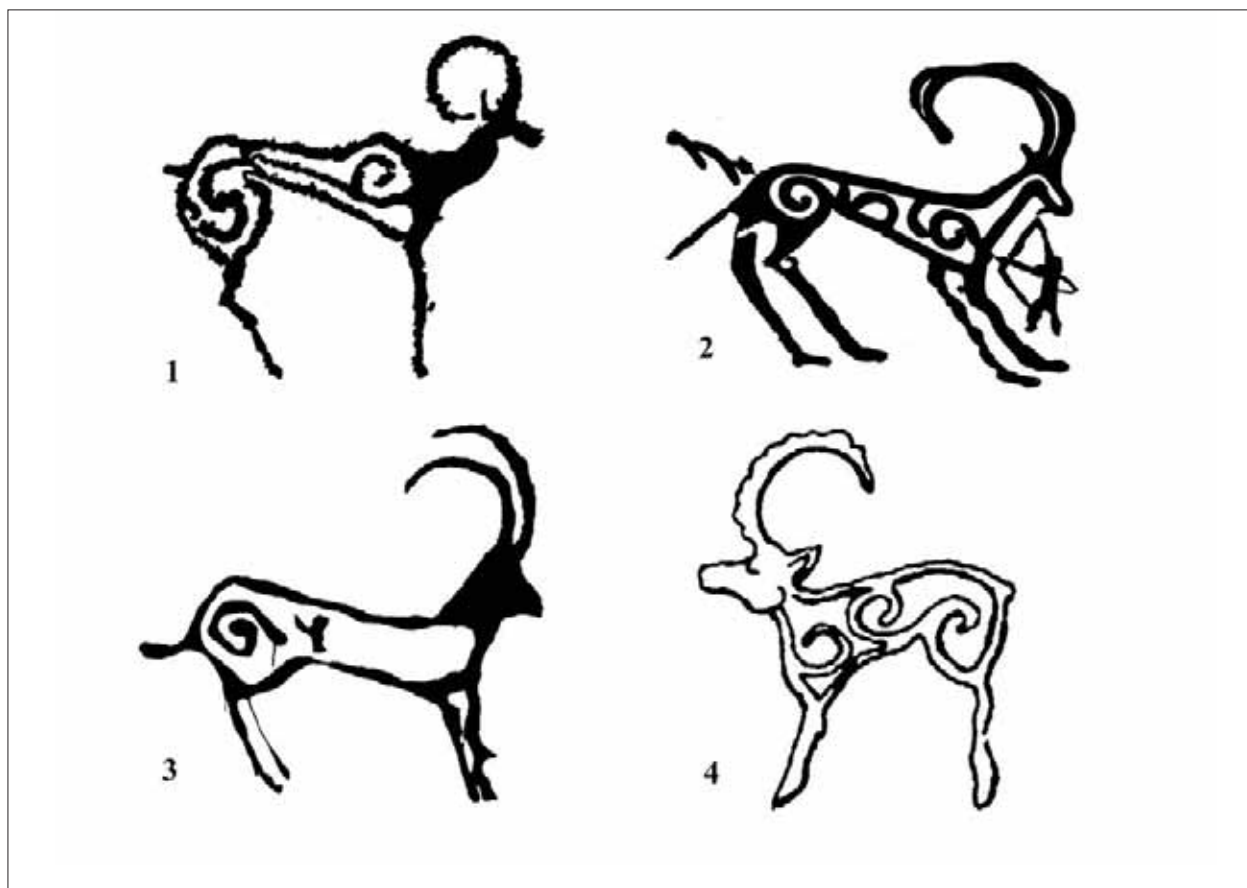
1. Петроглифы. Ешкіөлмес, Қазақстан
2. Обкладка ножен. Курган у хутора Шумейко [по: Погребова, Раевский, 1992]
3. Бляха. Курган близ Ульского аула [по: Ильинская, 1971]
4. Изображение на золотой ленте. Зивие, Иран [по: Ильинская, 1971]
5. Петроглиф. Жалтырак-Таш, Кыргызстан [по: Миклашевич, 2012]

Кесте XIII. Қабылдар (?)

1. Петроглифтер. Ешкіөлмес, Қазақстан
2. Қын әшекейі. Шумейко хуторы маңындағы оба [Погребова, Раевский, 1992]
3. Қапсырма. Уля ауылы маңындағы оба [Ильинская, 1971]
4. Алтын лентадағы бейне. Зивие көмбесі, Иран [Ильинская, 1971]
5. Петроглиф. Жалтырак-Таш, Қырғызстан [Миклашевич, 2012]

Table XIII. Leopards (?)

1. Petroglyphs. Eshkiolmes, Kazakhstan
2. Sheath cover. Kurgan near the village Shumeiko [Pogrebova, Raevsky, 1992]
3. Metal plate. Kurgan near the village Ural [Il'inskaya, 1971]
4. Image on golden ribbon. Ziviye. Iran [Il'inskaya, 1971]
5. Petroglyph. Jaltyrak-Shash, Kyrgyzstan [Miklashevich, 2012]

Таблица XIV. Изображения копытных с волютами

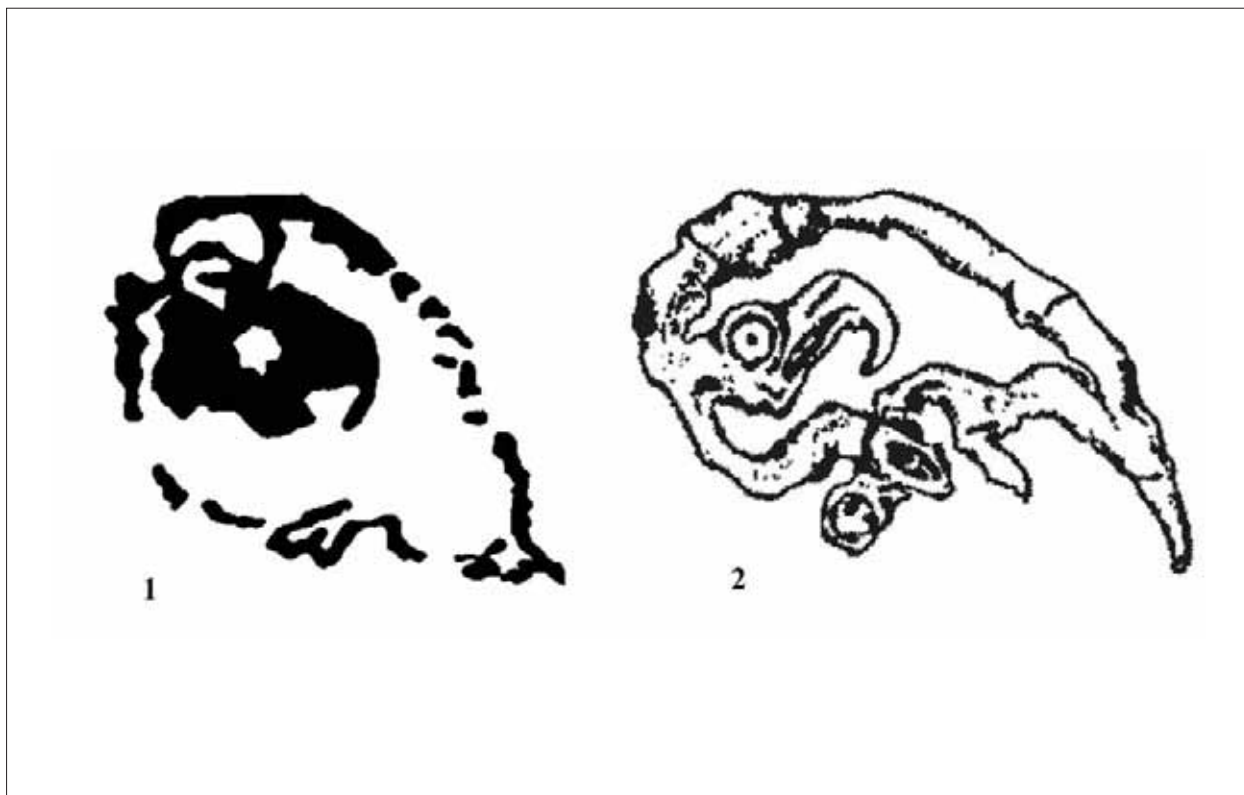
1. Арқар. Ақсу-Жабағылы, Қазақстан
2. Козел. Чолпон-ата, Қырғызстан
3. Козел. Ешкіолмес, Қазақстан
4. Козел. Усть-Туба, Южная Сибирь [по: Королькова, 1997]

Кесте XIV. Волюталар салынған тұяқтылар бейнелері

1. Арқар. Ақсу-Жабағылы, Қазақстан
2. Теке. Чолпон-Ата, Қырғызстан
3. Теке. Ешкіөлмес, Қазақстан
4. Теке. Усть-Туба, Сібір [Королькова, 1997]

Table XIV. Images of hoofed animals with scrolls

1. Argali. Aksu-Jabagyly, Kazakhstan
2. Goat. Cholpon-ata, Kyrgyzstan
3. Goat. Eshkiolmes. Kazakhstan
4. Goat. Ust'-Tuba, South Siberia [Korol'kova, 1997]

Таблица XV. Орлы

1. Петроглифы. Ешкиолмес, Казахстан
2. Бляшка. Шиликты, Казахстан [по: Черников, 1965]

Кесте XV. Бүркіттер

1. Петроглифтер. Ешкіөлмес, Қазақстан
2. Қапсырма. Шілікті, Қазақстан [Черников, 1965]

Table XV. Eagles

1. Petroglyphs. Eshkiolmes, Kazakhstan
2. Metal plate. Shilikty, Kazakhstan [Chernikov, 1965]

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Из истории изучения петроглифов Жетысу	7
Вопросы локализации петроглифов эпохи раннего железа	18
Вопросы хронологии и периодизации	38
Заключение	54
Список литературы	56
Түйін	62
Summary	77
Список сокращений	92
Приложения	93

Научное издание

**Бейсенов Арман Зияденович,
Марьяшев Алексей Николаевич**

Петроглифы раннего железного века Жетысу

Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

При подготовке книги использовались фотографии Ольги Гумировой, Олега Белялова, Кайрата Жамбулатова, а также снимки из личных архивов Владимира Кадырбаева и Вадима Хайбуллина. Отрисовки Ольги Гумировой и Анастасии Страшинской.

Подписано в печать 29.10.2014 г. Формат 84 x 108 1/16.

Усл. п.л. 16,38. Гарнитура «Times». Тираж 200 экз.

ISBN 978-601-7312-49-7

Отпечатано в типографии «Хикари»